

**Уральский
федеральный
университет**

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

**Уральский гуманитарный
институт**

**А. В. ШАМАНАЕВ
С. Ю. ЗЫРЯНОВА**

ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Учебное пособие

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

А. В. Шаманаев, С. Ю. Зырянова

ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Учебное пособие

Рекомендовано методическим советом
Уральского федерального университета
в качестве учебного пособия для студентов вуза,
обучающихся по направлениям подготовки
46.03.01, 46.04.01 «История», 43.03.02 «Туризм»,
46.03.03, 46.04.03 «Антропология и этнология»,
50.03.03, 50.04.03 «История искусств»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2018

УДК 94(470)(075.8)
ББК Т3(2)-7я73-1
Ш19

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра древней и средневековой истории России
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
(заведующий кафедрой кандидат исторических наук, доцент А. Н. Сарапулов);

Н. А. Алексеенко, Dr. Etudes médiévales, кандидат исторических наук,
заведующий филиалом «Крепость Чембало»
Государственного историко-археологического музея-заповедника
«Херсонес Таврический»

Н а у ч н ы й р е д а к т о р

А. С. Мохов, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков УрФУ

Шаманаев, А. В.

Ш19 Охрана культурного наследия в Российской империи : учеб.
пособие / А. В. Шаманаев, С. Ю. Зырянова ; [науч. ред. А. С. Мо-
хов] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер.
ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 132 с.

ISBN 978-5-7996-2298-5

Рассматриваются вопросы истории законодательства об охране и использовании историко-культурного наследия, формирование и функционирование государственных органов охраны памятников, вклад научных и общественных организаций в дело сохранения отечественных древностей.

Для студентов, изучающих дисциплины «История охраны культурного наследия в России», «Охрана культурного наследия России», а также специальные дисциплины по охране памятников истории и археологии.

УДК 94(470)(075.8)
ББК Т3(2)-7я73-1

На обложке:

Карло Боссоли. Остатки генуэзских укреплений на Чуфут-Кале

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список основных сокращений	4
Предисловие	5
Введение	6
Глава 1. СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ	10
Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ И ПОДХОДОВ К СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ В РОССИИ XVIII в.	19
2.1. Правительственные распоряжения и практики сохранения памятников старины в XVIII в.	19
2.2. Академические экспедиции и изучение культурного наследия	28
2.3. Путешествие Екатерины II в Крым (1787) и формирование общественного интереса к древностям Северного Причерноморья	33
Глава 3. ПРАВОВАЯ БАЗА И ОРГАНЫ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – начала XX в.	39
3.1. Развитие законодательства в сфере сохранения культурного наследия	39
3.2. Организация охраны памятников старины в XIX – начале XX в.	46
Глава 4. НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	62
Глава 5. ВСЕРОССИЙСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ	77
Глава 6. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ В ПЕРИОД ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ конца XVIII – начала XX в.	100
Список источников и литературы для самостоятельного изучения	114
Указатель имен	118

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	Археографический ежегодник
ВИ	Вопросы истории
ГАГС	Государственный архив г. Севастополя
ГИМ	Государственный исторический музей
ГУАК	Губернская ученая архивная комиссия
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	Императорская археологическая комиссия
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
МАО	Московское археологическое общество
МАР	Материалы по археологии России
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НАО	Научно-археологические общества
ОЗ	Отечественные записки
ООИД	Одесское общество истории и древностей
ПСЗРИ-1	Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание
ПСЗРИ-2	Полное собрание законов Российской империи. 2-е собрание
ПСЗРИ-3	Полное собрание законов Российской империи. 3-е собрание
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РА	Российская археология
РАО	Русское археологическое общество
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГО	Русское географическое общество
РС	Русская старина
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
Тр. ГИМ	Труды Государственного исторического музея
УОЛЕ	Уральское общество любителей естествознания
ЧИОНЛ	Чтения в историческом обществе Нестора-летописца

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее учебное пособие предназначено для студентов направлений подготовки «История», «Антропология и этнология», «Туризм», «История искусств», в образовательные программы которых входят учебные курсы «История охраны культурного наследия в России», «Правовое регулирование профессиональной деятельности», «Охрана памятников истории и культуры», «Культурная политика в области сохранения культурного наследия», «Правоведение: Правовые основы охраны культурного наследия». Кроме того, издание может быть рекомендовано студентам других направлений – слушателям специальных курсов, связанных с проблемами охраны памятников истории и культуры.

В пособии рассматривается история охраны культурного наследия в Российской империи: формирование и развитие правовых основ, функции и деятельность государственных органов, вклад научных обществ, отношение к культурному наследию в период военных конфликтов, непосредственно затронувших территорию Российского государства.

Поскольку многие источники, прежде всего нормативные акты, являются труднодоступными, в текст пособия включено значительное количество выдержек из них.

В конце пособия приводится список источников и литературы для самостоятельного изучения – обязательной и дополнительной. К первой относятся труды общего характера, наиболее важные для изучения истории деятельности по охране памятников старины, ко второй – работы, касающиеся отдельных аспектов охраны историко-культурного наследия и предназначенные для углубленного изучения материалов курса.

В указателе имен приводится краткая информация о государственных и общественных деятелях, ученых, представителях творческой интеллигенции и других личностях, упоминаемых в тексте (их фамилии в тексте отмечены символом *).

ВВЕДЕНИЕ

Одной из глобальных тенденций современной цивилизации является беспрецедентно высокий и массовый интерес к культурному наследию¹. Это обстоятельство вызывает необходимость анализа и осмысления опыта предшествующих поколений в деле изучения и сохранения памятников истории и культуры. Обращение к историческому опыту поможет избежать многих ошибок и выработать наиболее эффективные меры по сбережению бесценных реликвий прошлого для современников и потомков. Необходимость обеспечить трансляцию культурного наследия следующим поколениям рассматривается как форма ответственности современного общества, являющегося только временным пользователем достояния прошлых поколений.

Нужно отметить, что для доиндустриальных обществ были характерны медленные, по сравнению с периодом индустриализации, темпы экономического развития. Традиционные формы хозяйственного освоения территорий, объемы промышленного и гражданского строительства позволяли избегать активного разрушительного воздействия на объекты, имевшие высокое историко-культурное значение. Для обществ индустриального типа присущи быстрые темпы роста численности населения, строительства промышленных, военных и бытовых объектов, сопровождающей инфраструктуры. В зону интенсивного антропогенного воздействия оказываются вовлеченными не только районы исторически сложившихся агломераций, но и регионы малонаселенные и малоосвоенные в прошлом. В этих условиях разрушительная антропогенная нагрузка на памятники истории и культуры многократно возрастает, формируются условия для быстрой смены культурно-исторической среды.

---

¹ См.: *Harrison R. Heritage: critical approaches*. London ; New York, 2013. P. 69–79.

Следует учитывать, что разрушительное воздействие на памятники, обусловленное вышеназванными факторами, может усиливаться из-за формирования в индустриальных обществах нигилистического отношения к прошлому и достижениям культуры в целом. При определенных условиях общечеловеческие ценности подменяются интересами отдельных социальных групп (тоталитарные или авторитарные государства) или возникает доминирование прагматических установок (сиюминутная экономическая целесообразность, потребительский подход, жажда наживы, что особенно характерно для государств с деградирующими системами социальной ответственности власти). При таких обстоятельствах происходит обесценивание объектов историко-культурного наследия, что способствует их массовому уничтожению.

Большое значение для развития системы охраны историко-культурного наследия имеет научный прогресс, способствующий разработке технологий, обеспечивающих физическую сохранность памятников. Широкое распространение неразрушающих методов исследования, представлений о реставрации как мере вынужденной и консервирующей по своей сути, совершенствование технических возможностей музейного, библиотечного, архивного хранения приводит к формированию качественно нового уровня охранной деятельности.

Общей тенденцией развития современной цивилизации является повышение культурно-образовательного уровня населения. Соответственно увеличивается интерес к памятникам истории и культуры, возрастает понимание исторической ответственности за сохранение и передачу потомкам материализованных свидетельств прошлого. В такой ситуации складывается «общественное мнение» протекционистской, для памятников, направленности.

В конце XX – начале XXI в. в связи с развитием информационных технологий встал вопрос о возможной смене вектора развития современного общества. Становление информационной цивилизации проявляется в формировании некоторых новых парадигм. Так, любой носитель информации начинает рассматриваться как безусловная ценность. На этом фоне свидетельства прошлого попадают в сферу правовой защиты, вплоть до международного уровня.

Кроме того, для высокоразвитых в технологическом и социальном отношении обществ характерен повышенный уровень исторической саморефлексии. Это явление часто приводит к идеализации прошлого и его овеществленных остатков. Таким образом, формируется своего рода социальный заказ, ориентированный на сохранение любых свидетельств «давно прошедших счастливых дней».

С другой стороны, в условиях постиндустриального общества экстенсивное расширение глобализации наряду со взаимообогащением культур и повышением информационной доступности культурного наследия приводит к стиранию культурных различий и даже исчезновению отдельных культур. В мультикультурном обществе нередко фиксируется снижение глубины осознания культурного наследия, но отмечается активное включение его в пространство современной культуры и социокультурных практик.

Следует отметить, что в современном мире, кроме негативных факторов, можно выделить явления, оказывающие в целом положительное воздействие на объекты культурного наследия, что способствует актуализации проблем их сохранения.

Если обратиться к практике употребления словосочетания «охрана культурного наследия» («охрана памятников истории и культуры»), можно зафиксировать наличие двух подходов. С одной стороны, оно используется в общекультурном контексте (часто его синонимом выступает слово «сохранение»), с другой – в специальном значении, в юридической и практической сферах.

В рамках первого подхода понятие «охрана наследия» используется деятелями науки и культуры, представителями общественности для характеристики ценностной установки современного общества. Сохранение материальных и нематериальных реликвий рассматривается как необходимая составляющая культурной жизни и признак «цивилизованности» государства и «духовности» общества. Однако этому подходу присуща большая степень неопределенности, противоречивости, субъективности и эмоциональности суждений о содержании, целях и формах охранной деятельности.

Второй подход связан с осуществлением практических мер по сохранению объектов историко-культурного наследия. Анализ имею-

щихся определений позволяет прийти к выводу, что под охраной культурного (историко-культурного) наследия (памятников истории и культуры) следует понимать систему мер, включая юридические, организационные, научно-практические и научно-технические, направленные на обеспечение физического сохранения объектов наследия во всех его формах (материальных и нематериальных).

Практическую реализацию этих мер можно назвать деятельностью по сохранению культурного наследия, которая должна осуществляться системно и включать взаимосвязанные компоненты, обеспечивающие выявление объектов наследия; их научное изучение; организацию их учета; обеспечение юридических и финансовых гарантий их сохранности; меры, направленные на физическое сохранение памятников истории и культуры.

Глава 1

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ

Целенаправленная деятельность по сохранению древностей стала осуществляться в России только с начала XVIII в., однако интерес к памятникам старины и бережное отношение к ним были распространены и в предшествующие века. Еще в эпоху первобытности формируется особое почитание древних капищ, захоронений. С принятием Русью христианства появляются новые святыни. Киевский князь Владимир положил начало собиранию культовых реликвий. Летописи сообщают, что после похода на Корсунь (Херсон), где князь принял крещение, он вывез в Киев мощи святого Климента и его ученика Фивы, «сосуды церковные и иконы», а также «двух медных идолов и четырех медных коней»¹.

Все это длительное время сохранялось в Киеве. Церковная утварь, иконы, чудотворные мощи, привезенные из Корсуни, были помещены в церковь Богородицы (Десятинную), построенную около 996 г. Сам храм, вероятно, рассматривался как место хранения святынь. Не исключено, что строительство Десятинной церкви можно рассматривать как первую зафиксированную в письменных источниках попытку увековечить памятное место гибели в Киеве первых христианских мучеников на Руси². Во время взятия Киева монголами в 1240 г. здание церкви было разрушено, восстановили его только в 1842 г. (в 1935 г. разобрано)³.

---

¹ Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. СПб., 2012. С. 79; Кене Б. В. Херсонес (Севастополь) // ЖМНП. 1855. Ч. 88. С. 208. Ср.: Ипатьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. С. 71–72; Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. С. 82.

² См.: Уханова Е., Толстая Т. Корсунские древности // Родина. 2002. № 11–12. С. 176.

³ См.: Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986. С. 17–18.

Уже в Древней Руси проявлялась особая забота по отношению к старинным иконам, которые служили не только образцами для иконописцев, но и почитались как особые реликвии. В «Церковном правиле митрополита Иоанна* к Иакову Черноризцу» (70–80-е гг. XI в.) было предписано сохранять «ветхи иконы» в местах, изолированных от непосредственного контакта с людьми или животными⁴. Сохранились сведения о русском иконописце начала XII в. Алимпии*, который «безвозмездно поновлял в киевских церквях обветшавшие иконы, о которых нарочито собирал сведения»⁵.

В средневековой Руси широко была распространена традиция почитания церковных колоколов⁶. В храмах сохранялись реликвии, связанные с государственными и религиозными деятелями. Стремление сохранить память о знаменитых исторических деятелях приводило к появлению легенд и подделок древностей. Так, в 1710 г. жители г. Коростеня показывали Василию Никитичу Татищеву* курган, который они считали могилой князя Игоря⁷. В Пскове в середине XV в. после канонизации князя-воина Довмонта-Тимофея (умер в 1299 г.) среди государственных реликвий появился меч, якобы принадлежавший князю. Почти через 100 лет подобная история произошла с мечом князя Всеволода-Гавриила, умершего в 1138 г. и включенного в общерусский пантеон святых в 1549 г. В обоих случаях подлинное оружие не сохранилось, мечи-реликвии, как показали современные исследования, были изготовлены через 200–300 лет после смерти князей⁸.

В сохранении памятников древнерусской письменности большую роль сыграли монастыри и церкви. Они были не только хра-

---

⁴ Церковное правило митрополита Иоанна к Иакову Черноризцу // *Макарий (М. П. Булгаков)*. История русской церкви. М., 1995. С. 572.

⁵ Цит. по: *Бобров Ю. Г.* Развитие взглядов на реставрацию древнерусской иконописи // *Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX – XX веках. История проблемы*. М., 2008. С. 266.

⁶ См.: *Пыляев М. И.* Старое житье. СПб., 1897. С. 288–320.

⁷ См.: *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 16.

⁸ См.: *Артемьев А. Р.* О мече-реликвии, ошибочно приписываемых псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмунту-Тимофею // *СА*. 1992. № 2. С. 66–78.

нилищами документов и книг. Благодаря деятельности книгописных мастерских (скрипториев), существовавших при монастырях и церквях, постоянно пополнялся и воспроизводился книжный фонд. Переписывались греческие и латинские рукописи, их переводы и оригинальные произведения русских авторов, богослужебные книги и, что особенно важно для историков, летописи. Книги создавались по заказу духовных и светских лиц. Самая ранняя точно датированная русская книга «Остромирово Евангелие» была создана для новгородского посадника Остромира в 1056–1057 гг. До настоящего времени сохранилось около тысячи русских рукописных книг XI–XIII в.⁹

В XIV–XV вв. центрами создания и хранения книг стали монастыри Северо-Восточной Руси – московские (Троице-Сергиев, Чудов, Спасо-Андроников, Данилов, Симонов, Спасский), нижегородский (Успенский), тверской (Спасо-Преображенский), переяславль-залесский (св. Николая)¹⁰. Крупные книжные собрания сформировались в XVI–XVII вв. на Русском Севере. Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря в XVI в. располагала 780 книгами, Соловецкого – 519. В 1601 г. в описи имущества Успенского (Трифонова) монастыря в Вятском крае (возле г. Хлынова) зафиксировано наличие 130 книг¹¹.

В то же время церкви и монастыри не были единственными местами сохранения древностей. Так, созданная в начале XVI в. в Москве Оружейная палата функционировала не только как арсенал, в котором хранилось боевое и парадное оружие. Особое место в ней было выделено для государственных инсигний: «Для помещения драгоценной оружейной брони и другой различной оружейной казны или всяких дорогих предметов в этом здании была отделена особая, более других, обширная палата. Она была украшена стенописью, а для размещения сохраняемого оружия в ней

---

⁹ См.: История книги / под ред. А. А. Говорова. М., 2001. С. 106–109.

¹⁰ См.: Там же. С. 111–112.

¹¹ См.: От Вятки до Тобольска: церковно-монастырские библиотеки российской провинции XVI–XVIII веков / отв. ред. И. В. Починская. Екатеринбург, 1994. С. 8.

по местам стояли рундуки (особые поставцы) с гребнями (род карнизов) наверху. Здесь первым предметом среди разного оружия был царский скипетр, золотой, убранный дорогими камнями и покрытый финифтью»¹².

В XVI–XVII вв. получило распространение собирание и хранение различных раритетов, диковинок в царских покоях и в домах знати¹³. Среди этих вещей значительное место занимали произведения декоративно-прикладного искусства византийских, восточных и европейских мастеров: кубки, чаши, столовая посуда и др. Иностранцы путешественники поражались богатству царской сокровищницы и высокому художественному уровню изделий, принадлежавших правителям российского государства¹⁴. В XVII в. зародилась традиция украшать стены царских дворцов и боярских палат привезенными из Европы гравюрами («фряжскими листами»), гобеленами, реже – картинами¹⁵.

В сферу интересов частных собирателей XVI–XVII в. попали и книжные памятники. Так, владельцами крупной библиотеки были «именитые люди» Строгановы. Книги начал собирать Аника Федорович Строганов*, существенно увеличил коллекцию его внук Никита Григорьевич*. Строгановская библиотека включала как рукописные, так и первопечатные издания широкого тематического разнообразия: богослужебные книги (евангелия, апостолы, псалтыри, часословы, жития), исторические сочинения («Летописец русской», «Летописец Стефана Пермского», «Сказание о Вавилоне и нравах человеческих», «Сказание о взятии Царьграда»), философские и художественные сочинения («Философия», «Менандра мудрого стихи о разуме»)¹⁶.

---

¹² Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990. С. 132.

¹³ См.: Там же. С. 288–289.

¹⁴ См.: Гольдберг Т. Г. Очерки по истории серебряного дела в России в первой половине XVIII века // Тр. ГИМ. 1947. Вып. 18. С. 7–10 (5–144).

¹⁵ См.: Левинсон-Лессинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1986. С. 33–34.

¹⁶ См.: Книги старого Урала / сост. и ред. Р. Г. Пихоя. Свердловск, 1989. С. 54–64.

Вполне естественно, что в Средние века меры по сохранению архитектурных памятников предпринимались в основном по отношению к культовым постройкам. К светским постройкам отношение было, к сожалению, менее бережное. В значительной степени это связано с тем, что большая их часть сооружалась из недолговечного дерева. Несмотря на благоговейное отношение к древним храмам, они часто перестраивались для придания постройкам «благопристойного» вида. Отмечены единичные для того времени случаи проведения реставрационных работ, конечно, далеких от целей и методов научной реставрации. Так, в конце XV в. зодчему Василию Дмитриевичу Ермолину* было поручено построить новую каменную церковь Вознесенского монастыря Московского кремля, но архитектор решил не сносить старую постройку: «Домыслив же ся о сем, каменщики церкви не разобрали... и отдалаша ея около всю новым камнем да кирпичем ожиганым и своды сведоша, и всю свершиша»¹⁷. В. Д. Ермолин также восстановил рухнувший Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (построен в 1230–1234 гг.). Как отмечал сам зодчий, «повелением князя великого Василеи Дмитриевъ те церкви собрал вси изнова и поставил, как прежде»¹⁸. Правда, современные историки архитектуры весьма критично оценивают эту «реставрацию»¹⁹.

В XVII в. государство начинает проявлять практический интерес к объектам археологического наследия. Курганы, валы, каменные изваяния упоминаются в «Книге Большому Чертежу», составленной в Разрядном приказе в 1627 г. и содержащей описания карт Московского государства и соседних территорий. Памятники археологии служили географическими ориентирами²⁰. В тексте есть сведения о «каменных бабах» (антропоморфных стелах): «А на речке на Терновке стоит человек каменный, а у него кладут из Белгорода станичники доездные памяти, а другие памяти кладут на Самаре

---

¹⁷ Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России (XVIII – пер. пол. XIX в.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. 7. С. 296.

¹⁸ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 121–122.

¹⁹ См.: Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. С. 134.

²⁰ См.: Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. С. 12.

у двух девок каменных, а от каменного человека до Самары верст 30»²¹. В другой части «Книги» речь идет о кургане: «А ниже Мжа на Донце, с Крымской стороны, Змеево городище, а Змеев курган тож, от Мжа версты з 2»²².

Внимание властей к памятникам археологии часто приводило к уничтожению этих объектов. Правительство остро нуждалось в селитре, необходимой для изготовления пороха. В процессе «селитреного варенья» часто использовалась земля из древних поселений, насыщенная разложившейся органикой, известью и др. Воеводам предписывалось выявлять такие места для организации производства нужного государству продукта. Так, в 1630 г. приказ Казанского дворца направил грамоты тобольскому и томскому воеводам, предписывавшие искать «старых городищ и селищ», почва которых «к селитреному делу пригодилась», и устраивать возле них варницы²³.

Однако обнаруженные древние вещи далеко не всегда вызывали желание их сохранить, особенно если они относились к дохристианским временам. Так, изделия из драгоценных или цветных металлов часто переплавлялись. Такая судьба ждала, например, золотые и серебряные украшения, найденные в 1626 г. в кургане около г. Путивля²⁴. Вещи были обнаружены при разборе насыпи кургана «селитренным мастером» Романом Гавриловым и его работниками. В Разрядный приказ им были доставлены «2 прута» (возможно, шейные гривны), 26 нашивок/накладок, 9 «перстей» (перстней), пуговицы и другие мелкие изделия из золота и серебра. После выяснения обстоятельств находки клад был возвращен Роману Гаврилову для пожертвования на «церковное строение»²⁵.

Вероятно, вещи из кладов часто разделялись между лицами, участвовавшими в обнаружении ценностей. Так, в 1645 г. около

---

²¹ Книга Большому Чертежу / подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 64–65.

²² Там же. С. 86.

²³ *Оглоблин Н. Н.* «Сыскные дела» о кладах в XVII в. // ЧИОНЛ. 1893. Кн. 7, отд. 2. С. 118–119.

²⁴ См.: *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. С. 123.

²⁵ *Оглоблин Н. Н.* «Сыскные дела» о кладах в XVII в. С. 118–121.

г. Шацка на пашне были найдены «деньги не рускова дела», вероятно, из разрушенного клада. Воевода Н. Д. Бестужев провел расследование и установил, что первые монеты были найдены при распашке заброшенного участка земли. Слухи об этом быстро распространились по округе, поле стали посещать местные жители и собирать «копейки». Воеводе удалось изъять у населения около 70 монет, но большая часть находок осталась на руках кладоискателей. Конфискованные артефакты были отправлены в Разрядный приказ и, скорее всего, переплавлены²⁶.

В Сибири кладоискательство и разграбление курганов в XVII–XVIII вв. приобрело огромный размах. В некоторых районах эти занятия становились своего рода профессией для нескольких поколений отдельных семей. Существовали даже целые артели «бугровщиков», включавшие до 300 человек²⁷. Представители власти также принимали участие в разграблении курганов. Среди сибирских воевод существовала традиция изготовления серебряных сабель из вещей, найденных в древних могилах. Крупнейшим центром торговли курганными ценностями в конце XVII – начале XVIII в. был Красноярск. Местный воевода Д. Зубов собрал и переплавил золотые изделия в слитки стоимостью несколько тысяч рублей²⁸.

Масштабы кладоискательства были столь значительными, что привлекли внимание правительства. Сохранилась копия документа времен Алексея Михайловича, сделанная в начале XVIII в. и засвидетельствовавшая образец государственного подхода к историческим памятникам: «В прошлом 177-м (1669) году в ведомостях Сибирской губернии из Тобольска показано, что в Тобольском уезде, около р. Исети и во окружности оной, русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотыя и серебряные всякие вещи и посуду, чего ради велено взять известия: откуда те татары в прежния лета такое золото и серебро получали, или из котораго

---

²⁶ См.: *Оглоблин Н. Н.* «Сыскные дела» о кладах в XVII в. С. 123–131.

²⁷ См.: *Замятнин С. Н.* Первая русская инструкция для раскопок. (Находка костей «волота» в 1679 г.) // СА. 1950. Т. 13. С. 287.

²⁸ См.: *Бердинских В. А.* История кладоискательства в России. М., 2005. С. 127.

государства оно к ним привожено было»²⁹. Таким образом, интерес правительства к памятникам старины был обусловлен не стремлением их сохранить, а желанием получить сведения об источниках драгоценных металлов.

В XVII в. значение памятников археологии было осознано церковными иерархами. В 1635 г. киевский митрополит Петр Могила* предпринял раскопки руин Десятинной церкви с целью получения материалов, которые могли быть использованы в спорах с представителями униатской греко-католической церкви за право владения храмом³⁰. В результате этих работ был обнаружен саркофаг князя Владимира, и его останки были перенесены в Успенский собор Киево-Печерской лавры³¹.

Первые свидетельства научного интереса государственных органов к памятникам старины относятся ко второй половине XVII в. Так, в 1650 г. игумен Курского Знаменского монастыря Никодим в 15 верстах от города, около р. Рати, обнаружил «вшедшие в землю, неведомо чьи палаты». По распоряжению курского воеводы князя И. М. Волконского был выполнен план остатков сооружений, посланный царю Алексею Михайловичу. Сейчас этот комплекс известен как Ратское городище IX–XII в. К сожалению, сразу после обнаружения руины стали источником строительного материала для возведения церкви Знамения Божьей матери в Курске³².

В 1679 г. сотник черкасского Харьковского полка г. Ольшанки Иван Демьянов сын Смороцкий, копая землю для постройки плотины, обнаружил огромные кости, скорее всего мамонта. В 1684 г. он сообщил в Разрядный приказ о найденных им костях сказочного

---

²⁹ Цит. по: *Веселовский Н. И.* История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846–1896. СПб., 1900. С. 11.

³⁰ См.: *Кот С.* Теоретичні проблеми пам'яткознавства // Пам'яткознавчі студії в Україні: теорія і практика. Київ, 2007. С. 29.

³¹ См.: *Горбик В., Денисенко Г., Пархоменко М.* 3. Історія охорони та збереження пам'яток в Україні // Там же. С. 66.

³² См.: *Щавелев С. П.* Предыстория русской археологии: поиски древностей в Курском Посеймье XVII в. // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. С. 269.

великана – «волога». В том же году в Курск была послана грамота великих государей, которая предписывала местному воеводе «послать по весне в те места из Курска кого пригоже» и «тому посыльному велеть того человека ноги откопать, а откопав кости измерить, какова которая кость мерою в длину и в толщину, и написать на роспись, и на чертеже начертить»³³. Выполнить это распоряжение, однако, не удалось, так как половодье уничтожило находку³⁴.

В 1699 г. подьячему Верхотурской приказной палаты Якову Лосеву было поручено сделать рисунок Ирбитской писаницы – древнего наскального изображения, расположенного на берегу р. Ирбит. Указ, присланный из Москвы в Верхотурье, предписывал: «подьячему Якову Лосеву, стрельцу Петрушке Сапожникову, стрельцу Петрушке Каптыреву ехать им с Верхотурья, Верхотурского уезда, в Арамашевскую слободу. А приехав, взяти им прикащика Ивана Албычева, а буде иво той Слободе неизъедут, им взяти старосту да беломесного казака и ехать из Арамашевской слободы в деревню Писанец. А приехав и взяв тое деревни жителей крестьян, старых людей, и им велеть указать Гору, на которой камнях написаны слова и иные какие письма. А приехав к той горе, тое гору осмотреть и описать, сколь велика и высока и в котором месте на камени написаны слова или иные какие письма. И сколь высоко те письма на камени написаны от воды и сколько написано слов. Написать на чертеже тое гору и подписать слово в слово ничем не разное и во всем бы сходно»³⁵. Я. Лосев успешно выполнил поручение, и его рисунки были опубликованы в 1705 г. Николаусом Витзенем* в книге «Северная и Восточная Татария», изданной в Амстердаме³⁶.

---

³³ Цит. по: *Замятнин С. Н.* Первая русская инструкция для раскопок. С. 288.

³⁴ См.: Там же. С. 288.

³⁵ Цит. по: *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала // САИ. М., 1971. В4–12(2). С. 12.

³⁶ Там же. С. 9–13.

Глава 2

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ И ПОДХОДОВ К СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ В РОССИИ XVIII В.

2.1. Правительственные распоряжения и практики сохранения памятников старины в XVIII в.

Эпоха Петра I ознаменовалась кардинальными изменениями в жизни русского общества и Российского государства. Новации коснулись и дела сохранения культурных ценностей. Вероятно, уже в 1707–1716 гг. существовали какие-то устные распоряжения Петра о собирании старинных вещей. На их основании царю присылались различные археологические находки (из Киева, Сибири). Не исключено, что на пристрастия царя ориентировался и Акинфий Никитович Демидов*, который в 1715 г. преподнес Екатерине I коллекцию золотых вещей из сибирских курганов¹.

В 1714 г. Петр I создает первый русский музей – Кунсткамеру. Для ее пополнения он издает указ от 13 февраля 1718 г., предписывавший «приносить родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей во всех городах к губернаторам и комендантам»². Этот документ можно рассматривать как первый в России законодательный акт, регламентировавший порядок обращения с древностями. Кроме собирания «уродов» (за доставку которых предусматривалось весьма солидное, до 100 рублей, денежное вознаграждение), указ касался и археологических находок: «Также ежели кто найдет в земле или в воде какия старья вещи, а именно: каменьа необыкновенные, кости человеческия или скотския, рыбыи или птичьи,

---

¹ См.: *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 16.

² ПСЗРИ-1. 1830. Т. 5. № 3159. С. 541–542.

не такая, какая у нас ныне есть, или такая, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какая старья подписи на каменьях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно: також бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи, понеже не видав, положить нельзя цены»³.

В июне того же 1718 г. Петр I специальным распоряжением устанавливает размер вознаграждений за археологические находки. В частности, за крупный скелет человека можно было получить 1 тыс. руб., за череп – 500. Монеты оценивались в два раза больше стоимости металла⁴.

Этот правовой акт был дополнен сенатским указом от 16 февраля 1721 г. «О покупке в Сибири курьезных вещей и о присылке оных в Берг и Мануфактур-коллегию», согласно которому «курьезные вещи, которые находятся в Сибири, покупать Сибирскому Губернатору, или кому где надлежит, настоящею ценою и, не переплавливая, присылать в Берг и Мануфактур-коллегию, а в оной по тому же не переплавливая, об оных докладывать Его Величеству»⁵.

Несколько указов периода правления Петра I были направлены на сохранение документальных памятников российской истории. Церкви и монастыри еще со времен Средневековья сохраняли многочисленные рукописные свидетельства прошлого, первопечатные издания. В 1720 г. император отдал распоряжение: «во всех монастырях... осмотреть и забрать древния жалованья грамоты и другия курьезныя письма оригинальныя, также книги историческия рукописныя и печатныя». На основании этого повеления 20 декабря 1720 г. был издан сенатский указ, предписывавший губернаторам и вице-губернаторам «во всех епархиях и монастырях, и соборах» провести инвентаризацию указанных ценностей, а описи представить в Сенат⁶. Вероятно, требуемые сведения были достав-

---

³ ПСЗРИ-1. 1830. Т. 5. № 3159. С. 541–542.

⁴ См.: Распоряжение Петра I о вознаграждении за археологические находки // РС. 1872. Т. 6. С. 471.

⁵ ПСЗРИ-1. 1830. Т. 6. № 3738. С. 357–358.

⁶ См.: Там же. № 3693. С. 277.

лены в Санкт-Петербург, поскольку в императорском указе от 16 февраля 1722 г. упоминаются уже составленные реестры, в соответствии с которыми следовало «из всех епархий и монастырей... древних лет рукописанные на харгиях и на бумаге церковные и гражданские летописцы, степенныя, хронографы и прочие, сим подобныя», доставить в Синод для копирования. Для того, чтобы служители церкви не восприняли изъятие рукописных и печатных материалов как конфискацию, документ гарантировал возвращение подлинников владельцам: «тех епархий и монастырей властям при том объявить, дабы они те куриозныя книги объявили без всякой утайки, понеже те книги токмо списаны, а подлинныя возвращены будут к ним по прежнему»⁷.

После распоряжения Синода о снятии с икон украшений светского характера Петр I издает 20 апреля 1722 г. указ о сохранении «вещей старых изрядных». Старинные монеты и ювелирные украшения, поступавшие в Синод, предписывалось выкупать для императора: «что куриозное, деньги отдать достойной цены». Особое внимание надлежало уделять тем районам Центральной России, которые не пострадали в Смутное время: «чего для можно в те знатные места послать знающих людей, дабы то пересмотрели, что гораздо старое и куриозное, как выше написано, привезли»⁸.

Значимость данных указов состояла прежде всего в том, что впервые в российской практике объекты культурного наследия брались под защиту государством. Однако формулировки основных положений документов были слишком общими и неопределенными. Понятия «старыя», «зело старо и необыкновенно», «куриозные вещи» могли трактоваться очень широко. В значительной степени выявление таких объектов зависело от компетентности и добросовестности исполнителей на местах.

Петр I также предпринимал меры для сохранения недвижимых памятников старины. В 1722 г., проезжая Казань, он осмотрел руины Болгара (Булгара) – средневековой столицы Волжской Булгарии. Царь не только приказал скопировать несколько надписей,

---

⁷ ПСЗРИ-1. 1830. Т. 6. № 3908. С. 311–312.

⁸ Там же. № 3975. С. 658–659.

но и «прислал из Астрахани Казанскому губернатору повеление отправить немедленно к остаткам разоренного города Булгара несколько каменщиков с довольным количеством извести для починки поврежденных и грозящих упадком строений и монументов, пещись о сохранении оных, и на сей конец всякий год посылать туда кого-нибудь осматривать для предупреждения дальнейшего вреда»⁹. К сожалению, это не остановило разрушение памятника.

Приемники Петра Великого вплоть до воцарения Екатерины II уделяли мало внимания вопросам сохранения памятников старины. Из государственных документов этого периода наибольший интерес представляют три указа времен правления Анны Иоановны. Первые два указа – от 4 августа 1732 г. и от 8 апреля 1736 г. – предписывали передать в Мастерскую и Оружейную палаты для хранения ювелирные изделия, принадлежащие казне¹⁰. Распоряжение от 20 декабря 1737 г. регламентировало порядок обращения с конфискованным имуществом, в том числе с различного рода «куриозитетами»: «Оправное ж золотом и серебром ружье и всякие конские богатые уборы, алмазные и прочих камней вещи, ежели найдутся какою чрезвычайною работою или драгоценныя, оныя все потому ж отдавать в Мастерскую Палату, с правдивою ж оценкою для вписывания в уплату, а прочия все продавать; ибо в Мастерской только пристойно быть таким вещам, которыя в диковинку, и для того, кроме самых куриозных и драгоценных вещей, прочия все порядочно продавать»¹¹.

В годы правления Екатерины II был издан сенатский указ от 5 июля 1764 г., относящийся к деятельности «бугровщиков». За раскопки курганов в Сибири предусматривалось «бить батогами нещадно... дабы никто под жестоким наказанием в степь для бугрования не ездили», но причиной издания указа было не стремление сохранить археологические памятники, а то, «что с того бугрования браны были неприятелями и здешних российских в полон

---

⁹ *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 27–28.

¹⁰ См.: *Смолин В. Ф.* Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России // Изв. Археол. комиссии. Пг., 1917. Вып. 63. С. 128.

¹¹ ПСЗРИ-1. 1830. Т. 10. № 7470. С. 376.

люди и лошади»¹². Перспектива строгого наказания, однако, не останавливала желающих найти богатые клады в древних захоронениях. В научной литературе описаны многочисленные случаи разграбления курганов в тот период.

Вероятно, большее значение для сохранения памятников, прежде всего археологических, имел сенатский указ от 9 апреля 1771 г. Он предусматривал практическое использование археологических объектов – при составлении топографических планов включать сведения «о древних курганах и о древних же развалинах, также о пещерах... и о других подобных сему по самой натуре видимых признаках»¹³.

Активная внешняя политики России в Северном Причерноморье и вхождение этой территории в состав империи способствовали зарождению интереса к местным археологическим памятникам. Необходимость иметь точные представления о театре военных действий, а позже – о территориях, предназначенных для строительства военных и гражданских сооружений, вызвала работы по картографированию региона. Так, в 1737 г., вероятно военными топографами, был выполнен «вид Херсонеса Таврического». В период с 1772 по 1786 г. были созданы более десяти планов руин древнего Херсонеса, а также сооружений в Инкермане и остатков античных построек на Гераклеюмском полуострове¹⁴.

Во второй половине XVIII в. военные организовывали раскопки археологических памятников и собирали коллекции древностей в Северном Причерноморье. Генерал-поручик Алексей Петрович Мельгунов* в 1763 г. раскопал Литой (Мельгуновский) курган в окрестностях г. Елизаветграда (Херсонская губерния), содержащий богатое скифское погребение VI в. до н. э.¹⁵ Комплекс находок, получивший известность как «Мельгуновский клад», был

---

¹² ПСЗРИ-1. 1830. Т. 16. № 12199. С. 832–833.

¹³ Там же. Т. 19. № 13593. С. 263–264.

¹⁴ См.: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 480–487.

¹⁵ См.: *Придик Е. М.* Мельгуновский клад 1763 г. // МАР. 1911. № 31; *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии, 1700–1971. СПб., 1992. С. 58.

доставлен в Санкт-Петербург и по повелению Екатерины II помещен в Кунсткамеру. В XIX в. вещи передали в Эрмитаж¹⁶.

В 1770 г. командующий 2-й армией князь Василий Михайлович Долгоруков* вывез из Кафы (совр. Феодосии) в свое имение средневековый барельеф с латинской надписью и плиту с греческим текстом. Аналогичным образом поступил в 1772 г. президент военной коллегии З. Г. Чернышев*, по распоряжению которого из Кафы были отправлены в его поместье в Московской губернии 73 изделия из камня общим весом около 6,5 т¹⁷.

На полуострове Тамань, около ст. Сенной, генерал-инженер Вандервейде (Фан дер Вейде) в начале 1790-х гг. раскопал курган на некрополе античной Фаногории. Работу выполняли солдаты, которые обращались с находками небрежно, возможно, продавали их скупщикам. Сохранились сведения, что несколько античных ваз из погребения оказались в Москве (дальнейшая судьба не установлена). В Императорский Эрмитаж попал золотой браслет в виде разомкнутого кольца с двумя змеинными головами¹⁸.

Ряд правительственных распоряжений Екатерининской эпохи регламентировали охрану письменных памятников, архивных документов (указы 1768, 1779, 1781, 1782 гг.). Указ 1768 г. предписывал передать дела бывшего Сибирского приказа в разрядный Сенатский архив. Распоряжения 1779 и 1782 гг. поручали члену Петербургской академии наук Герарду Фридриху Миллеру* «собрать и напечатать все грамоты и договоры государственные». Указы 1781 и 1782 гг. регламентировали порядок передачи дел из ликвидированных присутственных мест в Государственный архив и учреждение в Москве Государственного архива старых дел¹⁹.

---

¹⁶ См.: *Бабенко Л. И.* К истории коллекции предметов из Литого (Мельгуновского) кургана // РА. 2012. № 3. С. 20.

¹⁷ См.: *Тункина И. В.* Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы Феодосийского музея древностей, 1771–1871 гг. Киев, 2011. С. 13–15.

¹⁸ См.: *Герц К. К.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. СПб., 1898. С. 4–7; *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России... С. 562–564.

¹⁹ См.: *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в России. С. 331–332.

Около 1780 г. Екатерина II повелела Святейшему синоду, «чтобы для пользы публики и для успехов русской истории, под призором надежных людей, снять списки с находящихся в Московской синодальной и типографской библиотеках таких древних русских рукописей, которые по древности своей трудны к разобранию, а потом приступить к напечатанию оных; а фигуры, находящиеся в некоторых, снять вернейшим образом; также справиться в Троицком и других славных монастырях, нет ли в библиотеках важных каких русских летописей, и ежели есть, то и сии напечатать»²⁰. Результатом этого стало издание большого количества русских летописей, послуживших источниками для написания трудов по отечественной истории. Одновременно в обществе возник интерес к древним памятникам русской письменности, что привело к формированию целого ряда крупных книжных собраний: А. И. Мусина-Пушкина*, Д. М. Голицина*, библиотек Бутурлиных, Воронцовых, Строгановых и др.

В середине – второй половине XVIII в. в среде русской аристократии распространяется интерес к коллекционированию произведений искусства. Картины, гравюры, скульптуры, художественная бронза и фарфор, мебель в основном приобретались в Европе. С 1730–1740-х гг. в Санкт-Петербурге регулярно проводились распродажи и аукционы, способствовавшие пополнению частных собраний. Во второй половине XVIII в. торговля художественными ценностями приобретает постоянный характер. Так, в 1760–1770-х гг. в российской столице существовали специализированные антикварно-художественные магазины Клостермана, Вейтбрехта, Роспини²¹. Крупными коллекциями произведений искусства обладали Н. Н. Демидов*, А. М.* и Д. М. Голицины, Г. Г. Орлов*, Г. А. Потемкин*, Н. П. и П. Б. Шереметьевы*, И. И. Шувалов, Н. Б. Юсупов* и др.²²

---

²⁰ Цит. по: *Погодин М. П.* Судьбы археологии в России // ЖМНП. 1869. Ч. 145 (сент.). С. 29–30.

²¹ См.: *Катагощина М. В.* Антикварное дело в России XVIII – первой трети XX века. М., 2014. С. 42–50.

²² См.: *Полунина Н. М.* Коллекционеры России XVII – начала XX в. : энциклопед. словарь. М., 2005. С. 116–118, 467–473, 481–483, 503–506; Нижнетагильский музей-заповедник / сост. И. Г. Семенов. Свердловск, 1988. С. 15.

В начале 1760-х гг. Екатерина II сделала первый серьезный шаг к формированию собрания живописи будущего Императорского Эрмитажа. Берлинский купец И. Э. Гоцковский, задолжавший крупную сумму российскому правительству, в 1763 г. предложил компенсировать долг коллекцией картин, первоначально предназначавшейся для короля Пруссии Фридриха II. В 1764 г. в распоряжении российской императрицы оказались 225 холстов, включая работы Рембрандта, Я. Йорданса, Ф. Хальса и др. Позже Екатерина II приобретала живописные произведения старых мастеров и размещала заказы современным художникам через специальных агентов, действовавших в европейских центрах антикварной торговли. К 1797 г. собрание Екатерины включало около 3 тыс. полотен, 7 тыс. рисунков, 79 794 гравюр, 10 тыс. гемм²³.

Хуже всего обстояло дело с сохранением архитектурных объектов. Никакой законодательной защиты в XVIII в. они не имели. Бесконтрольное разрушение и перестройка древних зданий были обычным делом. Стоит отметить, что даже великий русский архитектор Василий Иванович Баженов* собирався полностью реконструировать территорию Московского Кремля, уничтожив часть сохранившихся старинных построек. Работы начались в 1773 г., но через два года были прекращены, так как проект не нравился Екатерине II.

В XVIII в. памятники архитектуры активно разрушались на территории Северного Причерноморья, вошедшего в состав Российской империи. Руины античных и средневековых городов служили источником строительных материалов для военных и гражданских сооружений, возводившихся городов и портов. Так, путешественники по Крыму отмечали, что при строительстве Севастополя в большом количестве использовался камень из развалин Херсонеса (Херсона)²⁴. Л. С. Ваксель* видел античные строительные материалы

---

²³ См.: Левинсон-Лессинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1986. С. 52–109.

²⁴ См. напр.: Сумароков П. И. Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Ч. 1. С. 203–204.

и фрагменты статуй из Пантикапея и Фанагории в стенах домов и церковей Керчи и Тамани²⁵.

В 1795 г. были зафиксированы случаи кладоискательства в сохранившихся оборонительных башнях Феодосии (бывшей турецкой Кафы). При этом кладка сооружений безжалостно выламывалась кирками и ломami. Заинтересованными лицами оказались местный городничий секунд-майор Хартуллерий и его, судя по всему, конкурент, капитан Вятского пехотного полка Гвоздев. Когда сведения о попытках вскрытия кладок стен башен дошли до командующего русской армией на юге Михаила Васильевича Каховского*, в центре внимания начальства оказался конфликт между офицерами, возникший в ходе поиска клада, а судьба памятника старины не вызвала интереса у властей²⁶.

В конце XVIII в. Павел I узаконил права жителей Феодосии и Евпатории разбирать остатки древних зданий на строительные нужды. В манифесте от 13 февраля 1798 г. о предоставлении этим городам статуса порто-франко было указано: «Равномерно дозволяется поселяющимся в тех городах брать из оставшихся от прежних строений развалин, никому из частных людей не принадлежащих, готовый камень на созидание домов и прочаго безденежно, сколько его там отыщется»²⁷.

В целом, как отмечал Михаил Петрович Погодин*, во второй половине XVIII в. успехи в деле охраны памятников нельзя охарактеризовать однозначно. Многое было сделано для сохранения и издания письменных памятников, архивных документов, для возникновения общественного интереса к национальным древностям. Однако памятники материальной культуры, архитектуры «ломались, переделывались, исправлялись, замазывались, истреблялись

---

²⁵ См. : *Ваксель Л. С.* Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи. Снятые с подлинников в 1797-м и 1798-м годах, с приложением географической карты тех мест, где оные памятники обретенны с древними наименованиями. СПб., 1801. С. 5–6.

²⁶ См.: *Маркевич Ар. И.* К истории порчи и разрушения феодосийских башен // ИТУАК. 1913. № 50. С. 232–235.

²⁷ ПСЗРИ-1. 1830. Т. 25. № 18373. С. 65.

без всякой пощады, курганы распахивались, образа подправлялись, иконостасы перестраивались, старые окна расширялись, старые двери проламывались, сосуды, монеты переплавлялись»²⁸.

2.2. Академические экспедиции и изучение культурного наследия

Большое значение для выявления и изучения памятников древности, прежде всего археологических, сыграли комплексные экспедиции XVIII в. Они организовывались Академией наук, созданной по указу Петра I в 1724 г. Несмотря на то, что первостепенное внимание уделялось естественно-научным изысканиям, в обязательную программу этих экспедиций входили археологические и исторические исследования.

Первые исследования археологических памятников были проведены еще до учреждения Академии наук. В 1702 г. по распоряжению Андрея Андреевича Виниуса*, думного дьяка и главы Сибирского приказа, Федор Матигоров раскопал курган раннего железного века возле с. Памятное (ныне Ялutorовский р-н Тюменской обл.). Основной целью работ был поиск исторических памятников. По-видимому, это были первые археологические раскопки в Урало-Сибирском регионе²⁹.

В 1720–1727 гг. Петр I посылает Даниила Готлиба Мессершмидта* для изучения Сибири. В ходе поездки ученый приобретал и собирал древности, проводил раскопки³⁰. Главный управитель Уральских казенных заводов и создатель «Истории Российской» В. Н. Татищев* исследовал рукописные и книжные хранилища Урала, покупал ценные манускрипты³¹. Он же был автором одной

---

²⁸ ПСЗРИ-1. 1830. Т. 25. № 18373. С. 31.

²⁹ См.: *Белобородов С. С.* «Сказание о круге зеркальца обретенных писмен...» (К истории первых археологических раскопок в Сибири) // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1995. С. 276–280.

³⁰ См.: *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. С. 30.

³¹ См.: *История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.* С. 28.

из первых инструкций о том, как собирать сведения об археологических памятниках.

Огромный по объему материал был собран на Урале и в Сибири экспедицией 1733–1743 гг. под руководством Г. Ф. Миллера. Итогом этой работы стала публикация «Истории Сибири». Кроме того, большой научный интерес имеют знаменитые «Портфели Миллера». Они включают большое количество выписок из исторических документов, до сих пор полностью не введенных в научный оборот. Г. Ф. Миллер работал в архивах, проводил археологические раскопки, составлял описания археологических памятников³². В частности, он составил подробные и не утратившие ценность описания Ирбитского Писанного Камня (на р. Ирбит) и Корелинской писаницы (р. Тура), что положило начало систематическому изучению наскальных изображений Урала³³.

Таким образом, на начальном этапе масштабных исследований Академии наук первостепенное внимание уделялось районам Урала и Сибири. Изучение этих регионов проводили также Петр Симон Паллас*, Иван Иванович Лепехин*, Иоган Готтлиб Георги* и др. Со временем в сфере интересов научных экспедиций оказываются районы, близкие к центру страны³⁴. Окрестности Ладожского озера исследует Николай Яковлевич Озерецковский*, Приуралье – Николай Петрович Рычков, Кавказ и Закавказье – Самуэль Георг Готтлиб Гмелин*, Иоган Антонович Гильденштедт*.

Реализация военно-политических планов правительства в Северном Причерноморье потребовала проведения научных экспедиций на юге страны. Инициатива изучения этого региона исходила непосредственно от Екатерины II и Григория Александровича Потемкина. Через 7 лет после заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора (1774) Василий Федорович Зуев* (1794) совершает поездку в Херсон и по Крыму (1781–1782). По пути он составил

---

³² См.: *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2003. С. 13.

³³ См.: *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала // САИ. М., 1971. В4–12(2). С. 7–20.

³⁴ См.: *Формозов А. А.* Археология в Академии наук // СА. 1974. № 2. С. 3–12.

описание Чертомлыкского кургана, древностей Керчи, Феодосии. К сожалению, из-за сложной военной обстановки ему не удалось выполнить всю программу экспедиции³⁵. В 1783 г. по распоряжению Г. А. Потемкина полковник Балдани проводит обследование местности в окрестностях Ахтиарской бухты, где начинается строительство г. Севастополя – главной базы Черноморского флота России. По-видимому, Балдани изучал также и какие-то древности в районе Херсонеса (Корсуни) – древнегреческого и византийского города, в котором принял крещение князь Владимир³⁶.

Особый вклад в изучение Крыма внес П. С. Паллас в ходе своей экспедиции 1793–1794 гг. В труде, написанном по итогам путешествия, он приводит сведения о самых значительных памятниках древней истории региона³⁷. Для читателей и ученых начала XIX в. это сочинение было одним из основных источников информации о древностях Крымского полуострова. В частности, Николай Михайлович Карамзин* использовал данные сведения при написании «Истории государства Российского»³⁸.

В связи с деятельностью академических экспедиций появляются первые инструкции-анкеты для сбора данных о древних памятниках. Их авторами были выдающиеся деятели русской науки XVIII в. В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер, М. В. Ломоносов*.

В 1739 г. В. Н. Татищев представил в Академию наук «Предложения о сочинении истории и географии российской». Документу было придано значение официального распоряжения для представителей местных органов власти. Инструкция включала 198 вопросов, среди которых часть имела отношение к памятникам старины.

---

³⁵ См.: *Райков Б. Е.* Академик Василий Зуев, его жизнь и труды. М.; Л., 1955. С. 89–167.

³⁶ См.: *Бобринский А. А.* Херсонес Таврический. СПб., 1905. С. 172.

³⁷ См.: *Паллас П. С.* Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг. // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 62–208; *Он же.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. М., 1999. (Науч. наследство; т. 27).

³⁸ См.: *Бойко Н. В., Ткачева Н. К.* Петр Симон Паллас на русском языке // Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства... С. 10.

Прежде всего, В. Н. Татищева интересовало наличие древностей различного рода: «Есть ли что дивное или видения достойное в церквах, например мощи святых и утварей церковных, или что за древность, или за хорошую работу, или по природе за дивное почитается и хранится, а в канцеляриях есть ли древния письма или обретенные древности» (п. 90); «Не находятся ли где в степях и пустынях каменных болванов или камней с надписями или какими-либо начертании, которое елико возможно живописцу надлежит ознаменовать и, описав его меру и цвет, притом же сообщить» (п. 104)³⁹. Два пункта инструкции В. Н. Татищева регламентировали порядок обращения с археологическими находками: «В некоторых местах в древних могилах находятся старинные вещи дивные и ко изъяснению истории весьма полезные и паче такие, на которых какое-либо начертание или подпись различными фигурами изображенное, оное на медных, железных, каменных или глиняных вещах, ежели сыщется, надлежит прилежно хранить...» (п. 105); «Особливо находятся горшки и кувшины в гробах, на которых надписи есть, да когда их откопав скоро вынять, то он истрескается или развалится, того ради оные откопав, надобно нес скоро вынимать, проветреть на том месте, а потом вынимать, поставить, чтоб от солнца высох, итакo может далее везти и вручить воеводе, а воевода чтоб благоволили оные, чрез живописца или другаго искуснаго на бумагу срисовать, академии сообщить, по котором достойное награждение обрешему живописцу академия пришлет без умедления» (п. 106).

В 1740 г. Г. Ф. Миллер, основываясь на собственном опыте изучения сибирских памятников, составляет инструкцию для своего преемника адъютанта Академии наук И. Э. Фишера. Документ включает 100 пунктов и представляет собой не только опросный лист, но и регламентирует правила работ на археологических объектах.

Главную цель изучения древностей Г. Ф. Миллер видит в том, «чтобы они послужили к разъяснению древней истории обитателей его, чего и можно смело ожидать от различных древностей,

---

³⁹ Здесь и ниже пункты «Предложения» В. Н. Татищева цит. по: *Смолин В. Ф.* Краткий очерк истории законодательных мер... С. 129–130.

встречающихся в Сибири» (п. 1)⁴⁰. Он обращает внимание на необходимость фиксации наскальных рисунков: «Не следует оставлять без внимания ни изображений, ни письмен столь древнего происхождения. Какими маловажными они бы не казались, но с них необходимо делать снимки, чтобы со временем можно было составить все древности такого рода и вывести из них заключение» (п. 19). Г. Ф. Миллер указывает на особую важность исследования погребальных комплексов и ставит задачу охраны этого типа археологических памятников: «Древние могилы в степях иртышских, красноярских и нерчинских могли бы дать больше всего материалов для разъяснения древней истории и быта прежних жителей этих мест, если бы те вещи и орудия, которые корысть побудила извлечь из них, не были непростительно растрачены, так что в настоящее время приходится довольствоваться почти одним только созерцанием этих, большею частью разоренных, хранилищ стольких драгоценностей и редкостей, да воспоминанием о том, что в них было найдено» (п. 27). Пункты инструкции с 47-го по 89-й определяют правила их изучения, в том числе с помощью раскопок. Для сохранения находок Миллер предписывал: «Следует, насколько возможно, тщательно собирать, скупать и отдавать в царскую Кунсткамеру всякие древности, которые или отыскиваются, или еще находятся кое-где и у частных лиц, из какого бы металла или камня ни были эти вещи. Да и глиняные сосуды не следует при этом оставлять без внимания» (п. 99).

В 1759 г. Михаил Васильевич Ломоносов представил Сенату проект анкеты, в которой были поставлены вопросы о наличии и характере памятников древности в городах, а также присылке в Академию наук копий летописей: «1. Город чем огражден: каменною стеною или деревянною, или земляным валом и рвом. 2. Много ли приходов внутри и за городом и которые церкви каменные или деревянные... 9. В городах, буде есть летописцы, присылать с них верные копии для сочинения истории Российской»⁴¹.

---

⁴⁰ Здесь и ниже пункты инструкции Г. Ф. Миллера цит. по: *Радлов В. В. Сибирские древности* // МАР. 1894. Вып. 15. С. 107–114.

⁴¹ Цит. по: *Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России*. С. 324.

Отправляясь в Северное Причерноморье, В. Ф. Зуев также получил инструкцию от Академии, где среди вопросов, относящихся к естественным наукам, содержалось требование: «...собирать сведения о развалинах и старых городищах, могилах, курганах и других древностях. Следует записывать предания. Древние вещи надо приобретать покупкой для Кунсткамеры, в том числе надо собирать греческие, римские и татарские монеты. Надо собирать сведения о древних могилах и находимых в них костях, орудиях и других предметах»⁴².

2.3. Путешествие Екатерины II в Крым (1787) и формирование общественного интереса к древностям Северного Причерноморья

В эпоху Просвещения путешествия частных лиц (*Grand Tour*), ученых, военных, дипломатов, монархов стали неотъемлемой чертой культурной и политической жизни Европы⁴³. В 1787 г. Екатерина II предприняла знаменитую поездку на юг России. В первую очередь это путешествие имело дипломатические и политические цели, однако императрица и сопровождавшие ее лица посетили большое число древних памятников.

Путешествие Екатерины II началось 2 января 1787 г. в Санкт-Петербурге. Его маршрут пролегал через Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов, Киев, Херсон⁴⁴. В поездку Екатерина отправилась в сопровождении большой свиты, в которую вошли высшие сановники и придворные (около 3 тыс. человек). Дипломатический корпус был представлен австрийским, английским, французским

---

⁴² Цит. по: Райков Б. Е. Академик Василий Зуев... С. 99.

⁴³ См.: Chard Ch. *Pleasure and guilt on the Grand Tour : travel writing and imaginative geography, 1600–1830*. Manchester ; New York, 1999. P. 3–12; Козлов С. А. *Русский путешественник эпохи Просвещения*. СПб., 2003. Т. 1. С. 8.

⁴⁴ См.: Храповицкий А. В. *Журнал высочайшего путешествия ее величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской в Полуденные страны России в 1787 г. М., 1787*. С. 1–72.

послами. В Киеве к ним присоединились австрийский император Иосиф II, польский король Станислав-Август, светлейший князь Г. А. Потемкин⁴⁵.

Путешествие Екатерины II по Крыму было частью грандиозного политического шоу, призванного продемонстрировать Западной Европе военно-политическую мощь Российской империи и ее неограниченный экономический потенциал. По мнению исследователей, культурный контекст вояжа был прямо связан с «греческим проектом» и должен был наглядно продемонстрировать существование духовной и политической связи России с греческим и византийским наследием в Черноморском регионе⁴⁶.

Уже на стадии подготовки путешествия Г. А. Потемкин инициировал создание нескольких трудов по истории Крыма⁴⁷. Сочинения А. Нарушевича* и С. Сестренцевича-Богуша* хотя и были компиляциями, но давали развернутое представление о древней и средневековой истории Тавриды⁴⁸. По заданию Академии наук В. Ф. Зуев предпринял путешествие по восточной части полуострова в 1781–1782 гг.⁴⁹ В 1783 г. Г. А. Потемкин поручил члену-корреспонденту Академии наук К. И. Габлицу* осуществить полное исследование Крымского полуострова. «Физическое описание» Тавриды было опубликовано в 1785 г., а в 1787 г., во время пребывания императрицы в Карасубазаре, ученый представил историческую часть своего сочинения⁵⁰. В 1783 г. Г. А. Потемкин направил полковника Балдани для осмотра руин Херсонеса и проверки сведений

---

⁴⁵ См.: *Брикнер А. Г.* Путешествие Екатерины II в Крым // *Ист. вестн.* 1885. Т. 22. С. 250–256.

⁴⁶ См.: *Брикнер А. Г.* Путешествие Екатерины II в Крым // *Ист. вестн.* 1885. Т. 21. С. 8; *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2001. С. 109–120.

⁴⁷ См.: *Мурзакевич Н. Н.* Деятели Новороссийского края // *ЗООИД.* 1875. Т. 9. С. 339–342.

⁴⁸ См.: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России... С. 40.

⁴⁹ См.: *Райков Б. Е.* Академик Василий Зуев... С. 161–167.

⁵⁰ См.: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России... С. 45–46.

русских летописей о месте крещения князя Владимира⁵¹. Г. А. Потемкин предпринимал меры для собирания предметов старины. Так, в декабре 1786 г. таврический губернатор В. В. Каховский* получил предписание «об употреблении всемерного старания к отысканию в Тавриде сколь можно большего числа разных старинных монет и медалей»⁵².

Таким образом, к началу путешествия императрицы сформировался комплекс первичной информации об исторических достопримечательностях Крыма и их историко-культурном значении.

Важным фактором сохранения историко-культурного наследия полуострова оказался интерес к ним со стороны коронованных особ. Памятники старины Крыма стали частью «культурной программы» вояжа императрицы по полуострову. Первым крупным населенным пунктом, в котором Екатерина непосредственно соприкоснулась с местными древностями, стал Бахчисарай (она посетила его 20 мая 1787 г.)⁵³. Специально для размещения императрицы и сопровождавших ее лиц ханский дворец был отремонтирован и заново мебелирован в 1784–1787 гг. Работы производились под наблюдением И. Дерибаса, который существенно европеизировал облик сохранившихся жилых помещений, произвел частичную перепланировку комнат. Судя по всему, комплекс мечети и ханского кладбища не претерпел изменений⁵⁴. Нужно отметить, что, несмотря на особое значение идеи греко-византийского наследия в идеологических построениях «греческого проекта», из всех памятников старины Крыма ремонтные работы были проведены лишь на объекте татарской архитектуры.

После двух дней пребывания в Бахчисарае императрица утром 22 мая 1787 г. отправилась в сторону Севастополя. В Инкермане, во время остановки для обеда, для гостей был устроен парад кораб-

---

⁵¹ См.: *Бобринский А. А.* Херсонес Таврический. С. 172.

⁵² *Муравьев М.* Материалы для местной истории // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 602.

⁵³ См.: *Храповицкий А. В.* Журнал высочайшего путешествия... С. 74–75.

⁵⁴ *Свиньин П.* Бахчисарайский дворец // ОЗ. 1827. Ч. 29. С. 3–27; *Маркевич Ар. И.* К истории ханского Бахчисарайского дворца // ИТУАК. 1895. № 23. С. 136–138.

лей Черноморского флота⁵⁵. Вероятно, великолепие и грандиозность этого зрелища совершенно затмили демонстрацию остатков крепости Каламита. На следующий день (23 мая) Екатерина вместе с австрийским императором совершила морскую прогулку по бухтам севастопольской гавани. Руины Херсонеса, уже тогда воспринимавшиеся как место крещения кн. Владимира, они осмотрели с моря⁵⁶.

В Севастополе участники путешествия разделились: Екатерина отправилась в имение Г. А. Потемкина в Байдарской долине, Иосиф II посетил Балаклаву и осмотрел бухту и руины крепости Чембало, а Сегюр и принц Нассау-Зиген заинтересовались Георгиевским монастырем⁵⁷. На обратном пути августейших особ ждал сюрприз, организованный Г. А. Потемкиным. Неподалеку от Балаклавы, у д. Кадыковки, навстречу Екатерине II выехала рота «амазонок». Она была сформирована из балаклавских гречанок под командованием Е. И. Сарандовой. Можно отметить, что выглядели они, скорее, в восточном стиле, чем в античном: малиновые юбки и зеленые куртки из бархата, украшенные золотыми галунами, на голове – белые тюрбаны со страусовыми перьями⁵⁸. Тем не менее, «амазонки» вызвали восторг императрицы и ее свиты. Заслуги «капитана» роты были оценены бриллиантовым перстнем стоимостью 1800 руб., еще 10 тыс. руб. предназначались ее «подчиненным»⁵⁹.

После дня отдыха в Бахчисарае императрица через Симферополь, Карасубазар, Старый Крым прибыла в Феодосию. Никакие исторические достопримечательности по пути не заинтересовали правительницу и ее спутников. Более того, были отменены заплани-

---

⁵⁵ См.: Храповицкий А. В. Журнал высочайшего путешествия... С. 76–77; Брикнер А. Г. Путешествие Екатерины II в Крым // Ист. вестн. 1885. Т. 22. С. 494.

⁵⁶ См.: Храповицкий А. В. Журнал высочайшего путешествия... С. 78.

⁵⁷ См.: Брикнер А. Г. Путешествие Екатерины II в Крым. Т. 22. С. 495.

⁵⁸ См.: Лашков Ф. Ф. Могила капитана амазонской роты Елены Ивановны Шидянской (Сарандовой) в Симферополе // ИТУАК. 1889. № 7. С. 83–85.

⁵⁹ См.: Селиванова Л. Л. Боспорские амазонки: исторические и мифические // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 376–377.

рованные поездки в Судак и по Керченскому полуострову⁶⁰. Вид Феодосии разочаровал Екатерину⁶¹. С Феодосией связан один сюжет, отражающий стремление Г. А. Потемкина подчеркнуть исторические связи Крыма и России. На местном монетном дворе была отчеканена партия серебряных монетовидных жетонов (2, 5, 10 и 20 коп.). На одной их стороне помещены цифры, счетные точки и буквы «ТМ» («Таврическая монета»), на другой – вензель императрицы, дата и круговая надпись: «Царица Херсониса Таврического». Не исключено, что эти монеты предназначались для раздачи во время путешествия Екатерины⁶². После Феодосии, через Старый Крым и Карасубазар, императрица направилась на север и 31 мая покинула полуостров⁶³.

В конце XVIII – начале XIX в. Крым активно посещался учеными, литераторами, чиновниками. Многие из них оставили отчеты и записки, в которых содержатся описания памятников старины, сохранившихся на полуострове. С 1787 г. по 1818 г. поездки по Крыму с научными целями совершили П. С. Паллас (1793–1794), Ф. К. Маршал фон Биберштейн* (1793–1794), Е. Е. Келер* (1804), М. Ф. Энгельгардт* и И. Ф. Паррот* (1811–1815)⁶⁴. Популяризации крымских древностей способствовали художественные произведения, авторы которых лично ознакомились с памятниками Тавриды (С. С. Бобров – в 1792 г., В. В. Измайлов – в 1799 г., П. И. Сумароков – в 1799 и 1802 гг.). Л. С. Ваксель издал в 1801 г. альбом рисунков предметов старины, виденных им во время путешествия по Крыму в 1797–1798 гг.⁶⁵

Необходимо отметить, что в начале XIX в. Северное Причерноморье стало одним из центров коллекционирования, музейной

---

⁶⁰ См.: *Маркевич Ар. И.* К истории ханского Бахчисарайского дворца. С. 130.

⁶¹ См.: *Сегюр Л.-Ф.* Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 222.

⁶² См.: *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 204–205.

⁶³ См.: *Храповицкий А. В.* Журнал высочайшего путешествия... С. 86–87.

⁶⁴ См.: *Непомнящий А. А.* Начало научного изучения Крыма // Историческое наследие Крыма. 2008. №. 21. С. 175–182.

⁶⁵ См.: *Ваксель Л. С.* Изображения разных памятников древности...

деятельности и археологических исследований. В 1803 г. был учрежден Кабинет редкостей Черноморского депо карт в Николаеве, куда поступали археологические находки, в том числе из Крыма. Античная скульптура, эпиграфические памятники, а также случайные находки вещей хранились в Феодосийском музее древностей, основанном в 1811 г. С 1811 г. П. А. Дюбрюкс* начал археологические раскопки памятников в Керчи и ее окрестностях⁶⁶.

Следует также отметить, что к рубежу XVIII–XIX вв. в России отсутствовала система охраны памятников старины. Не было ни одного правительственного учреждения, которое бы целенаправленно занималось вопросами сохранения и учета древностей. Отдельные попытки собрать и систематизировать такую информацию предпринимались Академией наук и Шляхетским корпусом. Однако сбор сведений о памятниках истории и археологии не стал основной целью деятельности этих учреждений: исследования и раскопки отдельных объектов проводились лишь экспедициями, действовавшими в рамках энциклопедической программы научных изысканий. Законодательная база охраны памятников старины также практически отсутствовала. Указы по этому поводу имели либо общий характер, либо задачи сохранения древностей в них имели второстепенное значение. Формы и степень ответственности за разрушение или повреждение древних памятников, как правило, не были зафиксированы.

---

⁶⁶ См.: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России... С. 147, 190–202, 207–214, 290–293.

Глава 3
**ПРАВОВАЯ БАЗА И ОРГАНЫ ОХРАНЫ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
XIX – начала XX в.**

**3.1. Развитие законодательства
в сфере сохранения культурного наследия**

В начале XIX в. так же, как в конце предшествующего столетия, основное внимание исследователей привлекали древности Сибири и Северного Причерноморья. Освоение Крыма и увлечение классическими древностями вызывали повышенное внимание к памятникам античности этого региона. Памятники русской старины тогда еще только начинали интересовать ученых и общество¹. Неслучайно поэтому правительственные указы первой четверти XIX в. были направлены на сохранение крымских древностей. В 1805 г. Александр I распорядился запретить разрушение и расширение памятников старины в Крыму. На этом основании херсонский военный губернатор (Крым входил в его юрисдикцию) герцог Э. О. де Ришелье* предписал в 1805 г.: «никому из частных путешественников, новороссийские губернии посещающих, не дозволяемо было собирать могущих находиться там древних редкостей»². Однако этот запрет распространялся только на казенные земли. По мнению исследователя конца XIX в. А. Х. Стевена*, данное распоряжение не исполнялось, разрушение крымских памятников

---

¹ См.: *Формозов А. А.* Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории // ВИ. 1976. № 10. С. 203–209.

² Цит. по: *Стевен А. Х.* Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 33.

не прекратилось, «в это время составлялось много больших частных коллекций монет и древностей»³.

В 1820 г. известный русский поэт и драматург Василий Васильевич Капнист*, путешествуя по Крыму, наблюдал многочисленные случаи разрушения и разграбления исторических мест. Увиденное побудило его обратиться к министру духовных дел и народного просвещения князю Александру Николаевичу Голицину* и просить его принять срочные меры для спасения уникальных вещей и достопримечательностей. При этом В. В. Капнист полагал, что только правительство, а не местные власти или частные лица, способно осуществить мероприятия по сохранению крымских древностей и выделить необходимые для этой цели средства. Инициатива В. В. Капниста встретила поддержку не только А. Н. Голицина, но и не менее влиятельного президента Академии наук графа Сергея Семеновича Уварова*. В 1821 г. в Крым были командированы академик Е. Е. Келер и архитектор Э. Паскаль* для инспектирования состояния исторических памятников, определения мер по их сохранению и составления сметы расходов⁴. После окончания поездки Е. Е. Келер представил доклад, на основе которого был разработан указ от 4 июля 1822 «О сохранении памятников древности в Крыму»⁵.

Согласно этому указу памятники подразделялись на два класса. К первому были отнесены «те, которые с небольшими издержками могут быть возстановлены на долгое время», ко второму «принадлежат те, кои представляют только одне развалины, и не могут быть поправлены; но, будучи охраняемы от разрушения, могут существовать целые века». Число объектов, подлежащих охране по списку Е. Е. Келера, в указе было существенно сокращено.

---

³ *Стевен А. Х.* Дела архива Таврического губернского правления... С. 36; *Кулаковский Ю. А.* Прошлое Тавриды. Киев, 2002. С. 210–211.

⁴ См.: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России... С. 78–81.

⁵ См.: *Тизенгаузен В. Г.* О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 362–403.

Кроме того, Комитет министров своеобразно определил приоритеты: «Из памятников, доньше в Крыму неразрушенных, не столько заслуживают сбережения остатки построений турецких и татарских, ближайшие к нашему времени, как постройки греческия и генуэския». К таковым были отнесены крепость в Балаклаве (Чембало), комплекс Мангупа, крепость в Судаке. Для восстановления этих памятников правительство выделило в распоряжение таврического губернатора 10 тыс. руб. (по мнению Е. Е. Келера, требовалась сумма 41,1 тыс. руб.). Прочие объекты должны были содержаться за счет добровольных пожертвований или средств из бюджетов местных администраций⁶.

Хотя выделенные средства фактически не были использованы по назначению, указ 1822 г. представляет интерес по двум причинам. Во-первых, потому, что этим указом впервые в российском законодательстве выделялись государственные средства для конкретных мер по сохранению памятников старины (говоря современным языком, предусматривалось целевое бюджетное финансирование работ). Во-вторых, потому, что в данном указе названы основные государственные учреждения, которые в XIX – начале XX в. будут заниматься вопросами охраны культурного наследия: Министерство внутренних дел, Министерство духовных дел и народного просвещения, Академия наук и Академия художеств.

В 20–30-х гг. XIX в. российское правительство предпринимает ряд мер по пресечению бесконтрольных археологических раскопок. Указы 1834 и 1835 гг. регламентировали деятельность Керченского музея древностей и устанавливали, что «никто без дозволения местного начальства не имеет права искать древностей на землях казенных и общественных»⁷. Одесское общество истории и древностей, созданное в 1839 г., по указу от 14 ноября того же года получило право «производить археологические изыскания во всей южной России: на казенных землях с разрешения местного началь-

---

⁶ См.: ПСЗРИ-1. 1830. Т. 38. № 29105. С. 322–324; *Даниленко В. Н.* К 180-летию постановления «Об ограждении от разрушения» памятников Тавриды // Херсонесский колокол. Симферополь, 2008. С. 389–390.

⁷ *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в России... С. 351–352.

ства...»⁸. В обоих случаях частные земли не подлежали контролю со стороны названных учреждений, раскопки на них могли осуществляться только с согласия землевладельцев.

В 1832 г. Академия наук обратилась к министру народного просвещения с просьбой «возобновить... состоявшиеся в царствование императора Петра Великого и государыни императрицы Екатерины II-й указы, предписывающие все достопримечательные произведения природы и искусств, обретаемые в губерниях внутри империи, присылать в Академию». Сенатский указ от 20 июля 1832 г. подтвердил действенность указов, изданных в XVIII в.⁹ В 1841 г. дополнительно было утверждено положение, согласно которому в палаты государственных имуществ должны были передаваться найденные «в земле казенных имений древние монеты, оружие и другие достопримечательные вещи». Поступившие в палаты предметы подлежали описанию и зарисовке, все материалы передавались в Академию наук¹⁰.

Не менее остро стояла проблема сохранения архитектурных памятников. В 1820–1840-х гг. выходит серия указов и распоряжений об охране этих объектов. Развитие в обществе интереса к отечественным древностям и проявление беспокойства об их сбережении способствовали выходу распоряжения Николая I от 31 декабря 1826 г. о «собрании по всем губерниям сведений об остатках древних замков и крепостей или других зданий древности...». В отношении древних зданий указ предписывал, «...чтобы строжайше было запрещено таковые здания разрушать, что и должно оставаться на ответственности начальников городов и местных полиций»¹¹.

Данное положение было дополнено и разъяснено императорским указом от 14 декабря 1827 г. В отношении старинных построек устанавливалось, что «разрушать их не должно, но и чинить

---

⁸ Мурзакевич Н. Н. Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим князем М. С. Воронцовым // ЗООИД. 1860. Т. 4. С. 403.

⁹ См.: ПСЗРИ-2. 1833. Т. 7. № 5513. С. 515.

¹⁰ См.: Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России... С. 354.

¹¹ ПСЗРИ-2. 1830. Т. 1. № 794. С. 1373–1374.

ненужного не надобно; а поддерживать одне ворота, или такие здания, в которых есть нужные помещения». В том случае, когда «признаете нужным исправить какое-либо древнее здание... и когда исправление таковое не может быть произведено на счет суммы, ежегодно на исправление и поддержание казенных зданий ассигнуемой, присылать в Министерство внутренних дел планы, фасады и сметы на таковые исправления, с обстоятельным описанием повреждений или ветхостей и с изъяснением, для чего именно исправление оных нужно»¹².

Через 10 лет «Общий наказ гражданским губернаторам», утвержденный императором 3 июня 1837 г., предписывал этим должностным лицам (§ 98) «иметь попечение и о сбережении по возможности от разрушения всех остатков старых замков, крепостей и других памятников древности. О всех находимых вновь древностях... доносить Министерству внутренних дел с надлежащею точностью и подробностию»¹³.

Однако все эти законодательные акты имели в значительной степени рекомендательный характер. Они не устанавливали ни четких критериев для выявления памятников архитектуры, ни хронологических рамок древности построек. Отсутствовало и указание на степень ответственности должностных лиц за нарушение законов об охране памятников старины.

В отношении памятников церковной архитектуры принципы охраны были сформулированы более четко в начале 1840-х гг. в указах Святейшего синода. В 1842 г. выходит предписание «испрашивать разрешение на обновление» церковных строений, а в 1843 г. Синод дополняет его распоряжением от 20 апреля, согласно которому «нигде, ни под каким предлогом, в древних церквях не дозволялось ни малейшего исправления, возобновления и изменения живописи и других предметов давнего времени»¹⁴. Все подобные изменения разрешалось осуществлять только с разрешения Святейшего синода.

---

¹² ПСЗРИ-2. 1830. Т. 2. № 1613. С. 1070.

¹³ Там же. 1838. Т. 12. № 10303. С. 385–386.

¹⁴ Там же. 1844. Т. 18. № 16770. С. 274–275.

Вершиной законотворчества в отношении культурного наследия первой половины XIX в. становится сенатский указ от 14 февраля 1848 г. Примечательно, что поводом для его издания послужило сообщение о разрушении крепостной стены в Коломне¹⁵. Указ предписывал «строго воспретить разрушать памятники древности и непременно блюсти за их сохранением»¹⁶. Его значение состояло в том, что под охрану государства попадали все архитектурные памятники по всей стране.

В конце 1850-х гг. под государственную защиту попали памятники археологии. Императорская археологическая комиссия, созданная в 1859 г. как структурное подразделение Министерства императорского двора, получила право осуществлять меры по сохранению археологических объектов и отдельных вещей¹⁷.

В 1860–1890-х гг. перечисленные выше документы были дополнены, что позволило к началу XX в. сформулировать основные положения Строительного устава. В редакции 1900 г. он предусматривал следующие основные меры по сохранению древних зданий:

«76. Строжайше воспрещается разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности, под ответственностью за нарушение сего губернаторов и местной полиции.

77. Из зданий сего рода исправляются и починяются только те, в коих есть какая-либо помещения; в прочих же починиваются и поддерживаются только ворота. В случае необходимости сих исправлений делается представление Министерству внутренних дел, с описанием повреждений и ветхости и с изъяснением, для чего именно исправление нужно.

78. Реставрация монументальных памятников древности производится по предварительному соглашению с Императорской археоло-

---

¹⁵ См.: *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. С. 146.

¹⁶ См.: ПСЗРИ-2. 1844. Т. 23. № 21992. С. 108.

¹⁷ См.: *Медведева М. В., Всевиов Л. М., Мусин А. Е. и др.* Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917) : К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. В. Носова. СПб., 2009. С. 21–247.

логической комиссией и по сношению ее с Императорскою академиею художеств.

79. Содержание лежащих на отчете городского поселения памятников относится на городские средства»¹⁸.

Основным недостатком российского законодательства XIX – начала XX в. в целом являлось отсутствие единого закона об охране памятников истории и культуры, несмотря на то, что со второй половины XIX в. предпринимались попытки разработать нормативный акт такого рода (проекты 1871, 1876, 1904, 1908, 1910 гг.).

Инициатива создания единого закона об охране памятников была выдвинута в 1869 г. на I Всероссийском археологическом съезде в Москве, а в 1871 г. на II съезде в Санкт-Петербурге был утвержден «Проект мер охранения памятников старины». Однако он вызвал серьезную критику со стороны государственных учреждений – Академии наук и Академии художеств – в основном из-за непроработанности материально-финансовых вопросов и был отклонен правительством. В 1876 г. была сформирована правительственная комиссия «для обдумывания предположений о мерах к охранению на будущее время существующих памятников». Возглавил ее товарищ (заместитель) министра внутренних дел князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский*. За основу комиссия взяла упомянутый проект, утвержденный II Всероссийским археологическим съездом. В итоге был представлен «Проект правил о сохранении исторических памятников», который предусматривал создание центрального органа, координирующего и контролирующего систему охраны памятников старины – Императорской комиссии по сохранению исторических памятников, а также выделение государственных средств на поддержание старинных объектов культуры и истории. Проект имел серьезные недостатки, кроме того, был категорически отвергнут министром финансов (на содержание комиссии предполагалось выделять 36 900 руб. в год).

После этой неудачи государство вернулось к данному вопросу только в 1904 г. По распоряжению министра внутренних дел в этом

---

¹⁸ Устав строительный // Свод законов Российской империи. СПб., б. г. Кн. 4. Т. 11, ч. 1–12. С. 218–219.

году была сформирована новая комиссия, которая выработала «Основные положения об охране памятников». В данном документе четко указывался возраст охраняемых объектов – более 150 лет. Война с Японией и Первая русская революция заставили комиссию прекратить работу. Возобновила она свою деятельность в 1908 г. и представила «Проект мер к охранению памятников старины». Этот документ обсуждался и получил поддержку на XIV археологическом съезде в Чернигове (1908), однако Государственная дума его не утвердила и отправила на доработку. В последний раз проект «Положений об охране древностей» рассматривался в думе в 1910 г., но в очередной раз был отклонен. Начавшая в 1914 г. Первая мировая война положила конец разработкам закона об охране памятников¹⁹.

3.2. Организация охраны памятников старины в XIX – начале XX в.

В XIX – начале XX в. вопросы охраны памятников старины находились в ведении нескольких учреждений, единого управления данной системой в России не было. Основные правительственные организации, связанные с охраной древностей, были названы в указе 1822 г., в последующие годы дополнительно к ним учреждаются новые структуры. С 1859 г. главной правительственной организацией, занимавшейся вопросами сохранения историко-культурного наследия, становится Императорская археологическая комиссия (ИАК), которая функционировала при Министерстве императорского двора. Кроме того, вопросами охраны памятников занимались Технико-строительный комитет, департамент общих дел, Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, Министерство народного просвещения, Святейший синод, научные общества. Определенное отношение к охране древностей имели Академия наук и Академия художеств.

---

¹⁹ *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917 гг.) // История музейного дела в СССР. М., 1957. С. 111–121 (Тр. НИИ музееведения ; вып. 1).

Императорская археологическая комиссия с момента своего создания в 1859 г. осуществляла разностороннюю деятельность. Наибольших успехов в деле сохранения памятников старины ИАК добилась под руководством третьего председателя²⁰ (с 1886 г.) – Алексея Александровича Бобринского*. Прежде всего, в ее обязанности входил контроль за проведением археологических работ. Комиссия выдавала открытые листы (именные разрешения), дававшие право производить раскопки на государственных и крестьянских землях, финансировала эти работы, собирала сведения об археологических памятниках, положила начало практике централизованного хранения отчетной документации по археологическим раскопкам в России. Кроме того, комиссия занималась вопросами охраны архитектурных памятников, сборанием и приобретением музейных экспонатов (прежде всего, для Императорского Эрмитажа). Результаты деятельности ее сотрудников и корреспондентов регулярно публиковались в «Известиях Императорской археологической комиссии»²¹.

«Положение об Императорской археологической комиссии», утвержденное 2 февраля 1859 г., определяло, что: «6. Комиссии представляется следить за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности, о которых извещают ее также и местные начальства, а если не представляются затруднения, то пересылают и самые находимыя древности на ее рассмотрение.

7. Комиссия в мере средств своих заботится, чтобы в том случае, когда настает надобность уничтожить какой-либо остаток древности, как-то: памятники зодчества, курганы и прочия, или произвести большия земляные работы на месте древнего города, или замечательнаго урочища, которыя находятся на землях казенных, или общественных, приняты были, по возможности, нужныя археологическия меры, и если при работах этих ожидаются важныя

---

²⁰ См.: *Тихонов И. Л.* Последний председатель Императорской Археологической Комиссии // *Невский археолого-историографический сборник : к 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова.* СПб., 2003. С. 95–102.

²¹ См.: *Медведева М. В., Всевиов Л. М., Мусин А. Е. и др.* Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии. С. 38–247.

археологические открытия, то чтобы к ним мог быть допущен ее чиновник.

8. Комиссия следит за земляными работами, предпринимаемыми в больших размерах, как, например: при проведении линий железных дорог, шоссе и проч., дабы, на сколько окажется возможным, воспользоваться этими случаями для археологических открытий...

<...>

10. Для поощрения к представлению в Археологическую комиссию находимых древних вещей денежное вознаграждение за них определяется не только ценою золота, серебра или иного вещества, из которого они сделаны, но и археологическим достоинством их, и редкостью»²².

В 1889 г. за Императорской археологической комиссией было закреплено исключительное право осуществлять и выдавать разрешение на производство археологических раскопок. Кроме того, реставрация монументальных памятников должна была согласовываться с этим учреждением и Академией художеств. Указ от 11 марта 1889 г. предписывал: «1. Исключительное право производства и разрешения раскопок в империи, на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и обществам, предоставить Императорской археологической комиссии. Все учреждения и лица, предполагающие производить подобныя раскопки, обязаны, независимо от сношения с начальством, в ведении которых состоят упомянутыя земли, входить в предварительное соглашение с Императорской археологической комиссией... 2. Реставрацию монументальных памятников древности производить по предварительному соглашению с Императорской археологической комиссией и по сношению ее с Императорской Академией художеств»²³.

Один из наиболее масштабных проектов комиссии был связан с изучением и сохранением древностей Крыма. Первоначально в ее подчинении находились Керченский музей древностей

---

²² ПСЗРИ-2. 1861. Т. 34. Отд. 1. № 34109. С. 71.

²³ ПСЗРИ-3. 1889. Т. 9. № 5841. С. 95.

и Крымская комиссия археологических изысканий, которые занимались не только исследованиями, но и охраной памятников²⁴. Начиная с 1888 г., комиссия получила исключительное право на проведение раскопок на территории Херсонеса Таврического (Севастополь). Это позволило впервые в отечественной практике археологических исследований начать широкомасштабное изучение уникального комплекса. В первый же год финансирование работ составило 2 тыс. руб., а в начале XX в. выделялось уже по 10 тыс. руб. ежегодно²⁵.

В 1890 г. Министерство императорского двора утвердило «Правила рассмотрения Императорской археологической комиссией, совместно с Императорскою академиею художеств, поступающих от различных ведомств ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников или о капитальном ремонте их». Согласно этого документа комиссия должна была давать разрешения на реставрационные работы, контролировать их реализацию и хранить соответствующую документацию²⁶. Полномочия Академии художеств были законодательно закреплены указом 1893 г.²⁷

Археологическая комиссия сотрудничала с другими правительственными организациями, деятельность которых была связана с вопросами охраны памятников, и прежде всего с Министерством внутренних дел. В этом ведомстве непосредственное отношение к охране древностей имел Техничко-строительный комитет, осуществлявший надзор за строительными работами. Однако комитет не получал специального финансирования охранных мероприятий, а также не имел квалифицированных и подготовленных

---

²⁴ См.: *Виноградов Ю. А.* Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917) : К 150-летию со дня основания... С. 248.

²⁵ См.: *Гриневиц К. Э.* Сто лет Херсонесских раскопок. Севастополь, 1927. С. 23–27; *Стоянов Р. В.* Императорская Археологическая Комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917) : К 150-летию со дня основания... С. 522–555.

²⁶ См.: *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в дореволюционной России... С. 97.

²⁷ См.: ПСЗРИ-3. Т. 13. № 9982. С. 569–570.

кадров. В научной литературе его деятельность оценивается как малоэффективная²⁸.

Важным направлением деятельности государственных организаций, начало которому положили работы академических экспедиций XVIII в., был сбор информации и попытки создания системы учета исторических памятников в форме единого реестра.

Так, в 1819 г. «Русский вестник» опубликовал «Приглашение смоленского губернатора к отысканию и представлению старинных документов» барона К. И. Аша. Анкета из 7 пунктов включала вопросы, касающиеся археологических и архитектурных памятников. Предлагалось отыскивать: «...камни надгробные и другие памятники – земляные и каменные, могилы и валы, доски, надписи, орудия воинские... места, которые любопытны по преданиям и очевидности, груды камней и возвышения, свидетельствующие существование какого-либо строения, например: города, крепости, монастыря и проч.» Сведения должны были собирать представители провинциального духовенства. Однако эта затея закончилась полным провалом, ответов на «приглашение» не последовало²⁹.

В 1834 г. было утверждено Положение о создании губернских и областных статистических комитетов, но только некоторые из них занимались выявлением памятников старины, в основном по инициативе членов этих организаций. Новое Положение о статистических комитетах (1860) уже предписывало им собирать сведения для географического и исторического описания губерний, однако эта деятельность была для них только второстепенной обязанностью, которая не поддерживалась специальным финансированием.

Ситуация несколько изменилась после издания циркуляра Министерства внутренних дел от 8 апреля 1861 г. Собрание и публикация сведений об исторических памятниках вменялись в обязанность всем статистическим комитетам, хотя снова не входили

---

²⁸ См.: Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России... С. 98.

²⁹ См.: Алексеев Л. В. Кто был автором «Приглашения барона К. И. Аша» (1819 г.)? (О первой периферийной инструкции собирания древностей) // СА. 1990. № 1. С. 283–287.

в число приоритетных направлений их работы. В тех губерниях, где члены комитетов проявляли заинтересованность, была проведена большая работа по учету памятников старины, сохранению архивных документов и археологических находок³⁰.

В 1863 г. вышел циркуляр Министерства внутренних дел «О доставлении сведений о памятниках древностей Российских, к отечественной истории и жизни народов относящихся». Этот документ появился в ответ на ходатайство о содействии сбору информации об отечественных древностях, с которым обратился в Министерство председатель Императорской археологической комиссии граф Сергей Григорьевич Строганов* в 1862 г. Дело в том, что проблема выявления и учета памятников истории осознавалась членами ИАК с первых лет ее создания, но комиссия не имела для этого в достаточном количестве своих представителей на местах и необходимых средств. Исполнение циркуляра поручалось Центральному статистическому комитету, которому были подчинены губернские и областные комитеты. Документ предписывал сотрудникам этого учреждения «производить в известность, по мере возможности, наличные в губернии памятники древности, и сведения об этом доставлять через Комитет в Императорскую археологическую комиссию». Однако и эта попытка не дала желаемых результатов – общероссийский реестр памятников старины не был создан³¹.

В том же 1863 г. Археологическая комиссия разослала «Программу археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических комитетов». Кроме просьбы о содействии в сборе информации об археологических памятниках, документ содержал рекомендацию сообщать в комиссию о возникшей угрозе уничтожения археологических объектов. Предполагалось, что, получив тревожный сигнал, комиссия могла бы направить сотрудника для обследования такого памятника.

---

³⁰ См.: *Комарова И. И.* Научно-историческая деятельность статистических комитетов // АЕ-1986. М., 1987. С. 85–96.

³¹ См.: *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в дореволюционной России... С. 96.

Принципы сотрудничества губернских статистических комитетов с Императорской археологической комиссией были официально закреплены циркуляром Центрального статистического комитета от 27 апреля 1863 г «О содействии губернских и областных статистических комитетов в изысканиях императорской Археологической комиссии»³².

Впоследствии Министерство внутренних дел еще несколько раз было вынуждено издавать документы, аналогичные циркуляру 1863 г. Так, в 1865 г. был разослан циркуляр по департаменту общих дел «О доставлении Министерству сведений о древних зданиях и вообще находимых древностях». В 1869 г. последовало распоряжение по Технично-строительному комитету «О доставлении в Министерство описаний и чертежей памятников, крепостей, замков и других зданий древности».

Существенный результат в сборе информации о памятниках истории и культуры был получен после того, как к делу подключились заинтересованные специалисты. Возможности анкетного опроса апробировал известный русский археолог Дмитрий Яковлевич Самоквасов*. В 1872 г. он организовал анкетирование в Тульской, Тверской, Харьковской и Курской губерниях. Результаты оказались обнадеживающими, что побудило Д. Я. Самоквасова обратиться к главе Центрального статистического комитета Петру Петровичу Семенову (Тян-Шанскому)* с предложением расширить район опроса. Проект получил поддержку, и в 1873 г. анкеты были разосланы в 49 губерний и 5 областей России. Несмотря на неравноценность полученной информации (некоторые местные комитеты ответили формальными отписками), был собран огромный материал, не утративший научной значимости до настоящего времени. Впоследствии анкета Д. Я. Самоквасова стала основой для проведения подобных опросов неправительственными организациями (например, Московским археологическим обществом)³³.

---

³² См.: *Бердинских В. А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003. С. 152.

³³ См.: *Щавелев С. П.* Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д. Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) // *СА.* 1992. № 1. С. 255–263.

В значительной степени проблема составления общего реестра исторических памятников обуславливалась отсутствием специального учреждения, занимающегося этой работой. После нескольких попыток организовать сбор сведений первоначальная ситуация мало изменилась. В 1901 г. Министерство внутренних дел вновь издает циркуляр, который предписывал губернаторам предоставить сведения о памятниках истории на местах. При этом констатировался факт, что «в министерстве не имеется достаточно полных сведений, причем имеются указания, что некоторые древности, по отсутствию надлежащего надзора и охранения их, совершенно разрушаются»³⁴. В результате был составлен перечень, включавший информацию о 4108 объектах, преимущественно архитектурных³⁵.

Вопросы охраны памятников церковной архитектуры находились в ведении Святейшего синода. Его деятельность в этом плане нельзя назвать успешной, как, впрочем, и других государственных органов, связанных с охраной памятников. Запрет на самовольную перестройку древних храмов постоянно нарушался. Значительная часть священнослужителей пренебрежительно относилась к старине. Среди них бытовало мнение, что ради внешней эффектности можно пренебречь сохранением старинного убранства и подлинного облика храмов³⁶. В 1871 г. на II археологическом съезде (Санкт-Петербург) обсуждалась печальная судьба многих церквей. Среди уничтоженных построек оказались, например, церковь Богоявления, в которой был избран на царство Михаил Федорович, собор Николая Госунского и несколько других церковных зданий в Кремле³⁷. В 1877 г. в результате перестройки серьезно пострадала знаменитая церковь Покрова на Нерли, ее фрески были

---

³⁴ Циркуляр Министра внутренних дел губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам (6 сентября 1901 г., № 10) // ЗООИД. 1902. Т. 24. С. 27–28.

³⁵ См.: Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России... С. 98–99.

³⁶ См.: Мусин А. Е. Церковная старина в современной России. СПб., 2010. С. 41–92.

³⁷ См.: Общие собрания съезда : I. (11 декабря утром) // Тр. второго археологического съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 59–60.

уничтожены³⁸. В 1893–1895 гг. была уничтожена значительная часть сохранившихся фрагментов фресок XII в. в Софийском соборе Новгорода³⁹.

В некоторых случаях, в основном благодаря инициативе местных иерархов, все же были достигнуты определенные успехи. Так, большую работу по сохранению христианских древностей в Крыму организовал в середине XIX в. архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий*. Им была разработана программа восстановления средневековых монастырей и храмов, получившая в 1850 г. поддержку правительства. Большие работы были проведены в Успенском (вблизи Бахчисарая), Инкерманском и Георгиевском (в районе Севастополя) монастырях⁴⁰. С 1876 по 1880 г. Синод ежегодно выделял по 1 тыс. руб. для проведения археологических раскопок на территории Херсонеса Таврического, что позволило начать первые планомерные исследования этого памятника⁴¹.

Следует отметить, что, стремясь оградить старинные постройки от самовольных переделок и уничтожения, руководство Синода преодолеvalo даже ведомственную замкнутость. Так, в распоряжении Синода от 20 декабря 1878 г. епархиальным начальникам предписывалось согласовывать вопросы перестройки памятников русской старины с ближайшими историческими или археологическими обществами⁴².

---

³⁸ См.: *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 104.

³⁹ См.: *Монгайт А. Л.* Археологические раскопки 1945 г. в Софийском соборе в Новгороде // *Сообщ. Ин-та истории и теории архитектуры СССР*. М., 1947. Вып. 7. С. 42–50.

⁴⁰ См.: *Гроздов А.* Архивные документы, относящиеся к истории Херсониссакого монастыря // ИТУАК. 1888. Вып. 5. С. 81–97; *Калиновский В. В.* «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: Церковное крымоведение (1837–1920) / под. ред. и с вступ. ст. А. А. Непомнящего. Киев; Симферополь, 2012 (Сер. Биобиблиография крымоведения; вып. 18). С. 105–126; *Kozelsky M.* Christianizing Crimea: Shaping sacred space in the Russian Empire and beyond. DeKalb, 2010. P. 62–102.

⁴¹ См.: *Юревич В. Н.* Краткий очерк деятельности императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 57–58.

⁴² См.: *Веселовский Н. И.* История Императорского Русского археологического общества... С. 226.

Еще одна форма участия правительственных учреждений в охране памятников старины в XIX в. – выделение целевых субсидий на реставрацию и охрану конкретных построек. Такие субсидии были выделены для Бахчисарайского дворца, памятника тысячелетия России в Новгороде, Путевого дворца в Старой Руссе, стен Смоленской крепости, Успенского собора во Владимире, Георгиевского храма в Старой Ладогe и др.⁴³

В XIX – начале XX в. весьма остро стоял вопрос о пресечении деятельности «черных археологов», так как кладоискательство оставалось распространенным и прибыльным делом. Интерес в обществе к истории и коллекционированию древностей стимулировал поиск кладоискателями ценных вещей на памятниках археологии. Стоит отметить, что проблема пресечения актов вандализма и хищения артефактов на местах раскопок археологических памятников не была исключительно «российским» явлением. Как минимум, с середины XIX в. она остро осознавалась специалистами, исследовавшими памятники по всему миру⁴⁴.

При несовершенном законодательстве наиболее реальными способами сохранения уникальных археологических находок могли стать их приобретение государственными учреждениями и передача в музеи. Однако широкое применение эта практика нашла только в конце XIX в. Археологическая комиссия разработала положение «О вознаграждении находчика клада и всех древностей до 1700 года» (1862). Позже Министерство внутренних дел циркуляром № 25 от 27 ноября 1886 г. закрепило за ИАК преимущественное право на приобретение случайных находок⁴⁵.

В некоторых регионах России эта система действовала довольно эффективно. Например, в Вятском крае в 1880–1990-х гг. крестьянин сдавал находку исправнику в присутствии волостного старшины.

---

⁴³ См.: *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в дореволюционной России... С. 95.

⁴⁴ См., напр.: *Reid D. M.* Whose pharaohs? Archaeology, museums, and Egyptian national identity from Napoleon to World War I. Berkeley ; London, 2002. P. 182–184.

⁴⁵ См.: *Медведева М. В., Всевиов Л. М., Мусин А. Е. и др.* Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии... С. 79–82, 112–118.

При этом составлялось заявление о желании получить денежное вознаграждение. Исправник передавал найденное вместе с заявлением в губернский статистический комитет, который все отправлял в Археологическую комиссию. Через два-три месяца крестьянин получал вознаграждение. Таким образом, для науки были сохранены клад серебряных монет XVI в., серебряная чаша VIII–X вв., два средневековых серебряных блюда исключительной художественной ценности. Вознаграждение за уникальные находки доходило до 100–500 руб., за менее значимые находки обычно выплачивалось от одного до 10 руб.⁴⁶ В некоторых случаях премиальная сумма могла быть значительно больше. Например, 975 руб. 36 коп. было выплачено Императорской археологической комиссией крестьянину В. П. Зуеву в 1897 г. за клад серебряных монетных слитков XI–XIII вв., найденных в Малмыжском уезде Вятской губернии⁴⁷.

К сожалению, возможность получить официальное вознаграждение не остановила незаконные добычу и сбыт археологических ценностей, в том числе и за рубеж. Так, уже на рубеже XVIII–XIX в. в Крыму сложился рынок антиквариата, на котором шла активная торговля артефактами, добытыми на различных памятниках полуострова. По сведениям английского путешественника Эд. Д. Кларка*, посетившего юг России в 1800 г., в Севастополе за несколько рублей можно было купить различные произведения античности⁴⁸.

В конце XIX в. в Керчи, например, сложилась катастрофическая ситуация с грабительскими раскопками. Только с 1891 по 1894 г. здесь было привлечено к ответственности 32 человека. Потребовалось даже набрать штат надсмотрщиков и привлечь полицию для охраны археологических памятников. Директор Керченского музея Карл Евгеньевич Думберг* доносил в Археологическую комиссию в 1892 г.: «Керчь – богата памятниками, но в городе отсутствует исторический дух, в основном думают только извлекать наживу. Многие находки попадают в руки путешественников, вывозятся

---

⁴⁶ См.: Бердинских В. А. Уездные историки. С. 156–158.

⁴⁷ Бердинских В. А. История кладоискательства в России. М., 2007. С. 165.

⁴⁸ См.: Clarke E. D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first: Russia, Tahtary and Turkey. London, 1816. Vol. 2. P. 207–208.

за границу. В Керчи есть собиратели, которые способствуют скорее разграблению, а не пропаганде»⁴⁹.

В 1880–1890-х гг. в руки кладоискателей попала серия золотых изделий из скифского кургана, располагавшегося около д. Чайан (позже – Запорожское, сейчас не существует), находившейся рядом с д. Апан-Сарча. В 1914 г. Роман Христианович Лепер*, заведующий раскопками ИАК в Херсонесе, получил информацию о продаже неким крестьянином четырех золотых предметов, якобы найденных им при земляных работах в окрестностях Евпатории. Владелец желал получить 1,5 тыс. руб. Приобрести вещи не удалось. Вскоре коллекция была перевезена в Стамбул и предложена директору Русского археологического института в Константинополе Федору Ивановичу Успенскому* за 15 тыс. руб. Сделка снова не состоялась. После 1917 г. вещи попали в Германию и постепенно были распроданы: два предмета куплены музеем Метрополитен в Нью-Йорке (накладка на ножны, золотая бляшка с изображением грифона), один (диадема) находится в собственности немецкой антикварной фирмы H. Herzer and Co, местонахождение других вещей не установлено⁵⁰.

Добыча археологического антиквариата получила широкое распространение на Кавказе в конце XIX – начале XX в. Интерес специалистов к памятникам этого региона и открытие курганных захоронений, сопровождавшихся изделиями из драгоценных металлов, спровоцировали активизацию деятельности кладоискателей⁵¹. Так, жители Пятигорска и окрестностей разбирали курганные насыпи с целью получения строительных материалов, а из самих захоронений извлекали предметы декоративно-прикладного искусства, ювелирные изделия для продажи антикварам и скупщикам золотого и серебряного лома. Хранитель Терского областного музея (г. Владикавказ) П. П. Распопов указал, что к началу XX в. незакон-

---

⁴⁹ Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь, 1999. С. 140–141.

⁵⁰ См.: *Shcheglov A. N., Katz V. I. A fourth-century B. C. royal kurgan in the Crimea // Metropolitan museum j.* 1991. Vol. 26. P. 97–114.

⁵¹ См.: *Длужневская Г. В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН).* СПб., 2014. С. 11–29.

ные раскопки и торговля артефактами из могильников достигли на Северном Кавказе уровня промысла, охватившего широкие слои местного населения. Особые опасения ученых вызывало то, что значительная часть находок из драгоценных металлов шла в переплавку, а другие артефакты уничтожались, как не представлявшие большой материальной ценности для добытчиков⁵². С целью противодействия кладоискательству и незаконному обороту культурных ценностей начальник Кубанской области М. П. Бабич издал предписание: «атаманам отделов, полицмейстерам городов... станичным и хуторским атаманам, сельским и аульным старшинам, полицейским урядникам, лесничим и лесной страже войсковых и станичных лесов принять все зависящие меры и самое живое участие в деле искоренения кладоискательства в Кубанской области. От всех – полиции и администрации – требую перейти от увещаний к делу; всех лиц, пойманных на месте преступления или уличенных свидетельскими показаниями в кладоискательстве, привлекать к уголовной ответственности»⁵³.

В XIX в., в отличие от ряда европейских государств, в России вывоз памятников за границу оставался свободным. В результате из страны увозили античные, средневековые и другие культурные ценности.

Широкую огласку получил скандальный случай приобретения Лувром за 200 тыс. франков поддельной золотой короны скифского царя Сайтаферна, якобы найденной в окрестностях Ольвии⁵⁴.

В 1887 г. епископ Таврический (1885–1897) Мартиниан (М. С. Муратовский)* получил запрос из ведомства православного исповедания канцелярии обер-прокурора Святейшего синода от 28 января⁵⁵

---

⁵² См.: *Катогощина М. В.* Антикварное дело в России XVIII – первой трети XX века. М., 2014. С. 108–109.

⁵³ Цит. по: *Длужневская Г. В.* Археологические исследования в Европейской части России... С. 28.

⁵⁴ См.: *Маркевич Ал. И.* Южная Россия на X археологическом съезде в Риге // ИТУАК. 1897. № 27. С. 42–43; *Либман М. Я., Островский Г. С.* Поддельные шедевры. М., 1966. С. 35–49; *Duchêne H.* «Nous n'étions pourtant pas si bêtes de croire à la tiare!» – Edmond Pottier, Salomon Reinach: deux dans l'épreuve // *J. des savants.* 2005. Vol. 1, Nr 1. P. 165–211.

⁵⁵ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. О производстве археологических раскопок в местности древнего Херсонеса. Л. 284–285, 290–290 об.

за подписью К. П. Победоносцева*. Синод запрашивал руководителя Таврической епархии о возможности выслать в США архитектурную деталь одного из херсонесских храмов. Этот своеобразный интерес был вызван тем, что в Чикаго началось строительство англиканской церкви во имя св. Климента⁵⁶. Судя по тексту документа, оно осуществлялось на частные пожертвования. Даритель пожелал, чтобы внутреннее убранство нового храма украсил камень из руин Херсонеса, где св. Климент (легендарный четвертый римский епископ) вел миссионерскую деятельность и принял мученическую смерть. Внимание К. П. Победоносцева к этому случаю, вероятно, было вызвано обращением к нему с данной просьбой протопресвитера англиканской епископальной церкви в Америке, настоятеля кафедрального собора в Давенпорте (штат Айова)⁵⁷.

Епископ Таврический немедленно переадресовал запрос настоятелю Херсонесского монастыря св. Владимира. Служители монастыря принимали непосредственное участие в археологических исследованиях Херсонесского городища совместно с Одесским обществом истории и древностей⁵⁸. 28 февраля в Санкт-Петербург был отправлен положительный ответ с описаниями нескольких архитектурных фрагментов для возможности выбора одного из них⁵⁹. Речь шла о трех артефактах: «первый из породы простых мраморов... Камень этот может быть распилен во всю длину его, без ущерба для предполагаемой цели и в таком случае вес его уменьшится на половину. Второй камень – небольшой кусок круглой мраморной колонны... с высеченным на колонне крестом и третий – часть мраморной плиты из Иконостаса, в коей обе стороны лицевыя, с остатками высеченных по обеим сторонам крестов»⁶⁰. Архитектор

---

⁵⁶ РГИА. Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Святейшего синода). Оп. 57. Отд. I. Стол 1. Д. 27. По сообщению доктора богословия Холь о постройке во имя Св. Климента храма в городе Чикаго в Америке. Л. 7–8 об.

⁵⁷ Там же. Л. 1.

⁵⁸ См.: *Гриневиц К. Э.* Сто лет херсонесских раскопок. С. 16–23.

⁵⁹ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. О производстве археологических раскопок в местности древнего Херсонеса. Л. 284–285, 290–290 об.

⁶⁰ РГИА. Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Святейшего синода). Оп. 57. Отд. I. Стол 1. Д. 27. По сообщению доктора богословия Холь о постройке во имя Св. Климента храма в городе Чикаго в Америке. Л. 3–3 об.

собора Дж. Армор остановил свой выбор на фрагменте мраморной колонны с высеченным на ней крестом. Вероятно, чувствуя благожелательное отношение российских властей, архитектор обратился с просьбой о получении еще и детали мраморной плиты, скорее всего, алтарной преграды (в тексте – иконостаса) для украшения алтаря строящегося храма⁶¹. Служители монастыря св. Владимира были готовы не только передать артефакты американской стороне, но и выразили готовность всячески содействовать пересылке вещей за океан: «Могут быть переданы и все 3-ри камня в распоряжение строителя храма, если роспилка первого (в случае надобности и прозбы в том) и пересылка его, или всех трех, отнесена будет на счет строителя, а не монастыря»⁶².

В отношении Синода от 21 июня 1887 г. сообщались указания о транспортировке архитектурных деталей в США через Англию. Кроме того, Дж. Армор брал на себя расходы по доставке в сумме 250 руб. Судя по пометке епископа Мартиниана на документе, исполнение поручения Синода было возложено на архимандрита Херсонесского монастыря (3 июля 1887)⁶³. Вероятно, камни были отправлены в США в августе 1887 г.⁶⁴ К сожалению, проследить их дальнейшую судьбу пока не удалось.

Иностранцев коллекционировать интересовали также первобытные древности. Так, в 1895 г. французский археолог барон Жозеф Огюст де Бай* вывез для Парижского музея истории (Museum de' Histoire de Paris) коллекцию вещей из Ананьинского могильника и Шигирского торфяника⁶⁵.

В начале XX в. Библиотека Конгресса США (Вашингтон) всего за 40 тыс. долларов приобрела уникальное собрание красноярского купца Геннадия Васильевича Юдина*, включавшее около 80 тыс. книг и примерно 500 тыс. рукописей. В состав коллекции входили прижизненные издания А. С. Пушкина, труды по истории освоения

---

⁶¹ ГАГС. Л. 284.

⁶² РГИА. Л. 3 об.

⁶³ ГАГС. Л. 284–285.

⁶⁴ РГИА. Л. 9–11 об.

⁶⁵ См.: Зорина Л. И. Французский археолог барон Ж. О. де Бай на Урале // II Берсовские чтения. Екатеринбург, 1994. С. 11–12.

Сибири и Аляски, подлинные документы путешественников и исследователей XVII–XIX вв. Интересно, что при вывозе раритетов за границу правительство оказало содействие представителю Библиотеки Конгресса⁶⁶.

Аналогичная судьба могла постигнуть коллекцию псковского любителя старины Федора Михайловича Плюшкина*. Собрание включало разнородные предметы старины: картины известных русских и европейских мастеров, автографы писателей, поэтов, государственных деятелей, бытовые вещи и произведения декоративно-прикладного искусства, монеты и др. После смерти владельца наследники предложили правительству приобрести коллекцию. Специальная комиссия оценила около 100 тыс. экспонатов в 80 тыс. руб. При этом представитель английской антикварной фирмы соглашался купить собрание за 175 тыс. руб. После нескольких лет бюрократической волокиты и при содействии председателя Совета министров Российской империи В. Н. Коковцева* Министерство финансов выделило 100 тыс. руб., что позволило получить собрание в государственную собственность⁶⁷.

Вопрос о принятии мер, препятствовавших бесконтрольному перемещению национальных исторических и художественных ценностей, неоднократно поднимался общественностью, но так и не был решен⁶⁸.

Основные проблемы охраны памятников истории и культуры в досоветской России были обусловлены отсутствием единого закона об их охране и центрального органа, который занимался бы вопросами учета и практической охраны памятников, а также недостаточным финансированием и нехваткой квалифицированных кадров. В этих условиях правительство вынуждено было поощрять деятельность негосударственных организаций по осуществлению охранных мероприятий.

---

⁶⁶ См.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о книгах. М., 1959. С. 532–543.

⁶⁷ См.: *Катогицина М. В.* Антикварное дело в России... С. 284–286.

⁶⁸ См.: *Турьинская Х. М.* Музейное дело в России в 1907–1936 годы. М., 2001. С. 49.

Глава 4

НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В XIX – начале XX в. в России сформировался широкий круг неправительственных организаций, которые в той или иной степени занимались вопросами охраны памятников. В их число входили научно-исторические общества, губернские ученые архивные комиссии, церковно-археологические и архитектурно-художественные общества.

Первые научно-исторические общества в России были созданы в конце XVIII в. Их существование было непродолжительным, а успехи в деле изучения и сохранения памятников старины небольшими. В 1759 г. группа любителей старины создала в Архангельске Городское историческое клевретство. Однако не только не получив поддержки со стороны местных чиновников, но встретив сопротивление своим трудам, оно в 1768 г. фактически прекратило существование. Более продолжительной и результативной была деятельность Вольного Российского собрания, существовавшего при Московском университете в 1771–1787 гг. Эта организация поставила своей целью сбор и издание документальных памятников по отечественной истории. За 1774–1783 гг. общество выпустило 6 частей «Опыта трудов Вольного Российского собрания» в котором около $\frac{2}{3}$ объема составляют публикации исторического содержания¹.

С начала XIX в. деятельность научно-исторических обществ становится непрерывной. В это время возникли следующие общества: Общество истории и древностей российских при Московском

---

¹ См.: Степанский А. Д. Первые исторические общества в России // ВИ. 1973. № 12. С. 204–208.

университете (1804), Общество наук при Харьковском университете (1812), Вольное общество любителей российской словесности в Санкт-Петербурге (1818), Курляндское общество литературы и искусств в Митаве (1816), Общество истории и древностей русских остзейских провинций в Риге (1834), Ученое эстонское общество в Тарту (1838), Одесское общество истории и древностей (1839), Археолого-нумизматическое общество в Санкт-Петербурге (1846), в 1866 г. переименованное в Русское археологическое общество.

Большая часть научно-исторических обществ в России создается во второй половине XIX в. В 1759–1917 гг. было зафиксировано создание 71 общества, занимавшегося историческими изысканиями. Причем большинство их появилось в пореформенный период (35 организаций были созданы в 1863–1904 гг., еще 26 – в 1905–1915 гг.)², среди них: Московское археологическое общество (1864), Русское историческое общество в Санкт-Петербурге (1866), Историческое общество Нестора-летописца в Киеве (1872), Русский археологический институт в Санкт-Петербурге (1877), Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878). На Урале и в Сибири в это время возникли Петровское общество исследователей Западной Сибири в Томске (1868), Уральское общество любителей естествознания в Екатеринбурге (1870), Общество любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края в Чердыни (1902).

Следует отметить, что названные общества историческими исследованиями и практическими мерами по охране памятников старины занимались в различной степени. Для одних эти формы работы стали основными (Московское археологическое общество, Одесское общество истории и древностей), для других – второстепенными направлениями.

Деятельность научных обществ регламентировалась уставами, которые до 1863 г. утверждал император, позже – министр народного просвещения (реже – другие министры), а с 1906 г. уставы

---

² См.: Степанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ-1974. М., 1975. С. 39.

стали регистрироваться губернскими присутствиями по делам об обществах и союзах³.

На формы и результативность работы научно-исторических обществ существенно влияло их материальное положение. В большинстве случаев бюджет обществ формировался из членских взносов, средств от реализации печатной продукции и пожертвований частных лиц. Некоторые организации получали правительственные субсидии. Например, приходная часть бюджета Одесского общества, одного из крупнейших в России, в 1897–1912 гг. составляла от 3615 до 7557 руб., включая правительственное пособие от 2500 до 4500 руб.⁴ Иногда общества ведали присуждением денежных премий за исторические исследования.

Во главе многих обществ стояли влиятельные в правительственных кругах люди. Конечно, их участие в научной работе, как правило, было ограниченным или вообще номинальным, но они легко могли решать организационные вопросы. Часто покровителями обществ становились императоры или члены императорской фамилии.

Одесское общество истории и древностей (ООИД), одно из старейших в России, было основано в 1839 г. по инициативе нескольких одесских любителей старины (М. М. Кирьякова*, А. С. Стурдза*, Д. М. Княжевича*, Н. Н. Мурзакевича*, А. Я. Фабра*) и при активной поддержке генерал-губернатора Новороссийского края и наместника Бессарабии⁵ светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова*. Согласно устава Одесское общество создавалось для «распространения исторических и археологических сведений о Южной России», предполагалось, что организация будет «собирать, описы-

---

³ См.: *Степанский А. Д.* К истории научно-исторических обществ... С. 40.

⁴ См.: Смета прихода и расхода денежных сумм Императорского Одесского общества истории и древностей на 1897 г. // ЗООИД. 1897. Т. 20. С. 50; Отчет о приходе и расходе сумм Императорского Одесского общества истории и древностей за 1912 г. // Там же. 1913. Т. 31. С. 114.

⁵ См.: Летопись общества // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 566–567; *Мурзакевич Н. Н.* Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим князем М. С. Воронцовым // ЗООИД. 1860. Т. 4. С. 397; *Охотников С. Б.* Археология в Одессе: 185 лет Одесскому археологическому музею (1825–2010). Одесса, 2010. С. 32–59.

вать и хранить все остатки древности, открывающиеся в Южной России или имеющие к оной отношение»⁶. Результаты научной работы членов общества были изданы в серии монографий, а также в 33 томах «Записок», выходявших с 1844 г.

М. С. Воронцову удалось добиться императорского указа, который предоставлял обществу право производить археологические изыскания по всей Южной России с разрешения местного начальства (на казенных землях) или с согласия помещиков (на частных землях). Кроме того, из средств Государственного казначейства ежегодно выделялась субсидия в размере 1428 руб. 57 коп. серебром (по разменному курсу 1839 г. – около 5 тыс. руб. ассигнациями)⁷.

В докладе, посвященном 60-летию основания общества, Эрнст Романович фон Штерн* отметил: «деятельность общества... направлена была главным образом на собирание древностей и устройство музея, на сохранение замечательных памятников старины и на обнаружение и научную обработку имевшагося в его распоряжении археологического и исторического материала»⁸.

Одесское общество сыграло значительную роль в охране исторических памятников Южной России. Так, в 1845 г. были приняты меры по сохранению византийского храма V в. в Пицунде, а в 1841, 1846, 1858 гг. – «царских» курганов в Керчи. В 1858 г. при участии общества была отреставрирована Мелек-Чесменская гробница. По ходатайству общества было сооружено надгробие светлейшего князя Г. А. Потемкина в Херсоне и отреставрированы надмогильные памятники воинам, погибшим под Очаковым в 1788–1791 гг. Феодосийская городская дума позаботилась о сохранении генуэзской башни святого Константина. Наиболее масштабные охранные проекты были реализованы обществом в отношении средневековых

---

⁶ Устав Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1839. С. 1.

⁷ См.: *Мурзакевич Н. Н.* Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим князем М. С. Воронцовым. С. 402–403; *Мальшев А. И., Таранков В. И., Смиренный И. Н.* Бумажные денежные знаки России и СССР. М., 1991. С. 29.

⁸ ПСЗРИ-2. 1840. Т. 14. Отд. 1. 1839. № 12985. С. 934; Протокол заседания 14 ноября 1899 г. // ЗООИД. 1900. Т. 22. С. 139.

крепостей в Судаке (с 1869 г.) и Аккермане (Белгород-Днестровский, с 1896 г.), которые полностью находились в его ведении⁹.

За счет средств Одесского общества организовывались археологические раскопки. Однако из-за финансовых трудностей они, как правило, были довольно ограниченными. Ситуация изменилась только в 1876 г., когда на основании ходатайства министра народного просвещения Дмитрия Андреевича Толстого* Святейший синод выделил ежегодную субсидию в размере 1 тыс. руб. на «надобности Общества по раскопке и восстановлению древних памятников христианства» и устройство музея христианских древностей в Херсонесе¹⁰. Одесским обществом была разработана программа раскопок и создан специальный комитет для ее реализации. Предполагалось, что все раскопки и «розыски» будут осуществляться только членами общества. Также они должны были контролировать снос и расчистку руин, принимать меры для пресечения грабительских раскопок. Из архитектурных деталей, найденных при раскопках на территории городища, планировалось выстроить здание в виде базилики для музея христианских древностей¹¹.

Одесское общество проводило самостоятельные раскопки в Херсонесе в 1876–1886 г. За этот период были открыты новые кварталы, крещальня возле Уваровской базилики, остатки городского водопровода, несколько выдающихся эпиграфических памятников (декрет в честь Диофанта, надпись в честь Аристона) и др.¹² Наиболее значимым результатом раскопок стало доказательство существования руин античного Херсонеса под слоями средневекового времени.

В 1846 г. в Санкт-Петербурге было основано Археолого-нумизматическое общество, с 1866 г. переименованное в Русское археологическое общество (РАО). Главную цель деятельности общества его создатели видели в том, чтобы «описывать не только

---

⁹ См.: *Юргевич В. Н.* Краткий очерк деятельности императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 54–56.

¹⁰ См.: *Летопись общества* // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 368–369.

¹¹ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 21–21 об.

¹² См.: *Юргевич В. Н.* Краткий очерк деятельности... С. 57–58.

находящиеся в России отечественные памятники, греческие, восточные и прочие, но и в распространении, всевозможными средствами, науки изучения древностей вообще и в особенности находящихся в России»¹³. С начала существования РАО при нем был образован музей, который включал отделы: монет и медалей, предметов древности, рукописей. Для более эффективной организации работы с 1851 г. РАО разделилось на три отдела: русской и славянской археологии, восточной археологии, древней (классической) и западной (средневековой) археологии. Обществом организовывались археологические экспедиции в различные регионы России. Практически с момента учреждения РАО проявляло интерес к сохранению памятников русской старины. Члены общества приглашались в качестве экспертов при решении вопросов о реставрации, перестройке или сносе архитектурных древностей, принимали непосредственное участие в сохранении стен Коломенского и Псковского кремлей, Софийского собора в Киеве и др.

Крупнейшим научно-историческим обществом всероссийского масштаба во второй половине XIX в. было МАО, созданное в 1864 г. по инициативе графа Алексея Сергеевича Уварова*. А. С. Уваров (сын создателя «теории официальной народности» С. С. Уварова) возглавлял МАО до своей смерти, после него в 1885–1917 гг. обществом руководила его вдова Прасковья Сергеевна Уварова*.

Главными задачами общества с момента его основания были исследование и охрана археологических памятников в России, а также просветительская работа¹⁴. В круг основных форм деятельности МАО входили: организация и финансирование археологических раскопок, проведение выставок и археологических съездов, составление инструкций по раскопкам, сбор информации об археологических и исторических памятниках, издание научных трудов. До 1889 г. общество выдавало разрешения на проведение раскопок, требуя представления отчетов. Причем запросы на разрешения поступали

---

¹³ *Веселовский Н. И.* История Императорского Русского Археологического общества... С. 41.

¹⁴ См.: *Уваров А. С.* Речь при открытии общества // *Древности: Тр. МАО.* М., 1869. Т. 1, вып. 1. С. 1–3.

не только из Московской губернии, как определялось уставом и государственными нормативными документами, но и со всей Центральной России и других регионов¹⁵.

Большую роль для развития профессиональных навыков археологов-любителей сыграли анкеты-инструкции МАО. Обществом были разработаны «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер» (1875), «Инструкция для производства раскопок курганов» (1875), «Инструкция о снятии копий с древних надписей и воспроизведении их из гипса» (1875), «Заметка для собирания русских древностей» (1886), «Программа для собирания сведений об архивах» (1898) и др.¹⁶ Эти документы стали методическими пособиями, которые способствовали распространению научных методов археологических исследований. Кроме того, члены общества выезжали на места раскопок, выполняя функции научных консультантов.

МАО впервые в России попыталось заняться разработкой закона об охране памятников. С этой целью в 1870 г. при нем была создана Комиссия по сохранению древних памятников. В последующие годы она участвовала в обсуждении проектов закона, которые разрабатывались уже правительственными организациями, осуществляла контроль за реставрацией ряда памятников. В 1909 г. при обществе возникла Комиссия по изучению старой Москвы, которая занималась вопросами изучения и охраны памятников Москвы и Московской губернии¹⁷.

Исключительное значение для развития археологических, исторических исследований, дела охраны памятников истории и археологии имели всероссийские археологические съезды, которые организовывались под руководством МАО в 1869–1911 гг.¹⁸

---

¹⁵ См.: *Комарова И. И.* Московское археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России // АЕ-1989. М., 1990. С. 85.

¹⁶ См.: *Бердинских В. А.* Уездные историки. Русская провинциальная историография. М., 2003. С. 154.

¹⁷ См.: *Степанский А. Д.* К истории научно-исторических обществ... С. 51.

¹⁸ См.: *Серых Д. В.* Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. Казань, 2014.

Большое значение для сбора информации о древностях на всей территории Российской империи имела деятельность Императорского Русского географического общества (РГО), созданного в 1845 г. Оно состояло из четырех отделений: математической географии, физической географии, статистики, этнографии. Несмотря на естественно-научную направленность интересов РГО, все отделения в той или иной степени занимались историческими, археологическими, археографическими и этнографическими исследованиями¹⁹.

С первых лет своего существования РГО активно привлекало к сотрудничеству представителей провинциальной интеллигенции, способствовало публикации их материалов. Во второй половине XIX в. были открыты отделы общества на Кавказе, в Сибири, на северо-западе и юго-западе России. В 1847 г. РГО разослало в губернии программу по собиранию этнографических сведений и в течение пяти лет получило около 2 тыс. ответов. Результаты этой работы были опубликованы в издаваемом РГО «Этнографическом сборнике»²⁰. В последующие годы членами общества были разработаны и другие программы, позволившие собрать большой источниковый материал. Следует отметить особое значение деятельности РГО по изучению культурного наследия в отдаленных от центра страны районах, которым (по разным причинам) не могли уделять внимание научно-археологические общества.

В Поволжье большой активностью в изучении и сохранении древностей отличалось Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, созданное в 1878 г. Оно имело археологический музей, нумизматический кабинет, отдел манускриптов, собрание географических карт²¹. Эта организация проделала большую работу по исследованию и охране булгарских памятников, добившись передачи городища Булгар под свой патронаж и государственное финансирование охранно-реставрационной деятельности на этом объекте культурного наследия. Члены общества проводили раскопки памятников археологии в Казанской, Перм-

---

¹⁹ См.: *Берг Л. С.* Всесоюзное географическое общество за сто лет. М. ; Л., 1946.

²⁰ *Бердинских В.А.* Уездные историки... С. 74–75.

²¹ См.: *Степанский А. Д.* К истории научно-исторических обществ... С. 43.

ской, Вятской губерниях, собирали этнографические материалы, рукописи и старопечатные книги. Музей общества имел всероссийскую известность²².

В Екатеринбурге действовало Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), созданное в 1870 г. При нем работали музей и обширная библиотека (в 1915 г. в ней насчитывалось более 57 тыс. томов)²³. Несмотря на то, что члены общества занимались преимущественно исследованиями в области естественных наук (географией, ботаникой, энтомологией и др.), изучение археологических памятников Среднего Урала также входило в сферу интересов УОЛЕ сразу после его создания. Раскопками памятников занимались такие археологи-любители, как Михаил Викторович Малахов*, Онисим Егорович Клер*, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк*, Владимир Яковлевич Толмачев*. Ими были исследованы стоянки у д. Палкино (окрестности Екатеринбурга), памятники на берегах озер Аять и Таватуй, на Шарташских каменных палатках и др. Работы на Шигирском торфянике (около современного Кировграда) положили начало всемирно известной Шигирской коллекции изделий из кости, рога и дерева²⁴.

Интерес к коллекционированию археологических находок способствовал появлению в Екатеринбурге дельцов, занимавшихся организацией грабительских раскопок. При этом собирались только вещи, которые можно было продать, «отборные остатки». Остальные находки просто выбрасывались. Например, торговцы древностями Комес, Замшин, Черных поручали крестьянам собирать археологические находки и раскапывать памятники в окрестностях города. За указанное местоположение интересного материала они

---

²² См.: *Назипова Г. Р.* Университет и музей: исторический опыт губернской Казани. Казань, 2004. С. 193–209.

²³ См.: *Очерки истории Свердловска.* Свердловск, 1958. С. 137; *Зорина Л. И.* Уральское общество любителей естествознания, 1870–1929 // Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996 (Учен. зап. Свердл. обл. краевед. музея ; т. 1).

²⁴ См.: *Савченко С. Н.* История формирования коллекции Шигирских древностей в Свердловском областном краеведческом музее // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В. Ф. Генинга. Екатеринбург, 1999. Ч. 1. С. 46–53.

платили до 10 руб. Так еще до начала научного изучения стоянок у д. Палкино (открыты в 1874 г.) жители деревни собирали здесь вещи и сбывали их торговцам антиквариатом и скупщикам меди. От массового уничтожения археологические памятники иногда спасал запрет заводоуправлений проводить раскопки на заводских землях, особенно в районах золотодобычи²⁵.

Среди научно-исторических обществ особое место занимали губернские ученые архивные комиссии. Их формирование стало первым опытом организации масштабных исторических исследований в провинции. Идея создания этих организаций принадлежала Николаю Васильевичу Калачеву* и была связана с реформой архивного дела в Российской империи²⁶. Деятельность комиссий регламентировалась Положением Комитета министров от 13 апреля 1884 г. «Об учреждении ученых архивных комиссий и исторических архивов»²⁷.

Инициатива учреждения ГУАК формально принадлежала губернатору, который исполнял обязанности неперменного попечителя архивной комиссии²⁸. Этим ГУАК принципиально отличались от традиционных научно-исторических обществ, которые юридически не зависели от местной администрации. Структура ГУАК основывалась на модели, апробированной научными организациями России: председатель, товарищ председателя, правитель дел, казначей, почетные и действительные члены²⁹.

Основная задача ГУАК состояла в обеспечении сохранения в собственных архивах ценных исторических документов губер-

---

²⁵ См.: *Берс Е. М.* Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. М., 1951. № 21. С. 184–185, 216.

²⁶ См.: *Автократова М. И., Самошенко В. Н.* Н. В. Калачев и развитие архивного дела в России во второй половине XIX в. // Совет. архивы. 1985. № 5. С. 28–31; *Самошенко В. Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 135–138.

²⁷ См.: *Писарькова Л. Ф.* Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // АЕ-1989. М., 1990. С. 188–189.

²⁸ См.: *Набокина Т. А.* Организационная структура и полномочия членов уральских губернских ученых архивных комиссий // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 23 (238), вып. 47. С. 126–128.

²⁹ См.: Там же. С. 127.

ских и уездных учреждений, утративших практическое значение³⁰. Положение от 13 апреля 1884 г. допускало возможность включать в круг занятий комиссий выявление, изучение и сохранение других объектов историко-культурного наследия³¹. Члены ГУАК проводили археологические раскопки, изучали памятники архитектуры, осуществляли археографические и этнографические исследования. Кроме архивов, в структуру ГУАК могли входить музеи и библиотеки³².

В 1884 г. свою деятельность начали Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тверская комиссии. В последующие годы были учреждены Костромская (1885), Саратовская (1886), Нижегородская, Оренбургская и Таврическая (1887) губернские ученые архивные комиссии³³. Всего в Российской империи действовали 39 губернских ученых архивных комиссий³⁴. В 1918–1920 гг. ГУАК либо прекратили существование, либо подверглись реорганизации³⁵.

Вопрос финансирования деятельности архивных комиссий оставался наиболее острым на протяжении всего периода существования этих организаций. Основным источником денежных поступлений для них были членские взносы, пособия из земских и город-

---

³⁰ См.: *Писарькова Л. Ф.* Губернские ученые архивные комиссии. С. 189.

³¹ См.: *Первушкин В. И.* Сохранение исторического наследия в Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерниях во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 1. С. 57.

³² См.: *Антонов В. А.* Губернские ученые архивные комиссии и исследование археологических древностей Европейской России // 120 лет учреждения губернских ученых архивных комиссий в России : материалы межрегион. науч. конф. Рязань, 22–23 сентября 2004 г. Рязань, 2007. С. 167–176; *Калякина А. В.* Роль музеев ученых архивных комиссий в разработке форм и приемов музейной практики в первой четверти XX в.: на примере Орловского региона // *Вопр. музеологии.* 2012. № 2(6). С. 50–59; *Макаренко Г. И.* Таврическая ученая архивная комиссия как источник сведений об истории и взаимодействии народов Крыма // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* № 11 (73), ч. 1. С. 85–88.

³³ См.: *Шведова О. И.* Указатель «Грудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // АЕ-1957. М., 1958. С. 377, 389–422, 377–433.

³⁴ См.: Там же. С. 377.

³⁵ См.: *Симоненко І. М.* Губернські вчені архівні комісії в Україні: Історіографічний огляд і бібліографічний покажчик. Київ, 2003. С. 6 (Архівні та бібліографічні джерела української історичної думки ; вип. 8).

ских бюджетов, периодические субсидии правительственных органов. Члены комиссий денежного вознаграждения не получали. Так, комментируя годовой отчет Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь) за 1891 г., правитель дел Арсений Иванович Маркевич* отметил: «материальное положение Таврической ученой архивной комиссии нельзя считать обеспеченным, и возможностью существования и проявления своей скромной деятельности комиссия обязана исключительно просвященному отношению к ней Таврического земства и частным пожертвованиям. Такое положение, конечно, не представляется нормальным»³⁶. В большинстве случаев комиссии не имели средств для осуществления мероприятий по охране памятников и ограничивались работой с архивными документами.

Существенный вклад в изучение, сохранение и популяризацию культурного наследия России внесли церковно-археологические учреждения. История их деятельности была ознаменована созданием в 1863 г. Подольского епархиального историко-статистического комитета. До 1917 г. зафиксировано существование 52 церковно-археологических обществ и комитетов. Наибольшее количество подобных обществ и комитетов (45) было создано в 1893–1916 гг.³⁷ Пиком деятельности церковных научно-исторических организаций стало учреждение в 1914 г. общероссийской Архивно-археологической комиссии при Синоде.

Охрана памятников (письменных, вещественных, архитектурных) изначально была провозглашена одной из основных задач церковно-археологических обществ и комитетов. Особенно активно эта работа проводилась начиная с рубежа XIX–XX вв. Центром руководства охранной деятельностью стал тогда Петербургский епархиальный историко-археологический комитет (основан в 1914 г.). При многих обществах и комитетах были созданы музеи и древле-

---

³⁶ Маркевич А. И. Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1891 г. // ИТУАК. 1892. № 15. С. 116.

³⁷ См.: Комарова И. И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX – начала XX в. // АЕ-1990. М., 1991. С. 83–85.

хранилища. Некоторые из них обладали весьма значительными коллекциями. Так, собрание Архангельского комитета к 1912 г. включало 25 тыс. документов и 500 книг XV–XVIII вв. Общества и комитеты осуществляли контроль за реставрационными и ремонтными работами памятников церковной архитектуры. В случае сноса церкви проводилась фотофиксация постройки. Для составления описаний архитектурных памятников были разработаны специальные инструкции³⁸. В 1870-х гг. начался процесс создания музейных учреждений при духовных академиях (Киевской – 1872, Санкт-Петербургской – 1878, Московской – 1880)³⁹. В начале XX в. в стране действовали 35 церковных древлехранилищ⁴⁰.

Вопросы охраны архитектурных памятников входили в круг интересов архитектурных обществ. Первым было создано Московское архитектурное общество (1867), затем образовались Петербургское общество архитекторов (1872), Рижское архитектурное общество (1889), Общество архитекторов-художников в Санкт-Петербурге (1903) и ряд других. Московское архитектурное общество активно участвовало в реставрационных работах преимущественно зданий церковной архитектуры. С 1870 г. эта организация целенаправленно собирала рисунки старинных построек, фотографии, чертежи и планы. Члены Рижского архитектурного общества провели обследование более 200 памятников Риги, с 1906 г. принялись за осуществление разработанной ими программы изучения замков и усадеб Латвии.

Особенно активно работы по охране архитектурных памятников проводило Петербургское общество архитекторов. В отличие от других обществ, оно преследовало преимущественно научные цели, а столичное местонахождение и покровительство императора

---

³⁸ См.: *Комарова И. И.* Церковно-археологические учреждения... С. 83–102.

³⁹ См.: *Мусин А. Е.* Церковная археология в России второй половины XIX – начала XX в. и ее место в системе отечественной археологии и охране культурного наследия // *Невский археолого-историографический сборник : к 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова.* СПб., 2002. С. 81.

⁴⁰ См.: *Косых В. И.* Церковно-археологические общества русской православной церкви (конец XIX – начало XX в.) // *Учен. зап. Забайкал. гос. ун-та.* 2009. № 3. С. 122. (Сер. Филология, история, востоковедение).

делали его, по сути, центральным. При нем была создана комиссия для изучения памятников архитектуры, его члены принимали участие в реставрационных работах, поддерживали протесты в связи с разрушением старинных зданий (например, церкви Иоана Предтечи в Дьякове). По инициативе Петербургского общества архитекторов с 1892 г. стали проводиться съезды русских зодчих, на которых обсуждались вопросы теории и практики реставрации и охраны архитектурных объектов.

Задачи охраны памятников рассматривались Обществом архитекторов-художников (1903, Санкт-Петербург) как одни из приоритетных. Причем если другие архитектурные общества уделяли внимание прежде всего древнерусским постройкам, то эта организация целенаправленно заботилась о сохранении зданий и ансамблей XVIII–XIX вв., которым до этого практически не уделялось внимания. При обществе работала Комиссия по борьбе против разрушения архитектурных памятников XVIII–XIX вв. (1907), Музей допетровского искусства и быта (1909), реставрационная комиссия (1912)⁴¹.

В начале XX в. в России появляются общества, целью деятельности которых была пропаганда необходимости охраны памятников и мер по сохранению конкретных объектов. Первым из них стало Общество охранения древностей в Варшаве (1907). В 1910 г. было создано Киевское общество охраны памятников старины и искусства⁴².

Однако из подобных обществ всероссийское значение приобрело только Санкт-Петербургское общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, учрежденное в 1909 г. Его председателем был великий князь Николай Михайлович*, известный коллекционер и историк, товарищем председателя – А. Н. Бенуа*, барон Н. Н. Врангель* – секретарем⁴³. Главная цель

---

⁴¹ См.: *Комарова И. И.* Архитектурные общества России во второй половине XIX – начале XX века // *Архитектура СССР.* 1985. № 5. С. 108–110.

⁴² См.: *Степанский А. Д.* К истории научно-исторических обществ... С. 54.

⁴³ См.: *Кормильцева О.М.* Начало деятельности по сохранению культурного наследия в Петербурге-Ленинграде // *Охрана памятников Санкт-Петербурга.* СПб., 2008. С. 31–32.

общества формулировалась следующим образом: «вступаться за памятники искусства и старины, будь то церковь или картина, здание или рукопись, изваяние или мебель, если их не охраняют от разрушения или содействуют их гибели от неумелой реставрации, или вывозят из России»⁴⁴. При обществе была создана Комиссия по регистрации памятников старины Санкт-Петербургской губернии. Обществу удалось найти средства для реставрации Батуринского дворца, собора Ферапонтова монастыря. Кроме того, общество содействовало ремонту собора Василия Блаженного, Псковских ворот, ходатайствовало о сохранении ряда памятников Санкт-Петербурга, Калуги и других городов. Со временем были организованы филиалы этого общества в Туле, Орле, Ростове Великом, Ярославле, Вильно⁴⁵.

Члены Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины придавали большое значение просветительской деятельности, ориентированной на распространение информации об объектах культурного наследия России, формированию у населения представлений об их историческом и культурном значении. Для этого общество организовывало регулярные публичные доклады, посвященные конкретным памятникам и читавшиеся известными специалистами, проводило художественные выставки. Новаторским направлением деятельности организации были реконструкции театральных постановок в традициях «старого русского театра»⁴⁶. В деле сохранения отечественных древностей общество активно сотрудничало с Императорской археологической комиссией, его члены принимали участие в обсуждении проектов закона об охране памятников старины в России⁴⁷.

---

⁴⁴ Вейнер П. П. Охрана памятников старины // Старые годы. 1909. № 4. С. 203.

⁴⁵ См.: Турьинская Х. М. Музейное дело в России в 1907–1936 годы. М., 2001. С. 47–48; Медведева М. В. Из истории Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины // Археол. вести. 2007. Вып. 14. С. 262–265.

⁴⁶ См.: Медведева М. В. Из истории Общества защиты и сохранения памятников... С. 260–261.

⁴⁷ См.: Там же. С. 265–267.

Глава 5

ВСЕРОССИЙСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ

Всероссийские археологические съезды, организованные Московским археологическим обществом, рассматриваются исследователями как одно из самых ярких явлений научной жизни Российской империи. Они оказали большое влияние на развитие археологии, смежных дисциплин, теории и практики деятельности по сохранению памятников истории и культуры¹. Съезды проводились в центрах научно-исторических исследований: Москве (первый съезд – в 1869 г. и восьмой – в 1890 г.), Санкт-Петербурге (второй – в 1871 г.), Киеве (третий – в 1874 г. и одиннадцатый – в 1899 г.), Казани (четвертый – в 1877 г.), Тифлисе (пятый – в 1881 г.), Одессе (шестой – в 1884 г.), Ярославле (седьмой – в 1887 г.), Вильно (девятый – в 1893 г.), Риге (десятый – в 1896 г.), Харькове (двенадцатый – в 1902 г.), Екатеринославе (тринадцатый – в 1905 г.), Чернигове (четырнадцатый – в 1908 г.), Новгороде (пятнадцатый – в 1911 г.). Шестнадцатый съезд планировалось провести в 1914 г. в Пскове, но он не состоялся из-за начавшейся Первой мировой войны.

В работе съездов принимали участие столичная и провинциальная профессура, сотрудники научных учреждений, члены научно-исторических обществ, представители губернских статистических комитетов и губернских ученых комиссий, любители старины, иностранные ученые.

На заседаниях обсуждались вопросы изучения памятников археологии и истории, их охраны, популяризации научно-истори-

---

¹ См., напр.: *Смирнов А. С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., 2011. С. 107–199.

ческих знаний, преподавания археологии в университетах. С третьего съезда в Киеве (1874) в докладах начинает преобладать местная тематика.

Подготовкой очередного съезда занимался предварительный комитет, который состоял из двух центров. Постоянным центром подготовительной работы было Московское археологическое общество, второй центр создавался на месте предстоящего съезда. Предварительный комитет проделывал большую организационную и научную работу. Последняя заключалась в составлении сводов и обзоров археологических и исторических памятников (в том числе архивных материалов), проведении археологических экспедиций, подготовке выставок местных древностей и организации экскурсий на памятники².

Проблемы охраны исторических памятников России были подняты уже на I съезде (Москва, 1869). В речи А. С. Уварова на открытии съезда 16 марта 1869 г. и на общем собрании 21 марта отмечалось неудовлетворительное состояние охранной деятельности, говорилось о систематическом, бесконтрольном и массовом разрушении памятников старины, невежестве населения, чиновников и служителей церкви³.

По мнению А. С. Уварова, изменение сложившейся ситуации в лучшую сторону могло быть достигнуто путем организации системы учета объектов наследия и мониторинга их состояния, популяризации и развития образования в сфере археологии. Председатель МАО выразил надежду, что всероссийские археологические съезды будут способствовать реализации этих направлений⁴.

Однако дискуссия не была сведена только к критике существующего положения, одновременно предлагались конкретные

---

² См.: *Бржостовская Н. В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869–1911 гг.) // АЕ-1971. М., 1972. С. 89–90.

³ См.: Открытие археологического съезда 16 марта 1869 г. // Тр. первого археологического съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т. 1. С. XXXII–XXXIII; Второе заседание 21 марта 1869 г., вечером под председательством члена совета С. М. Соловьева // Там же. С. XLVIII–LIV.

⁴ См.: Открытие археологического съезда 16 марта 1869 г. С. XXX–XXXI.

меры по изменению ситуации. Дмитрий Петрович Сонцов* призвал активизировать работу археологических обществ по собиранию сведений о древностях от местных жителей и надзору за состоянием памятников старины. Для этого он предложил назначать специально уполномоченных «корреспондентов», в обязанности которых должно было входить информирование своих организаций о выявленных объектах культурного наследия. Также Д. П. Сонцов указал на целесообразность привлечения губернских и центральных газет для собирания и обобщения сведений об археологических открытиях. Важным условием успешной деятельности научно-археологических обществ по сохранению памятников старины он считал юридическое закрепление их полномочий в этой сфере⁵.

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин* представил программу развития системы охранной деятельности. Она предусматривала проведение регулярных археологических съездов, создание новых археологических обществ и музеев в провинции, более широкое привлечение губернских статистических комитетов к собиранию сведений о памятниках⁶.

Дмитрий Михайлович Струков* заострил внимание на уничтожении старинных вещей, приобретаемых скупщиками металлического лома. Он указал, что «хотьба» (скупка изделий из цветных металлов для переплавки) как промысел наносит существенный вред и необходимо его запрещение или ограничение правительственным распоряжением⁷.

Подводя итоги заседания, А. С. Уваров отметил, что суть проблемы обеспечения эффективности охраны культурного наследия заключается в отсутствии в России правительственного органа охраны древностей, официального реестра памятников и жесткого законодательства и привел примеры из опыта Франции⁸. Кроме того, он изложил свои представления об основных положениях

---

⁵ См.: Второе заседание 21 марта 1869 г., вечером. С. XLVIII–XLIX.

⁶ См.: Там же. С. XLIX.

⁷ См.: Там же. С. LII–LIV.

⁸ См.: Там же. С. XLVIII, LIV.

закона об охране памятников старины. А. С. Уваров указал, что деятельность по сохранению древностей предполагает реализацию мер по двум основным направлениям: выявление и учет объектов, обеспечение их физического существования⁹.

По мнению председателя МАО, задача инвентаризации памятников старины должна быть возложена на научно-археологические общества (НАО). А. С. Уваров предложил разделить территорию империи на пять «археологических округов» (Петербургский, Московский, Киевский, Казанский, Одесский), распределенных между археологическими обществами¹⁰. Он считал, что координировать деятельность НАО и курировать общегосударственный перечень памятников старины должна специальная комиссия. В ее состав А. С. Уваров предложил ввести представителей НАО, Академии наук, высших светских и духовных учебных заведений, чиновников Министерства внутренних дел, научных учреждений¹¹.

Непосредственный надзор за состоянием объектов, включенных данной комиссией в список, следовало поручить «блюстителем», назначаемым на три года. Их кандидатуры выдвигались НАО и утверждались министром внутренних дел. А. С. Уваров предложил наделить «блюстителей» рядом полномочий, вплоть до права останавливать любые работы на памятниках старины, угрожающие их состоянию¹².

Проект А. С. Уварова предполагал разделение объектов культурного наследия на следующие категории:

- 1) памятники архитектуры (к ним были причислены и «валы, городища, курганы»);
- 2) памятники письменности;
- 3) памятники живописи;
- 4) памятники декоративно-прикладного искусства.

---

⁹ См.: Проект мер охранения памятников старины гр. А. С. Уварова 1869 г. 21-го марта // Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. М., 1911. С. 35–39.

¹⁰ См.: Там же. С. 36.

¹¹ См.: Там же. С. 37.

¹² См.: Там же. С. 38–39.

При этом А. С. Уваров считал, что первоочередные охранные меры, в том числе инвентаризация, должны быть применены к памятникам архитектуры и живописи (к последним он отнес иконы, монументальные произведения)¹³.

Объекты наследия, включенные в общегосударственный список, А. С. Уваров предложил разделить на две категории (разряды). Памятники 1-го разряда запрещалось подвергать изменениям без личного разрешения императора. Ремонтные, реставрационные работы на объектах 2-го разряда должны были санкционироваться Министерством внутренних дел или Святейшим синодом¹⁴.

В итоге заседания было принято решение о создании комиссии для разработки мер по охране отечественных древностей, состоящей из членов Московского и Русского археологических обществ¹⁵.

Второй археологический съезд в Санкт-Петербурге (1871) занимает особое место по значимости рассмотренных проблем охраны древностей. На его заседаниях обсуждались два важных проекта: о разработке мер по сохранению памятников археологии и о принципах архивной реформы.

Проект «мер охранения памятников» был представлен Владимиром Густавовичем Тизенгаузенем*. По мнению комиссии, разработавшей этот проект, первоочередными задачами охранной деятельности являются составление реестра памятников и организация их физического сохранения. Сведения об объектах должны были включать их историю, характеристику состояния и информацию о собственнике. Предусматривалось выделение следующих групп памятников:

- 1) зодчества;
- 2) живописи;
- 3) ваяния и резьбы;
- 4) изделий из металлов, кости и дерева;
- 5) ткани, древние одежды.

---

¹³ См.: Проект мер охранения памятников старины... С. 36.

¹⁴ См.: Там же. С. 37–38.

¹⁵ См.: Второе заседание 21 марта 1869 г., вечером. С. LIV.

Эту работу предполагалось возложить на исторические и археологические общества. Каждое из них должно было курировать территорию одной или нескольких губерний.

Информация о памятниках старины, согласно проекту, должна быть сосредоточена в специальной комиссии, объединявшей представителей научных обществ, академий наук и художеств. Предполагалось, что этот орган будет отвечать за составление общегосударственного реестра объектов культурного наследия, утверждаемого императором, и контролировать исполнение законодательства в сфере охраны памятников старины. Для постоянного контроля за состоянием памятников комиссия должна была назначать смотрителей. Документ был утвержден без принципиальных возражений со стороны участников съезда¹⁶. Фактически текст повторял основные положения, сформулированные А. С. Уваровым на I археологическом съезде, но в более лаконичных формулировках.

Впоследствии «Проект мер охранения памятников» был представлен в Министерство народного просвещения и широко обсуждался в государственных ведомствах и научных учреждениях. Однако в этих кругах он вызвал существенные возражения. Прежде всего, критике подверглась неопределенность материально-финансового обеспечения мероприятий по охране памятников. Кроме того, споры вызвали положения, обеспечивающие приоритет в охранной деятельности научных обществ, а не государственных структур, особенно незначительная роль Археологической комиссии. Тем не менее в 1876 г. при Министерстве народного просвещения была создана комиссия «для обдумывания предложений о мерах к охранению на будущее время существующих памятников» под руководством Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского*.

---

¹⁶ См.: Общие собрания съезда: I. (11 декабря утром) // Тр. второго археологического съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 59–61; *Медведева М. В., Всевиов Л. М., Мусин А. Е. и др.* Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии // Императорская Археологическая Комиссия (1857–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественных археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009. С. 101–102.

В основу ее разработок был положен документ, принятый вторым съездом, а результатом деятельности стал соответствующий законопроект. Однако законом он так и не стал¹⁷.

Большой резонанс среди участников съезда вызвал доклад Измаила Ивановича Срезневского*. Ученый посвятил свое выступление организации изучения и сохранения памятников русской письменности. Отметив успехи отечественной археографии, он заострил внимание на ее основных проблемах. Так, при наличии хранилищ, в том числе специализированных, во многих из них отсутствовали описи фондов, особенно опубликованные, издание памятников не было систематизировано даже в Археографической комиссии. Организация хранения, описания, подготовки к публикации материалов часто осуществлялась на низком научном уровне из-за отсутствия профессиональной подготовки сотрудников древлехранилищ¹⁸.

Важным результатом III археологического съезда (Киев, 1874) стало утверждение «Инструкции для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов», разработанной по поручению ученого совета съезда¹⁹ Д. Я. Самоквасовым, Л. К. Ивановским* и В. Б. Антоновичем*. Документ подробно регламентировал приемы раскопок, принципы фиксации и описания находок, способы реставрации вещей. По мнению современных исследователей, положения «Инструкции» были основаны на собственном опыте исследователей и передовых достижениях российских и за-

---

¹⁷ См.: Проект Правил о сохранении исторических памятников. Комиссия кн. Лобанова-Ростовского 1876 г. // Материалы по вопросу о сохранении древних памятников (XVIII – пер. пол. XIX в.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. 7. С. 40–41; Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России... С. 112–117.

¹⁸ См.: Срезневский И. И. О современном состоянии русской археологии // Тр. второго археологического съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1876. Вып. 1. Отд. 4. Б. С. 1–15; Заседание 9 декабря, утром (отд. III) // Тр. второго археологического съезда в Санкт-Петербурге. Вып. 2. С. 15; Заседание 18 декабря, вечером (отд. III) // Там же. С. 58.

¹⁹ См.: [7. Заседание VI Отделения – Памятники языка и письма]. Шестое заседание, 21 августа утром, под председательством И. И. Срезневского // Там же. С. LXIX–LXXXIII.

рубежных коллег²⁰. Создание данного документа можно рассматривать как важное достижение в сфере регламентации методики полевых археологических исследований.

Обеспечение охраны памятников археологии при строительстве железных дорог рассматривалось на IV археологическом съезде (Казань, 1877). Д. А. Корсаков* представил проект, подготовленный А. В. Черниковым-Анучиным*. Автор документа предложил съезду ходатайствовать перед правительством о законодательном закреплении следующего порядка действий:

1) на стадии проектных работ губернаторы командуют членов статистических комитетов для выявления, учета и описания памятников на местах, отведенных под прокладку путей;

2) сотрудники статистических комитетов маркируют объекты, представляющие научную ценность и подлежащие аварийным раскопкам, столбами со специальными знаками и номерами, соответствующими очередности раскопок;

3) информация о наличии памятников старины передается администрации железной дороги, которая предпринимает меры по сохранению указанных древностей;

4) при отсутствии возможности провести научные исследования работы выполняются строителями под наблюдением члена статистического комитета или «местного археолога».

Кроме того, А. В. Черников-Анучин поставил вопрос о необходимости организации учета археологических памятников на всей территории страны. Для выполнения этой задачи он предложил привлечь сотрудников статистических комитетов и волостных правлений, археологов, землемеров, лесничих, агрономов. Информация об объектах должна была представляться в унифицированном виде на специальных бланках²¹. Проект А. В. Черникова-Анучина

---

²⁰ См.: *Щавелев С. П.* Позабывтые страницы истории русской науки и культуры // Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843–1911) / сост., вступ. ст. и коммент. С. П. Щавелева. Курск, 2007. С. 25.

²¹ См.: *Заккрытие съезда. 17 августа вечером* // Тр. четвертого археол. съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. Казань, 1884. С. СХХІХ–СХХХ.

был несовершенным: не указывалась организация, отвечающая за собирание сведений о памятниках; не учитывалось кадровое обеспечение аварийных раскопок и др. Тем не менее, данный документ интересен для изучения подходов к формированию в России принципов охранной деятельности. К сожалению, каких-либо решений по данному вопросу принято не было.

Проблемы сохранения курганов, городищ и валов на съезде поднял Д. Я. Самоквасов. Он обратил внимание на то, что раскопки этих памятников представляют не меньшую угрозу, чем распашка и кладоискательство. Ученый предложил рассмотреть ряд мер, направленных на обеспечение квалифицированных исследований объектов, в частности:

1) раскопки должны быть направлены на решение научных задач и проводиться только с разрешения «археологических учреждений и археологических обществ»;

2) археологи должны точно следовать инструкциям, принятым III археологическим съездом, подлежащим регулярной корректировке;

3) квалификация лиц, осуществляющих раскопки, должна подтверждаться предоставлением ими отчетной документации в организации, разрешившей проведение работ (при этом авторские права сохраняются за исследователем);

4) лица, чьи отчеты будут признаны неудовлетворительными, лишаются права производить раскопки. Участники заседания решили направить проект Д. Я. Самоквасова министру народного просвещения²².

Проблема сохранения культурных ценностей рассматривалась на V археологическом съезде (Тифлис, 1881). По предложению Александра Виссарионовича Комарова* съезд принял решение обратиться с ходатайством к наместнику на Кавказе великому князю Михаилу Николаевичу об издании распоряжения, запрещающего самовольные археологические раскопки на казенных и общественных землях. Необходимость такого документа была обусловлена

---

²² См.: Пятнадцатое заседание, 10 августа вечером, по вопросам общим. Общее собрание съезда (под председательством Альфреда Рамбо) // Там же. С. XC–XCIII.

распространением в регионе кладоискательства и вывоза археологических находок за рубеж²³.

На заседаниях VI археологического съезда (Одесса, 1884). А. И. Свирелин* поставил вопрос о необходимости возложить обязанности практической охраны памятников старины на их владельцев (учреждения, ведомства, частных лиц), а также о разработке четкой инструкции для составления археологическими обществами реестров памятников всех форм собственности. Им было предложено создать уездные археологические советы из местных учителей под руководством члена одного из археологических обществ, призванных контролировать состояние памятников старины²⁴.

Климент Иванович Турчаковский* озвучил идею учреждения специализированного общества для сохранения древних памятников, по аналогии с подобными европейскими организациями, поддержанную участниками съезда²⁵.

После смерти А. С. Уварова 29 декабря 1884 г. руководство Московским археологическим обществом и организация всероссийских археологических съездов перешли к его вдове – П. С. Уваровой²⁶.

Большое значение для развития системы охраны культурного наследия и музейного дела имело выступление П. С. Уваровой «К вопросу о провинциальных музеях» на VII съезде (Ярославль, 1887)²⁷. Прежде всего П. С. Уварова предложила решить правовой

---

²³ См.: Общее собрание. 21 сентября, вечером // Тр. V-го археол. съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. ХСІ.

²⁴ См.: Отделение памятников искусств. Заседание 25 августа, 10 часов утра // Бюл. VI Археол. съезда в Одессе. Одесса, 1884. № 8. С. 13–14.

²⁵ См.: Отделение памятников искусств. Заседание 28 августа // Рефераты заседаний VI Археол. съезда в Одессе (из газеты «Новороссийский телеграф»). Одесса, 1884. № 10. С. 11–12.

²⁶ См.: *Анучин Д. Н.* Графиня П. С. Уварова и ее служение науке о древностях на посту председателя Императорского Московского археологического общества // Сб. ст. в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. XVI, XXI–XXII; *Фролов А. И.* Алексей и Прасковья Уваровы: хранители московской старины. М., 2003. С. 304–328.

²⁷ См.: *Уварова П. С.* Областные музеи // Тр. Седьмого археол. съезда в Ярославле. 1887. М., 1891. Т. 2. С. 259–328; *Дементьева Ю. М.* Материалы археологических съездов (1869–1914) как источник по истории музейного дела в России //

статус провинциальных музеев путем передачи их в собственность города, губернии или области. Таким образом, эти учреждения попадали в сферу государственного патронажа (§ 1). Проект исключал возможность отчуждения коллекций, включая их продажу или передачу другому ведомству (§ 4). Государство могло оказывать финансовую помощь музеям, успешно действовавшим более трех лет (§ 16). Местные власти должны были принимать меры против кладоискательства и разрушения памятников старины по обращениям музейных работников (§ 14)²⁸.

Другой аспект существования местных музеев, рассмотренный П. С. Уваровой, заключался в обеспечении контроля за научной и фондовой работой музеев со стороны археологических обществ. По ее мнению, эти организации должны осуществлять периодические проверки музейных коллекций, содействовать публикации каталогов собраний (§ 9). Представители археологических обществ должны входить в состав Совета музея – коллективного управляющего органа (§ 10). Охранная деятельность самих музеев должна заключаться в составлении региональных археологических карт (§ 12) и контроле раскопок частных лиц (включая выдачу разрешений и получение отчетов, § 13). П. С. Уварова предложила дать местным музеям право передавать ценные находки в центральные музейные собрания (§ 15)²⁹.

Большой интерес для изучения развития системы охраны памятников в России представляет предложенный И. Ф. Лихачевым* проект создания «Общества охраны национальных памятников»³⁰. Докладчик указал на необходимость срочно «оградить археологические памятники и произведения национального искусства от расхищения и уничтожения» вне зависимости от форм собствен-

---

Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 37–80 С. 75–78; *Серых Д. В.* Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. Казань, 2014. С. 122–126.

²⁸ См.: *Уварова П. С.* Областные музеи. С. 282–284.

²⁹ См.: Там же. С. 282–284.

³⁰ См.: *Лихачев И. Ф.* Об устройстве провинциальных музеев и основании Общества охраны национальных памятников // Тр. Седьмого археол. съезда в Ярославле. Т. 2. С. 337–356.

ности³¹. При этом И. Ф. Лихачев подчеркнул, что считает нецелесообразным создание специальной государственной службы охраны древностей. По его мнению, такая структура потребует существенных бюджетных расходов, но эффективность ее деятельности будет низкой из-за наличия большого числа памятников, рассредоточенных на огромных пространствах Российской империи. Кроме того, И. Ф. Лихачев высказал опасения, что подобное ведомство погрязнет в бюрократической волоките, а его сотрудники будут извлекать личную выгоду в большей степени, чем заботиться о сохранении историко-культурного достояния страны. Таким образом, роль правительства должна состоять в содействии созданию и поддержке общественной организации, занимающейся решением проблем охраны памятников старины и искусства³².

«Общество охраны национальных памятников» должно объединить тех, «кому дороги памятники нашей истории и народного духа»³³. Целью существования организации должна стать практическая охрана древностей, в отличие от историко-археологических обществ, ориентированных на изучение свидетельств прошлого³⁴.

На заседаниях VIII археологического съезда (Москва, 1890) особое внимание было уделено вопросам охраны памятников церковной старины и архивных материалов³⁵.

На открытии XVIII съезда П. С. Уварова указала на основные проблемы сохранения культурных ценностей, находящихся в церквях и монастырях. Руководитель Московского археологического общества сочла нужным отметить:

- 1) что бесконтрольное перемещение вещей из одного хранилища в другое часто приводит к утрате ценных предметов;
- 2) многие служители церкви пренебрежительно относятся к старинным артефактам, не понимая их значения для науки;

---

³¹ См.: *Лихачев И. Ф.* Об устройстве провинциальных музеев... С. 337–340.

³² См.: Там же. С. 340–341.

³³ Там же. С. 341.

³⁴ См.: Там же. С. 343.

³⁵ См.: *Бржостовская Н. В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869–1911 гг.) // АЕ-1971. М., 1972. С. 91–92.

3) отсутствие системы учета ценностей способствует нелегальной продаже вещей коллекционерам;

4) существующее законодательство не предусматривает эффективных мер сбережения недвижимых памятников, находящихся во владении церкви.

Кроме того, П. С. Уварова критически оценила действия руководства Святейшего синода, который, по ее мнению, не только не способствовал созданию эффективной системы охраны церковных древностей, но регулярно оказывал противодействие Московскому археологическому обществу в его деятельности по сохранению культовых памятников³⁶.

Предложения по изменению существующих условий, неблагоприятных для обеспечения сохранности церковных древностей, прозвучали в докладе Василия Тимофеевича Георгиевского*. Он указал на необходимость «возбуждения в обществе интереса к древностям посредством широкого распространения в нем археологических знаний»³⁷. По его мнению, просветительская работа в этой сфере могла быть связана с введением курса церковной археологии в программы духовных семинарий и созданием при них церковно-археологических музеев³⁸.

Проблемы сохранения историко-культурного наследия были затронуты на IX археологическом съезде (Вильно, 1893) при обсуждении вопросов об устройстве археолого-этнографических музеев, о реставрации средневековой фресковой живописи и предотвращении грабительских раскопок памятников Северного Причерноморья.

А. Д. Беляев* представил доклад о принципах устройства экспозиций и архитектурных решениях зданий музеев археолого-этнографического профиля. Он обратил внимание на необходимость сохранения целостности коллекций. По его мнению, крайне

---

³⁶ См.: [Уварова П. С.] Отчет о действиях Предварительного Комитета // Тр. восьмого археол. съезда в Москве. 1890. М., 1897. Т. 4. С. 40–41.

³⁷ См.: 15 января. 2 часа дня. 2-е общее собрание // Занятия восьмого археологического съезда. М., 1890. С. 63–65; 15 января. 2 часа дня. Общее заседание // Тр. восьмого археол. съезда в Москве. Т. 4. С. 81–84.

³⁸ См.: 15 января. 2 часа дня. 2-е общее собрание // Тр. восьмого археол. съезда в Москве. Т. 4. С. 63–65.

нежелательной является практика разделения археологических находок из одного комплекса между различными отделами внутри музея, разными хранилищами и тем более между учреждениями разных стран. В качестве примера он привел факт рассредоточения египетских древностей среди большого числа европейских собраний³⁹.

Э. Р. фон Штерн сообщил о бедственном положении античного городища Ольвия, подвергающегося систематическому разграблению⁴⁰. По мнению докладчика, основная проблема заключалась в том, что территория Ольвии, находящаяся в частной собственности, бесконтрольно эксплуатируется местными жителями для получения артефактов, которые сбываются коллекционерам и торговцам антиквариатом⁴¹.

Несмотря на то, что вопросы сохранения историко-культурного наследия не вошли в официальную программу X археологического съезда, их обсуждению было уделено существенное внимание, согласно сложившейся к тому времени традиции. Можно выделить три основных направления работы съезда по данной проблеме. Во-первых, рассматривалась деятельность Императорской археологической комиссии по осуществлению контроля реставрации архитектурных памятников, а также практики распределения по музеям случайных находок и археологических коллекций. Во-вторых, участники съезда обменивались опытом сохранения и организации использования памятников старины прежде всего на примере Прибалтийских губерний. В третьих, на съезде обсуждалась проблема выявления и распознавания подделок археологических находок античного времени⁴².

На заседаниях XI археологического съезда (Киев, 1899) был представлен проект Алексея Ивановича Маркевича* «О сохранении

---

³⁹ См.: 11 августа, утром. Отд. X. Памятники археографические // Тр. девятого археол. съезда в Вильне. 1893. М., 1897. Т. 2. С. 82–83.

⁴⁰ См.: 12 августа утром. Отд. VII. Древности классические и византийские // Там же. С. 96.

⁴¹ См.: 13 августа, вечером. Отд. IV: Памятники быта // Там же. С. 111–112.

⁴² См.: 15 августа, днем. Заключительное заседание съезда // Тр. десятого археол. съезда в Риге. 1896. М., 1900. Т. 3. С. 128–129.

старинных памятников». Ученый привел примеры неблагополучного состояния ряда памятников Северного Причерноморья и указал на основные препятствия в организации их охраны. Особенно он обратил внимание на плохое состояние Аккерманской крепости, крымских памятников Чабан-Куле, укреплений в Арабате, древностей горы Митридат в Керчи и др. По мнению Ал. И. Маркевича, успешному сохранению памятников старины мешает не только невежество населения, но, прежде всего, отсутствие заинтересованности и квалифицированных кадров тех учреждений, в ведении которых находятся объекты наследия. Решение проблемы Ал. И. Маркевич видел в передаче памятников под патронаж научно-археологических обществ. Докладчик обратил внимание на возможность финансирования охранных работ за счет организации хозяйственной эксплуатации памятников и прилегающих к ним территорий. В качестве примера он привел опыт Одесского общества истории и древностей по сохранению крепости в Судаке⁴³.

П. С. Уварова обратилась к проблеме подготовки квалифицированных археологов в российских университетах. Она представила обзор дискуссий по этой проблеме на предшествующих съездах и сформулировала два предложения: просить правительство открыть в университетах кафедры археологии и создать специальную комиссию для разработки учебных программ и пособий⁴⁴.

На XII археологическом съезде (Харьков, 1902) был рассмотрен вопрос о необходимости законодательного запрещения вывоза культурных ценностей за границу. Обсуждение было вызвано обращением к съезду библиографа и коллекционера В. Н. Рогожина*. Члены Совета этого съезда приняли решение направить в правительство ходатайство об издании соответствующего закона⁴⁵.

Активное обсуждение участников XIII археологического съезда (Екатеринослав, 1905) вызвали доклады о значении фотофиксации в практике сохранения архитектурных и археологических памятни-

---

⁴³ См.: 18 августа. 7½ часов вечера. Общее собрание // Тр. одиннадцатого археол. съезда в Киеве, 1899. М., 1902. Т. 2. С. 159–161.

⁴⁴ См.: Там же. С. 161–163.

⁴⁵ См.: 27 августа // Тр. двенадцатого археол. съезда в Харькове. М., 1905. Т. 3. С. 389.

ков. Егор Кузьмич Редин* отметил, что для археологии фотографии являются не просто иллюстративным материалом, а ценным источником информации. Однако в частных коллекциях эти документы остаются бесполезными для исследователей и подвергаются риску быть утраченными. Е. К. Редин предложил организовать централизованное хранение негативов фотоснимков памятников старины при Московском археологическом обществе, издание каталога этого собрания и продажу желающим отпечатков «за небольшую цену». Идея Е. К. Редина получила одобрение присутствующих, а П. С. Уварова пообещала обсудить возможность ее реализации с членами МАО⁴⁶.

В дни работы XIV археологического съезда (Чернигов, 1908) наибольшее внимание было уделено двум вопросам сохранения культурного наследия:

а) обсуждению предложений для правительственной комиссии, занимающейся подготовкой проекта закона об охране памятников старины;

б) дискуссии о разработке инструкции для проведения археологических раскопок.

Проект обращения в комиссию, созданную при Министерстве внутренних дел для подготовки проекта закона об охране памятников, с перечнем мер, необходимых для максимально эффективной организации охранной деятельности, был представлен Николаем Владимировичем Султановым*. Предметом обсуждения стали «Положения»⁴⁷, разработанные «Комиссией по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников»⁴⁸. Комиссия начала свою деятельность еще в 1904 г. и представила на обсуждение спе-

---

⁴⁶ См.: 19-го августа. 2 часа дня. Отд. III: Памятники искусств, нумизматики и сфрагистики // Тр. тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905. М., 1908. Т. 2. С. 222–223.

⁴⁷ См.: 5 августа. 7 часов. Заседание Ученого Комитета // Тр. четырнадцатого археол. съезда в Чернигове. 1908. М., 1911. Т. 3. С. 75–77.

⁴⁸ См.: Основные положения, выработанные Комиссией по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников и зданий в заседаниях 22 февраля, 7, 14 и 28 марта и 14 апреля 1905 г. // Материалы по вопросу о сохранении древних памятников... С. 45–49; Неразрешенные еще Комиссией вопросы, по которым желательно было бы выслушать мнение компетентных учреждений // Там же. С. 49–51.

циалистов «Основные положения» и «неразрешенные вопросы». Однако из-за сложной внутривластной обстановки работа была остановлена, ее возобновление произошло лишь в конце 1908 г.⁴⁹

Предложения, сформулированные на заседании Ученого комитета XIV археологического съезда, существенно дополняли положения, разработанные официальной комиссией. Прежде всего, более четко была выстроена структура органов охраны памятников. Так, предполагалось создать общеимперское «междуведомственное правительственное учреждение», в состав которого должны были войти представители Императорской археологической комиссии, Академии художеств, Святейшего синода, Министерства внутренних дел, археологических и исторических обществ. В официальном проекте речь шла о некоем центральном органе без каких-либо уточнений его состава⁵⁰.

Территорию страны предполагалось разделить на «археологические округа», а функции «окружного органа» поручить археологическим или историческим обществам⁵¹. Правительственный проект предусматривал создание 15 археологических округов, а назначение обществ на роль окружных учреждений предполагалось осуществлять с их согласия⁵².

На местах функции охраны памятников старины планировалось возложить на губернские ученые архивные комиссии или/и церковно-археологические общества/комитеты (существующие или созданные при необходимости), подчиненные окружным учреждениям⁵³. В официальном проекте этот вопрос не был решен, предполагалась передать функции охраны памятников либо ученым архивным комиссиям, либо создать новые губернские органы⁵⁴.

---

⁴⁹ См.: Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России... С. 117–119.

⁵⁰ См.: 5 августа. 7 часов. Заседание Ученого комитета. С. 76; Основные положения, выработанные Комиссией по пересмотру действующих постановлений // Материалы по вопросу о сохранении древних памятников... С. 46.

⁵¹ См.: 5 августа. 7 часов. Заседание Ученого комитета. С. 75.

⁵² См.: Основные положения, выработанные Комиссией... С. 46–49.

⁵³ См.: 5 августа. 7 часов. Заседание Ученого комитета. С. 75.

⁵⁴ См.: Основные положения, выработанные Комиссией... С. 49.

По проекту, рассмотренному на съезде, недвижимые объекты охраны подразделялись на три категории: «а) памятники государственного значения; б) памятники местного значения; в) памятники, не имеющие особой археологической ценности»⁵⁵. Правительственный документ предполагал выделение только двух категорий – наиболее ценные («предмет особой заботливости правительства») и «все остальные»⁵⁶.

Официальный вариант проекта содержал только общее описание функций органов охраны памятников старины всех уровней: учет, мониторинг состояния, экспертиза проектов реставрации, контроль осуществления ремонтно-реставрационных работ⁵⁷. Проект съезда сохранил неопределенность полномочий окружных и местных учреждений: «регистрация памятников», «попечение об их сохранении», «разрешение вопросов о ремонте и реставрации памятников второй категории и все необходимые сношения с центральным учреждением»⁵⁸.

Однако функции центрального органа были описаны подробно: «1) Заведывание и распределение сумм, отпускаемых казной; 2) Решение всех вопросов, касающихся реставрации древних памятников первой категории; 3) Высший контроль действий окружных учреждений по реставрации памятников вообще; 4) Решение вопросов о категории памятника и о переходе их из одной категории в другую; 5) Решение вопроса о принудительном отчуждении недвижимых памятников старины, находящихся в частном владении; 6) Разрешение сломки памятников в первых двух категориях; 7) Разрешение всякого рода спорных вопросов, могущих возникнуть между окружными обществами и местными учреждениями, и разрешение всякого рода археологических сомнений, могущих возникнуть в окружных обществах»⁵⁹.

---

⁵⁵ См.: 5 августа. 7 часов. Заседание Ученого комитета. С. 76.

⁵⁶ См.: Основные положения, выработанные Комиссией... С. 46.

⁵⁷ См.: Там же. С. 46.

⁵⁸ См.: 5 августа. 7 часов. Заседание Ученого комитета. С. 75–76.

⁵⁹ См.: Там же. С. 76.

Проект закона об охране памятников старины, рассмотренный на съезде, отличался от официального более серьезной проработкой вопроса материального обеспечения охранной деятельности. Финансирование органов надзора и необходимых работ на объектах государственного значения предполагалось осуществлять за счет ежегодного пособия из средств Министерства императорского двора в размере 60 тыс. руб. Содержание памятников местного значения должно было осуществляться городскими и земскими органами, а в случае их использования в практических целях – заинтересованными учреждениями⁶⁰. В министерском документе четко была зафиксирована обязанность пользователей выделять средства на поддержание памятников старины. В отношении других объектов предусматривалось финансирование со стороны органов охраны, но источник денег не был определен⁶¹.

Проект «Положения» об охране древностей, представленный XIV археологическим съездом, содержал предложения по трем важным проблемам, которые были обозначены в правительственном варианте как «неразрешенные еще Комиссией вопросы»:

- 1) возможность отчуждения в государственную собственность памятников, находящихся на частных землях;
- 2) запрет вывоза за границу культурных ценностей;
- 3) ответственность за повреждение и разрушение памятников старины⁶².

Первый вопрос предлагалось решить радикально – объекты на частных землях попадали в сферу государственной охраны, что влекло наложение на владельцев обязательств исполнения норм охранного законодательства, а правительство должно было получить право отчуждения недвижимых памятников в случае необходимости. Предполагалось запретить вывоз за рубеж отечественных древностей. Лиц, виновных в повреждении или уничтожении памятника старины, предлагалось наказывать наложением штрафа,

---

⁶⁰ См.: 5 августа. 7 часов. Заседание Ученого комитета. С. 75–76.

⁶¹ См.: Основные положения, выработанные Комиссией... С. 46–47.

⁶² См.: Неразрешенные еще Комиссией вопросы // Материалы по вопросу о сохранении древних памятников... С. 49–51.

лишением свободы и обязывать осуществлять за собственный счет ремонтно-реставрационные работы⁶³. Трактовка последнего положения почти совпадала с мерами, предусмотренными правительственным проектом⁶⁴.

Документ, рассмотренный съездом, содержал еще один пункт, отсутствовавший в официальном проекте: о введении преподавания археологии в университетах, духовных семинариях и об «усилении» этого курса в духовных академиях⁶⁵.

Ученый комитет XIV археологического съезда одобрил представленный проект, и на заключительном заседании съезда было оформлено решение направить его в Министерство внутренних дел⁶⁶.

Предметом активных дискуссий на заседаниях XIV археологического съезда стал вопрос о разработке новой инструкции по проведению археологических раскопок. А. В. Селиванов сформулировал конкретные предложения, направленные на улучшение названных аспектов археологических исследований:

1) вещи из погребений должны сохраняться как единый комплекс, для обеспечения целостности которого артефакты следует нашивать на отдельные планшеты («картоны»), с указанием номера погребения, при этом информация о находках должна быть продублирована в дневнике раскопок;

2) описание погребений и инвентаря из могил должно быть выполнено на специальной карточке;

3) археолог должен вести дневник раскопок с указанием точных мест находок предметов погребального инвентаря;

4) коллекции должны сохраняться как единый комплекс, а в случае изъятия из него вещей, их следует заменять фотографическими снимками⁶⁷.

---

⁶³ См.: 5 августа. 7 часов. Заседание Ученого комитета. С. 76–77.

⁶⁴ См.: Неразрешенные еще Комиссией вопросы. С. 51.

⁶⁵ См.: 5 августа. 7 часов. Заседание Ученого комитета. С. 77.

⁶⁶ См.: Закрытие съезда // Изв. XIV археол. съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 151.

⁶⁷ См.: 7 августа в 10 час. утра. I. Древности первобытные // Изв. XIV археол. съезда в г. Чернигове. С. 81–82.

Вопрос о профессиональной ответственности лиц, занимающихся археологическими работами, стал лейтмотивом выступления Э. Р. фон Штерна. По словам докладчика, раскапывая памятник, археолог, по сути, уничтожает его и, «за исключением немногих случаев, никто больше не в состоянии изучить эти остатки, проверить нашу работу», а «ошибки, которые допущены при раскопке, почти всегда неисправимы»⁶⁸. Ученый предложил выдавать открытые листы на право осуществления археологических исследований только лицам, имеющим опыт работ, полученный под руководством признанного специалиста⁶⁹. Он также обратил внимание на необходимость научного планирования археологических исследований, разумное соизмерение возможностей исследователя (финансовых, временных и др.) и масштабов памятника, что должно обеспечить качественное и полное исследование выбранного комплекса. При этом археолог должен максимально полно и точно осуществлять фиксацию выявленных конструкций (в том числе фотографирование), составлять планы и профили раскопов, производить учет и паспортизацию находок⁷⁰. Докладчик указал на необходимость исследователей отвечать за состояние памятника и после завершения раскопок. Наиболее эффективным способом обеспечения сохранности выявленных археологических объектов он считал их консервацию под слоем грунта⁷¹.

Участники заседания решили издать материалы выступлений А. В. Селиванова, Э. Р. фон Штерна, Д. Я. Самоквасова под общим названием «Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей»⁷². Составление новых правил раскопок⁷³ съезд поручил Д. Я. Самоквасову и В. А. Городцову*.

---

⁶⁸ 8 августа. 12 час. дня. Заседание комиссии для составления инструкции для лиц, предпринимающих раскопки // Тр. четырнадцатого археол. съезда в Чернигове. 1908. М., 1911. Т. 3. С. 97.

⁶⁹ См.: Там же.

⁷⁰ См.: Там же. С. 98.

⁷¹ См.: Там же. С. 99.

⁷² См.: Там же. С. 110.

⁷³ См.: Там же. С. 110–111.

Нужно отметить, что смерть Д. Я. Самоквасова не позволила ему завершить работу над инструкцией. «Руководство» В. А. Городцова МАО опубликовало в 1914 г. Книга содержит подробные рекомендации для археологов на 56 страницах, снабжена 52 иллюстрациями, поясняющими методы раскопок, оснащенности инструментов и т. д.⁷⁴

На XV археологическом съезде (Новгород, 1911) был поднят вопрос о совершенствовании законодательства в сфере сохранения историко-культурного наследия и об исполнении положений существующих нормативно-правовых актов. Леонид Яковлевич Апостолов* сделал доклад о раскопках городища Мажар, произведенных в 1907 г. председателем Ставропольской ученой архивной комиссии Г. Н. Прозрителевым*. В докладе была описана типичная для того времени ситуация: историк-краевед получил информацию о находках керамики и монет, сделанных при строительстве Батайско-Азовской железнодорожной линии. Оказалось, что сооружения будущего вокзального комплекса в г. Азове возводятся «внутри древнего городища», а земляные работы сопровождаются находками огромного количества фрагментов древней керамики. Г. Н. Прозрителев узнал от рабочих, что здесь встречались целые сосуды, а ценные вещи скупил подрядчик. Исследователь поставил вопрос о необходимости привлечения к ответственности руководителей дорожных строительных работ за «уничтожение невежественными работниками и разграбление ценных в научном отношении остатков прошлого»⁷⁵.

Докладчик предложил ходатайствовать от имени XV съезда о внесении в существующие законы ряда дополнений, призванных исключить подобные случаи: «1) чтобы никто не мог производить раскопки без разрешения Археологической Комиссии даже на собственных землях и участках; 2) чтобы лица, имеющие археологический интерес, обязаны были сообщать Археологической Комиссии о начале земляных работ и принятых мерах к сохранению

---

⁷⁴ *Городцов В. А.* Руководство для археологических раскопок. М., 1914.

⁷⁵ 27 июля 3 часа дня, параллельное заседание. Отд. I. Древности первобытные // Тр. пятнадцатого археол. съезда в Новгороде. 1911. М., 1914. Т. 1. С. 108–110.

найденных при работах предметов; 3) чтобы все клады и предметы, имеющие археологическое значение, были признаны государственным достоянием...; 4) чтобы лица, уничтожившие или продавшие археологические предметы без разрешения археологических обществ, подвергались ответственности»⁷⁶. Однако какого-либо решения по данному вопросу XV съезд не принял.

XVI археологический съезд должен был состояться в Пскове с 22 июля по 6 августа 1914 г.⁷⁷ Однако из-за начала Первой мировой войны он был отменен⁷⁸.

---

⁷⁶ 27 июля 3 часа дня, параллельное заседание... С. 111.

⁷⁷ См.: Протокол первого заседания Предварительного комитета по устройству в 1914 г. Археологического съезда // Правила Шестнадцатого археол. съезда в Пскове в 1914 г. и протоколы заседаний Предварительного Комитета 2–6 января 1912 г. М., 1912. С. 21.

⁷⁸ *Серых Д. В.* Всероссийские археологические съезды... С. 128.

Глава 6

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ
В ПЕРИОД ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
конца XVIII – начала XX в.**

Присоединив Крым в 1783 г., Россия получила не только важные порты на Черном море, но и архитектурные и археологические памятники полуострова. Состояние значительной части этих объектов культурного наследия было плохим. Две русско-турецкие войны, непосредственно затронувшие Крым, упадок экономики региона, переселение с полуострова христианского и мусульманского населения способствовали разрушению многих древних сооружений¹.

Так, в результате похода русской армии под командованием Б. К. Миниха* в 1736 г. (русско-турецкая война 1735–1739 гг.) серьезно пострадал Бахчисарай, в том числе постройки ханского дворца (заложен в 1519 г.). Судя по всему, в середине XVIII в. дворцовый комплекс был частично восстановлен ханом Керим-Гиреем* (1758–1764, 1768–1769). Последний крымский хан Шагин-Гирей* (1777–1783), покидая Бахчисарай, вывез всю обстановку и ценные вещи². В годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг. большой урон был нанесен памятникам Кафы, впоследствии переименованной в Феодосию. При взятии города русскими войсками город был razoren, многие постройки пострадали³.

Существенное влияние на состояние памятников христианской архитектуры и археологических древностей оказало массовое переселение христианского населения Крыма, организованное россий-

---

¹ См.: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2001. С. 100.

² См.: *Маркевич Ар. И.* К истории ханского Бахчисарайского дворца // ИТУАК. 1895. № 23. С. 132–136.

³ См.: *Лагорио Ф.* Четыре эпохи в жизни города Феодосии // ЗООИД. 1889. Т. 15. С. 433.

ским правительством в 1778 г. Согласно официальным данным более 31 тыс. человек покинули полуостров, что привело к упадку многих населенных пунктов, закрытию и разрушению культовых построек⁴.

Античные и средневековые древности Крыма рано привлекли внимание как предметы антиквариата. В 1770 г. командующий 2-й армией князь В. М. Долгоруков вывез из Кафы средневековый барельеф с латинской надписью и плиту с греческим текстом для украшения своего имения. Аналогичным образом поступил в 1772 г. З. Г. Чернышев, по распоряжению которого из города были отправлены в его поместье в Московской губернии 73 изделия из камня общим весом около 6,5 т.⁵ В конце XVIII в. пять плит с латинскими надписями и генуэзскими гербами XIV–XV вв. из Кафы находились в парке Павловска⁶. Английский путешественник Э. Кларк, посетивший Крым в 1800–1801 гг., сообщил, что в Партените среди развалин «древнего монастыря» были найдены четыре мраморные колонны. По приказу Г. А. Потемкина две из них были отправлены в Херсон для украшения церкви (судьба их неизвестна)⁷.

Серьезнейшей угрозой архитектурно-археологическим памятникам Крыма стала практика использования остатков древних сооружений как источника строительных материалов для возведения гражданских и военных построек. В Судак камень средневековых зданий пошел на строительство казарм для гарнизона, размещенного на территории крепости⁸. При строительстве Севастополя, основанного в 1784 г., широко применялись строительные материалы из руин Херсонеса. Судя по всему, вывоз камня осуществлялся

---

⁴ См.: Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 2002. С. 206–207; Тур В. Г. Православные монастыри Крыма. Киев, 2006. С. 74–75.

⁵ См.: Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 58–59.

⁶ См.: Юргевич В. Н. Новые надписи генуэзские // ЗООИД. 1868. Т. 7. С. 274–282.

⁷ См.: Clarke E. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first: Russia, Tahtary and Turkey. London, 1816. Vol. 2. P. 259.

⁸ См.: Паллас П. С. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг. // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 197.

в таких масштабах, что к концу XVIII в. большая часть остатков зданий, сохранившихся на поверхности, была уничтожена⁹.

Существенный урон объектам культурного наследия Центральной России был нанесен в период Отечественной войны 1812 г. Самые известные факты уничтожения древних построек, расхищения и уничтожения культурных ценностей относятся ко времени пребывания французской армии в Москве. Однако пострадали памятники истории и культуры и в других местах. Так, при взятии французами Смоленска в городе начался пожар, повредивший и уничтоживший многие постройки¹⁰. Н. Н. Мурзакевич вспоминал о разграблении архиерейской ризницы в церкви Иоанна Предтечи (XVII–XVIII в.). Караул, поставленный у дверей храма, остановил мародеров, но вернуть украденное не удалось¹¹. Осенью 1812 г. польские солдаты армии Наполеона похитили церковную утварь Одигитриевской церкви, а французские артиллеристы попытались снять колокола этого храма¹².

В Москве, экстренно покинутой русской армией и жителями, остались богатые библиотеки и частные коллекции произведений искусства, древние реликвии в церквях и монастырях. Многие из этих культурных ценностей, а также архитектурные памятники погибли в знаменитом московском пожаре, стали трофеями наполеоновской армии или добычей русских мародеров.

Одной из наиболее существенных потерь для отечественной культуры стала гибель собрания книг и рукописей Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, включавшая бесценный подлинник «Слова о полку Игореве»¹³.

По распоряжению Наполеона было организовано изъятие культурных ценностей, хранившихся в храмах и дворцах Москвы.

---

⁹ См., напр.: *Паллас П. С.* Путешествие по Крыму академика Палласа... С. 93; *Сумароков П. И.* Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Ч. 1. С. 203–204; *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России... С. 500–501.

¹⁰ См.: *Мурзакевич Н. Н.* Автобиография. СПб., 1887. С. 19–21.

¹¹ См.: Там же. С. 22.

¹² См.: Там же. С. 25.

¹³ См., напр.: *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 361–364.

В число трофеев, предназначавшихся для отправки во Францию, вошли: «Знамена, взятые русскими у турок в ходе разных войн, и другие многочисленные вещи, бывшие в Кремле... Мадонна, украшенная бриллиантами»¹⁴. С колокольни Ивана Великого французы попытались снять крест, покрытый позолоченными медными пластинами. Однако в процессе демонтажа массивная конструкция упала на землю, получив существенные повреждения¹⁵.

В конце сентября 1812 г. Наполеон решил усилить оборонительные сооружения Кремля, что предполагало, среди других мер, создание проломов во внутренних стенах для обеспечения возможности быстрого перемещения войск, а также снос зданий, примыкающих к крепости. В частности, предполагалось уничтожить Покровский (Василия Блаженного) собор на Красной площади. К счастью, этот план не был реализован¹⁶.

По свидетельству очевидца, солдаты гвардейских полков, расквартированные в кремлевских дворцах, внутри помещений разводили костры для приготовления пищи прямо на паркетных полах. Расхищению подвергся архив Вотчинного департамента – разорванные дела гвардейцы использовали вместо подстилок¹⁷. Француз Фантен дез Одоард зафиксировал в дневнике характерные черты быта офицеров в оккупированном городе: «Благодаря грабежу мы обеспечены мебелировкой. Наши кровати сооружены из подушек канапе, облачений попа и покровов с алтаря»¹⁸.

Во второй половине октября 1812 г. Наполеон принял решение о выводе войск из Москвы. Император выехал из разоренного и горящего города 19 октября (н. ст.), приказав организовать уничтожение Кремля и ряда других зданий. На следующий день маршал Э. Мортье* распорядился подготовить серию взрывов, которые должны были полностью разрушить памятники архитектуры древней

---

¹⁴ 23-й бюллетень Великой армии от 9 октября 1812 г., цит. по: *Земцов В. Н.* Крест колокольни Ивана Великого: двести лет двух национальных мифов // Урал. ист. вестн. 2012. № 1 (34). С. 30.

¹⁵ См.: Там же. С. 29–30.

¹⁶ См.: *Земцов В. Н.* Наполеон в Москве. М., 2014. С. 150–152.

¹⁷ См.: Там же. С. 139–140.

¹⁸ Цит. по: Там же. С. 141.

столицы Российского государства¹⁹. Подрыв пороховых мин был осуществлен 23 октября (н. ст.) 1812 г. Наибольшие разрушения получили 8 башен, примыкающие к ним участки стен, здание Арсенала. В груды руин превратились пристройки к колокольне Ивана Великого, но сама она устояла. Отступавшие французы подожгли Большой Кремлевский дворец и Грановитую палату²⁰.

А. Х. Бенкендорф*, командовавший одним из первых отрядов русской армии, вступивших в Москву, так описал свои впечатления: «Развалины и пепел загромождали все улицы; одни только разграбленные и совершенно почерневшие от дыма церкви служили начальными ориентирами среди этого необъятного опустошения... Вместе с одним офицером я вступил в собор [Успенский], который видел только во время коронации Императора блистающим роскошью... Я был охвачен ужасом, найдя теперь этот почитаемый храм, который пощадило даже пламя, перевернутым вверх дном безбожием разнузданной солдатни»²¹.

Нужно отметить, что общая оценка ущерба культурному наследию России, нанесенного войной 1812 г., не была сделана. Однако до настоящего времени кладоискатели продолжают поиски ценностей, награбленных Великой армией²².

В середине XIX в. война вновь затронула территорию Российской империи. Подготовка сил союзников (Турции, Англии, Франции, Сардинии) к десантной операции в Крыму началась весной 1854 г., 1 сентября 1854 г. англо-французские войска высадились в районе Евпатории²³. С этого времени и до подписания Парижского мирного договора 18 марта 1856 г. Крымский полуостров стал одним из основных театров военных действий.

Приближение к крымским берегам неприятеля заставило принять меры для эвакуации культурных ценностей из столицы края

---

¹⁹ См.: *Земцов В. Н.* Наполеон в Москве. С. 299–300.

²⁰ См.: Там же. С. 309–312.

²¹ *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания, 1802–1837. М., 2012. С. 201.

²² См.: *Земцов В. Н.* Крест колокольни Ивана Великого. С. 26–27.

²³ См.: *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1900. Т. 1. С. 188–189.

и приморских городов. Так, в сентябре 1854 г. начали вывозить архивы государственных учреждений из Симферополя, Ялты, Карасубазара, Феодосии. Однако не всегда перемещение документов осуществлялось своевременно и успешно. В частности, перевозка дел из Евпатории была организована так, что часть архивов осталась в городе, а другая погибла во время эвакуации. Архивы севастопольских учреждений были вывезены только в августе 1855 г., при этом часть ценных собраний осталась в городе, что привело к их утрате²⁴.

Хранитель Керченского музея древностей А. Е. Люценко* в апреле 1854 г. отправил из Керчи в Бердянск 7 ящиков наиболее ценных экспонатов (античные изделия из золота, часть библиотеки и архива). Позже эти материалы перевезли в немецкую колонию Брунау. Другая часть коллекций была вывезена в Екатеринослав, где вещи пострадали при пожаре²⁵. По некоторым сведениям, какие-то золотые предметы поступили в Императорский Эрмитаж²⁶. В августе 1854 г. хранитель Феодосийского музея древностей Е. Ф. де Вильнев* отправил из города несколько ящиков с монетами и керамическими изделиями, а также эпитафические памятники и барельефы в имение майора Ковако в четырех верстах (около 4,3 км) от Феодосии²⁷.

Первым крымским городом, захваченным войсками антиросийской коалиции, была Евпатория. Высадка десанта 1–2 сентября 1854 г. не сопровождалась военными действиями, что позволило избежать разрушений исторических зданий²⁸. Судя по всему, город в большей степени пострадал при неудачной попытке русских войск под командованием генерала С. А. Хрулева* взять его штур-

---

²⁴ См.: *Маркевич Ар. И.* Таврическая губерния во время Крымской войны // ИТУАК. 1905. № 37. С. 10–26, 34–38.

²⁵ См.: *Тункина И. В.* Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы Феодосийского музея древностей, 1771–1871 гг. Киев, 2011. С. 165.

²⁶ См.: *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889. Вып. 1. С. 105; *Зенкевич Х. Х.* Керчь в прошлом и настоящем : Ист.-археол. и геогр. очерк. Керчь, 1894. С. 45.

²⁷ См.: *Тункина И. В.* Открытие Феодосии. С. 165.

²⁸ См.: *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны... Т. 1. С. 188–195.

мом 5 февраля 1855 г. В частности, в зону обстрела русской артиллерии попали караимские кенаса, построенные в начале XIX в. В память об этом в северо-западную стену Соборной кенаса была вмонтирована памятная доска с муляжом пушечного ядра и надписью «Суббота, 5 февраля 1855 г. Ядро российск<ого> орудия»²⁹.

В период оккупации существенный ущерб был нанесен единственному в то время православному храму Евпатории – соборной церкви св. Николая Чудотворца, построенной в 1805 г. Зданию потребовался ремонт, выполненный в 1856 г.³⁰ По сведениям архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (И. А. Борисова), церковь лишилась «колокольни (колокола наполовину разбиты, но все налицо), большей части иконостаса, ограды, книг церковных и архива»³¹.

Во время Крымской войны более других пострадали объекты историко-культурного наследия Севастополя и его окрестностей, так как здесь разворачивались основные военные действия. При высадке английских войск были повреждены руины средневековой крепости Чембало в Балаклаве. 14 сентября 1854 г. развалины заняли солдаты Балаклавского греческого батальона под командованием полковника М. А. Манто, оказавшие сопротивление англичанам. В ответ противник открыл стрельбу из пушек по крепости и городу. Позже англичане модернизировали средневековую дорогу в районе крепости³². Кроме того, остатки крепостных построек союзники использовали как источник камня для балласта коммерческих судов³³.

В мае 1855 г. в Балаклаве высадились войска Сардинии. Памятники Чембало привлекли внимание командующего Сардинским

---

²⁹ *Кутайсова М. В.* Караимские кенаса в Евпатории // Историческое наследие Крыма. 2008. № 22–23. С. 459.

³⁰ См.: *Гермоген*. Таврическая епархия. Псков, 1887. С. 364.

³¹ Цит. по: *Кутайсова М. В., Кутайсов В. А.* Православные храмы Евпатории // Историческое наследие Крыма. 2008. № 22–23. С. 430.

³² См.: *Шавшин В. Г.* Английская армия в осаде Севастополя // Достойный поклонения. Восточная (Крымская) война 1853–1856 годов: Первая героическая оборона Севастополя. Севастополь, 2005. С. 108–110.

³³ См.: *Russell W. H.* The war from the death of lord Raglan to the evacuation of the Crimea. L., 1856. P. 394.

экспедиционным корпусом генерала А. Ла Мармора*. По его распоряжению из крепости в Геную были отправлены несколько мраморных плит³⁴. Плиты с надписями консулов Варнаво Грилло (1463), Де Оливо (1467), с латинской надписью, с изображениями гербов были помещены в генуэзском Палацио Цивико³⁵.

В зоне оккупации (с 19 сентября 1854 г. по 21 марта 1856 г.) оказался Балаклавский Георгиевский монастырь – один из старейших в Крыму³⁶. Необходимо отметить, что какого-либо ущерба постройкам или имуществу обители захватчики не нанесли. Более того, по распоряжению главнокомандующего французскими войсками в Крыму маршала А. Ж. Л. Сент-Арно* монастырь был взят под охрану³⁷.

Осенью 1855 г. в руки полковника 39-го полка У. Монро*, известного специалиста-ботаника и антиквара, попала античная монета, найденная солдатом на месте бывшего лагеря французской кавалерии около Балаклавы. У. Монро заинтересовали остатки сооружения, частично разобранные солдатами для сооружения кухни. С согласия командования полковник провел на этом месте раскопки, привлекая к работам ежедневно 50 человек. Им были выявлены остатки круглой в плане постройки, монеты, керамика, мраморные надгробия. У. Монро интерпретировал комплекс как древнегреческий храм, однако, еще Д. Макферсон* определил памятник как руины усадьбы хоры Херсонеса. Артефакты, полученные при раскопках, были отправлены в Англию³⁸. Вероятно, основная часть коллекции, включающая фрагменты керамических

---

³⁴ См.: *Матвеев В. Д.* Сардинский экспедиционный корпус // Достоянный поколения... С. 141.

³⁵ См.: *Юргевич В. Н.* Две генуэзские надписи из Балаклавы // ЗООИД. 1879. Т. 11. С. 319–320.

³⁶ См.: *Крестьянников В. В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. // Севастополь: взгляд в прошлое. Севастополь, 2006. С. 20–21.

³⁷ См.: *Шавшин В. Г.* Балаклавский Георгиевский монастырь. Симферополь, 1997. С. 69–70.

³⁸ См.: *Russell W. H.* The war from the death of lord Raglan to the evacuation of the Crimea. P. 394–395; *McPherson D.* Antiquities of Kertch and researches in the Cimmerian Bosphorus. L., 1857. P. 44–47.

и стеклянных сосудов, изделия из металла, кости и камня, черепицы с клеймами, поступила в фонды Британского музея. Судьба нумизматических материалов неизвестна. По мнению А. Ю. Аржанова, раскопки были проведены на высоком научном уровне³⁹. Однако по сути их нужно рассматривать как грабительские.

Во время военных действий в районе Инкермана (сражение 24 октября 1854 г.) в зоне артиллерийского огня оказались руины крепости Каламита и комплекс средневекового пещерного монастыря⁴⁰. В 1852 г. здесь начала функционировать кинофия св. Климента⁴¹. Путеводитель по Крыму 1871 г. сообщает о повреждении одной из пещерных церквей: «В церкви сделаны новый иконостас, алтарь и дверь, но она все же имеет свой древний пещерный вид. Дверь и иконостас во время войны были пробиты пулями, и в одной стене засело ядро»⁴². Скорее всего, целенаправленный обстрел памятников не производился, так как они не были непосредственно связаны с расположением войск. Это пример того, как объекты культурного наследия становятся «случайной» жертвой военных действий.

Херсонесское городище оказалось в зоне размещения французской армии. Здесь были разрушены строения кинофии св. Владимира, созданной в 1852 г.⁴³ При этом, вероятно, были расхищены или уничтожены археологические находки из раскопок иеромонаха о. Василия (Юдина) 1852–1853 гг. и некоторые вещи, полученные в результате исследований 1853 г. А. С. Уварова, хранившиеся в монастыре⁴⁴. Не исключено, что французы производили какие-то

---

³⁹ См.: *Аржанов А. Ю.* Раскопки полковника Монро на Гераклеяском полуострове во время Крымской войны 1854–56 годов // *Древности*. Харьков, 2012. Вып. 11. С. 257–261.

⁴⁰ См.: *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны... Т. 2. С. 193–236.

⁴¹ См.: *Тур В. Г.* Православные монастыри Крыма. Киев, 2006. С. 134–137.

⁴² *Сосногорова М. А.* Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса, 1871. С. 238.

⁴³ См.: *Калиновский В. В.* «Древностей и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: Церковное крымоведение (1837–1920) / под ред. и с вступ. ст. А. А. Непомнящего. Киев ; Симферополь, 2012 (Сер. Библиография крымоведения ; вып. 18). С. 96.

⁴⁴ См.: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России... С. 526–529.

археологические работы. Однако, в отличие от англичан, они были менее масштабными. Значительно больший ущерб памятнику был нанесен при строительстве на его территории укреплений⁴⁵. Несколько траншей были проложены от берега Карантинной бухты до руин базилики, изученной А. С. Уваровым («Уваровской») и далее в восточном направлении до построенной французами батареи⁴⁶. Скорее всего, строительный материал для нее добывался на городище.

В Севастополе разрушения были вызваны обстрелами вражеской артиллерией в период осады 12 сентября 1854 г. – 27 августа 1855 г. При отступлении русских войск командование приняло решение об уничтожении не только военных объектов, но и сооружений в центральной части города. Сигналом к началу пожара, уничтожившего оставшиеся строения (27–30 августа 1855 г.), стал поджог здания Морской библиотеки⁴⁷. В ночь с 27 на 28 августа 1855 г. пароход «Владимир» вывез часть собрания Морской библиотеки (по сведениям Н. В. Берга – около 12 тыс. томов периодических изданий, основной книжный фонд был эвакуирован ранее), оставшаяся в период осады в городе⁴⁸. Однако были утрачены архивы севастопольского военного губернатора, городского магистрата и военного госпиталя⁴⁹. Возобновить деятельность библиотеки в Севастополе удалось только в 1890 г.⁵⁰ Практически все культовые здания города оказались поврежденными или полностью разрушенными⁵¹.

---

⁴⁵ См.: *Бобринский А. А.* Херсонес Таврический. С. 177; *Кулаковский Ю. А.* Проплое Тавриды. С. 216.

⁴⁶ См.: *Крестьянников В. В.* Возрождение Севастопольского благочиния и монастырей после Крымской войны // *Sacrum et Profanum: Культ святых мест в древних и современных религиях.* Севастополь, 2005. Вып. 1. С. 69.

⁴⁷ См.: *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны... Т. 3. С. 432–434.

⁴⁸ См.: *Берг Н. В.* Записки об осаде Севастополя. М., 1858. Т. 1. С. 98; *Ляшук П. М.* Эскадра Черноморского флота в обороне города // *Достойный полкления...* С. 83.

⁴⁹ См.: *Маркевич Ар. И.* Таврическая губерния во время Крымской войны. С. 37.

⁵⁰ См.: *Ковалева О. Ф., Чистов В. П.* Очерки истории культуры Южного Прибужья (от истоков до начала XX века). Николаев, 2000. Кн.1. С. 197–201.

⁵¹ См.: *Крестьянников В. В.* Возрождение Севастопольского благочиния... С. 69.

Кроме Севастополя, огромный ущерб был нанесен объектам культурного наследия Керчи, занятой войсками союзников 12 мая 1855 г.⁵² Архивы учреждений города погибли при попытке эвакуации 12 мая. Часть документов находилась на барже, которую буксировал пароход «Аргонавт», но был вынужден бросить ее после артиллерийского обстрела с кораблей неприятеля. Другие архивные материалы оказались уничтоженными вместе с пароходом «Бердянск», севшим на мель при выходе из гавани⁵³. При занятии Керчи союзниками город подвергся разграблению⁵⁴. В руки мародеров попали предметы из коллекции Керченского музея древностей. По словам очевидцев, пол музейного зала был на несколько дюймов покрыт осколками стеклянных и керамических сосудов, погребальных урн и статуй, витрины оказались взломанными и разбитыми, полки для экспонатов сорваны и сожжены, многие вещи бесследно исчезли⁵⁵. Примечательно, что после того, как этот факт получил огласку в европейской печати, англичане попытались возложить ответственность за грабежи исключительно на турецких солдат⁵⁶. Однако, согласно данным русских источников, британские солдаты и офицеры приняли активное участие в грабежах⁵⁷.

Англичане воспользовались оккупацией Керчи, построенной на месте античного Пантикапея, для проведения, по сути, грабительских археологических раскопок. Инициатором их проведения стал английский скульптор Р. Вестмакотт*. По распоряжению военного министра лорда Ф. Панмюра* была организована специальная комиссия для организации раскопок и отбора сохранившихся экспонатов Керченского музея с целью пополнения античными древностями собрания Британского музея. В состав комиссии вошли

---

⁵² См.: *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны... Т. 3. С. 169–177.

⁵³ См.: *Маркевич Ар. И.* Таврическая губерния во время Крымской войны. С. 35.

⁵⁴ См.: *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны... Т. 3. С. 178.

⁵⁵ *McPherson D.* Antiquities of Kertch... P. 41; *Сосногорова М. А.* Путеводитель по Крыму... С. 335–337; *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России... С. 305.

⁵⁶ См.: *McPherson D.* Antiquities of Kertch... P. 42.

⁵⁷ См.: *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны... Т. 3. С. 179.

Р. Вестмакотт (Ш, младший), Д. Макферсон* и майор Крис. Под руководством Д. Макферсона были проведены раскопки нескольких курганов в окрестностях Керчи (в том числе курганной группы «Пять братьев»), а также в районе горы Митридат в самом городе. Работы продолжались с мая 1855 г. до июля 1856 г. и были прекращены только по требованию русских властей после заключения Парижского мира. Д. Макферсону удалось получить ценную коллекцию артефактов (ювелирные изделия, украшения из бронзы, вазы, терракоты, стеклянные сосуды, монеты, бронзовую гидрию хорошей сохранности и др.), так как он копал ранее не изученные памятники. В частности, в одном из курганов он обнаружил женское погребение с золотым инвентарем (женский бюст, витые серьги, браслеты). Полученные при раскопках вещи, антропологический материал и 47 крупных изделий из мрамора (скульптуры, барельефы, архитектурные детали) были отправлены в Лондон⁵⁸.

Нужно отметить, что здание Керченского музея древностей серьезно пострадало во время оккупации. После возвращения эвакуированного музейного имущества в Керчь его разместили в наемных помещениях. В 1860 г. бывшее музейное здание передали церкви. Только в 1925 г. постройка вернулась в распоряжение музея (разрушено в годы Великой Отечественной войны, снесено в 1959 г.)⁵⁹.

В зоне военных действий во время Крымской войны оказалась не только территория Причерноморья. В 1854–1855 гг. английская эскадра вторглась в акваторию Белого моря. В феврале 1854 г. российские власти приняли решение организовать эвакуацию культурных ценностей Соловецкого монастыря (основан в XV в.). Архимандрит обители о. Александр получил указ Святейшего синода, предписывавший подготовить к вывозу в безопасное место культовые предметы, а также собрание рукописей и старопечатных книг. Документ содержал требования к обеспечению сохранности ценного имущества. Настоятелю надлежало отобрать самые ценные вещи, составить их опись, обеспечить надежную упаковку и в сопровождении доверенных служителей монастыря вывезти на материк.

---

⁵⁸ См.: *McPherson D. Antiquities of Kertch...* P. 44–97.

⁵⁹ См.: Тункина И. В. *Открытие Феодосии...* С. 167.

В мае 1854 г. 26 ящиков и 4 бочки с драгоценностями, 16 ящиков с манускриптами и книгами были доставлены в Антониев Сийский монастырь (основан в XVI в., расположен в 160 км от Архангельска). Книжная коллекция в Соловецкий монастырь не была возвращена, в 1855 г. по решению Синода она поступила в Казанскую духовную академию. Сама Соловецкая обитель 6–7 июля 1854 г. подверглась обстрелу корабельной артиллерией судов английской эскадры, повредившему некоторые постройки⁶⁰.

Таким образом, Крымская война нанесла ощутимый ущерб историко-культурному наследию России. В ходе военных действий были разрушены или повреждены учреждения культуры (библиотеки, музеи), погибли ценные архивные собрания, утрачены археологические коллекции. Многие археологические и архитектурно-археологические памятники были повреждены в результате артиллерийских обстрелов и строительства военных объектов. В период оккупации Севастополя и Керчи союзники проводили грабительские археологические раскопки, вывозили культурные ценности для пополнения своих музеев. Обращаясь к историческому опыту военных конфликтов, можно утверждать, что ни международные соглашения, ни уровень культурного развития воюющих сторон, не способны обеспечить сохранение культурного наследия в ходе военных действий.

Первые попытки законодательно защитить объекты историко-культурного наследия в условиях военных действий были приняты во второй половине XIX в. Отдельные правила, направленные на сохранение памятников культуры, содержались в Брюссельской декларации, принятой на конференции, созванной по инициативе России в 1874 г. На этой конференции был принят проект международной декларации относительно законов и обычаев войны. В ст. 28 данной декларации предусматривалось, что «всякий захват, а также умышленное разрушение или повреждение подобных учреждений (имелись в виду, в частности, учебные, научные

---

⁶⁰ См.: Мельникова Л. В. Оборона Соловецкого монастыря в годы Крымской войны: военный и религиозный аспекты // Рос. история. 2010. № 5. С. 167–168, 170–173.

и художественные учреждения), памятников, художественных и научных произведений преследуются подлежащею властью». Здесь впервые в международно-правовой практике предусматривалась возможность какой-то ответственности за причинение вреда культурным ценностям. Хотя декларация и не была ратифицирована, ее принятие сыграло определенную роль в выработке международных норм о законах и обычаях войны.

В 1899 г. состоялась так называемая Первая Гаагская конференция мира, созданная также по инициативе России. Из разработанных на ней документов особое значение имеет Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (II конвенция), которая была подписана 24 государствами⁶¹.

Важным шагом в этом направлении стало принятие «Положения о законах и обычаях сухопутной войны» в ходе работы Второй Гаагской конференции в 1907 г. Ст. 27 и 56 предусматривали обязанность воюющих сторон принимать меры против необоснованного уничтожения исторических памятников, учреждений культуры, науки, культовых зданий⁶². Первое международное соглашение универсального характера, предусматривающее охрану движимого культурного наследия в случае войны, было заключено только в 1954 г. по инициативе ЮНЕСКО («Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта»)⁶³.

---

⁶¹ См.: *Богуславский М. М.* Международная охрана культурных ценностей. М., 1979. С. 84.

⁶² См.: *Он же.* Судьба культурных ценностей. М., 2006. С. 67–70.

⁶³ См.: *Roberts B. O.* War emergencies: coordination and preparedness do pay off – an international perspective // *Museum management and curatorship.* 1997. Vol. 16, № 2. P. 160–163.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Учебники и учебные пособия

Полякова М. А. Охрана культурного наследия России : учеб. пособие для вузов / М. А. Полякова. – М. : Дрофа, 2005. – 271 с.

Полякова М. А. Культурное наследие России: История охраны и современное состояние : учеб. пособие / М. А. Полякова. – М. : РГГУ, 2015. – 388 с.

Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX–XX веках. История проблемы : учеб. пособие. – М. : Акад. проект ; Альма Матер, 2008. – 604 с.

Шаманаев А. В. Охрана культурного наследия в России (XVIII – конец XX в.) : учеб. пособие / А. В. Шаманаев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 92 с.

Источники

Анучин Д. Н. К вопросу о составлении легенды для археологической карты России (по доисторической археологии) / Д. Н. Анучин. – М. : Синодальная тип., 1884. – 8 с.

Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / авт.-сост. Э. А. Шулепова и др.; отв. ред. Э. А. Шулепова. – М. : Этерна, 2010. – 957 с.

Тизенгаузен В. Г. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных / В. Г. Тизенгаузен // ЗООИД. – Одесса, 1872. – Т. 8. – С. 362–403.

Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX в. : сб. документов. – М. : Отечество, 1997. – 395 с.

Обязательная литература

Веселовский Н. И. История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846–1896 / Н. И. Веселовский. – СПб. : Тип. Глав. управления уделов, 1900. – 514 с.

Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917) : К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны

культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. – 1191 с.

Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. – М. : Синодальная тип., 1890. – 308 с.

Медведева М. В. Из истории Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины / М. В. Медведева // Археол. вести. – 2007. – Вып. 14. – С. 259–267.

Мусин А. Е. Церковная старина в современной России / А. Е. Мусин. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2010. – 456 с.

Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : СГТ, 2006. – 324 с. – (Биобиблиография крымоведения ; вып. 7).

Писарькова Л. Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности / Л. Ф. Писарькова // АЕ-1989. – М. : Наука, 1990. – С. 187–198.

Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России (XVIII – пер. пол. XIX в. / А. М. Разгон // Очерки истории музейного дела в СССР. – М. : Совет. Россия, 1971. – С. 292–365.

Серых Д. В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. / Д. В. Серых. – Казань : Отечество, 2014. – 188 с.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина. – СПб. : Наука, 2002. – 676 с.

Формозов А. А. Страницы истории русской археологии / А. А. Формозов. – М. : Наука, 1986. – 240 с.

Д о п о л н и т е л ь н а я л и т е р а т у р а

Автократова М. И. Н. В. Калачев и развитие архивного дела в России во второй половине XIX в. / М. И. Автократова, В. Н. Самошенко // Совет. архивы. – 1985. – № 5. – С. 28–31.

Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843–1911) / сост., вступ. ст. и коммент. С. П. Щавелева. – Курск : ГОУ ВПО КГМУ Росздрава, 2007. – 508 с.

Бржостовская Н. В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869–1911 гг.) / Н. В. Бржостовская // АЕ-1971. – М. : Наука, 1972. – С. 89–105.

Жервэ Н. Н. Деятельность новгородских краеведов-археологов по изучению и охране памятников древности во второй половине XIX в. / Н. Н. Жервэ // РА. – 1992. – № 3. – С. 225–235.

Зорина Л. И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала / Л. И. Зорина. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1996. – 208 с. – (Учен. зап. Свердл. обл. краевед. музея ; т. 1).

Калякина А. В. Роль музеев ученых архивных комиссий в разработке форм и приемов музейной практики в первой четверти XX в.: на примере Орловского региона / А. В. Калякина // *Вопр. музеологии.* – 2012. – № 2(6). – С. 50–59.

Комарова И. И. Архитектурные общества в России во второй половине XIX – начале XX в. / И. И. Комарова // *Архитектура СССР.* – 1985. – № 5. – С. 108–110.

Комарова И. И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов / И. И. Комарова // АЕ-1986. – М. : Наука, 1987. – С. 85–96.

Комарова И. И. Московское археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России / И. И. Комарова // АЕ-1989. – М. : Наука, 1990. – С. 80–87.

Комарова И. И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX – начала XX в. / И. И. Комарова // АЕ-1990. – М. : Наука, 1991. – С. 83–102.

Кулемзин А. М. Изучение охраны памятников в современной России / А. М. Кулемзин // *Вестн. Кемеров. гос. ун-та.* – 2014. – № 2 (58). – Т. 2. – С. 53–58.

Лебедев Г. С. История отечественной археологии, 1700–1917 гг. / Г. С. Лебедев. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1992. – 464 с.

Мусин А. Е. Церковная археология в России второй половины XIX – начала XX в. и ее место в системе отечественной археологии и охраны культурного наследия / А. Е. Мусин // *Невский археолого-историографический сборник : к 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова / отв. ред. А. Д. Столяр.* – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003. – С. 71–94.

Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий / А. Е. Мусин. – СПб. : Петербург. Востоковедение, 2006. – 376 с.

Назипова Г. Р. Университет и музей: исторический опыт губернской Казани / Г. Р. Назипова. – Казань : РИЦ «Школа», 2004. – 396 с.

Непомнящий А. А. Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX – начале XX в. / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Таврида, 1998. – 208 с.

Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – 432 с. – (Биобиблиография крымоведения ; вып. 3).

Охотников С. Б. Археология в Одессе : 185 лет Одесскому археологическому музею (1825–2010) / С. Б. Охотников. – Одесса : СМИЛ, 2010. – 160 с.

Первушкин В. И. Сохранение исторического наследия в Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерниях во второй половине XIX – начале XX в. / В. И. Первушкин // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 1. – С. 56–59.

Полунина Н. М. Коллекционеры России XVII – начала XX в. : энциклопед. словарь / Н. М. Полунина. – М. : РИПОЛ классик, 2005. – 560 с.

Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1801–1917 гг.) / А. М. Разгон // История музейного дела в СССР. – М. : Гос. изд-во культ.-просвет. лит., 1957. – С. 73–128. – (Тр. НИИ музееведения ; вып. 1).

Смирнов А. С. Власть и организация археологической науки в Российской империи: (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века) / А. С. Смирнов. – М. : Ин-т археологии РАН, 2011. – 592 с.

Степанский А. Д. К истории научно-исследовательских обществ в дореволюционной России / А. Д. Степанский // АЕ-1974. – М. : Наука, 1975. – С. 38–55.

Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете : Историогр. очерки / И. Л. Тихонов. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003. – 332 с.

Тихонов И. Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринский / И. Л. Тихонов // Нев. археол.-историогр. сб. : к 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова / отв. ред. А. Д. Столяр. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003. – С. 95–117.

Турьинская Х. М. Музейное дело в России в 1907–1936 годы / Х. М. Турьинская. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. – 124 с.

Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии / А. А. Формозов. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 127 с.

Формозов А. А. Археология в Академии наук / А. А. Формозов // СА. – 1974. – № 2. – С. 3–12.

Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры / А. А. Формозов. – М. : Совет. Россия, 1990. – 112 с.

Фролов А. И. Алексей и Прасковья Уваровы: хранители московской старины / А. И. Фролов. – М. : АНО ИЦ «Москвоведение» ; АО «Московские учебники», 2003. – 368 с.

Шипилов А. Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века / А. Д. Шипилов // Ярослав. пед. вестн. – 2010. – № 3. – С. 47–51.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Алимпий (Алипий) Печерский (ок. 1065/1070 – ок. 1114?) – первый известный по имени древнерусский иконописец, иеромонах Киево-Печерского монастыря, вместе с византийскими мастерами принимал участие в украшении мозаиками Успенского собора Киево-Печерского монастыря.

Антонович Владимир Бонифатьевич (1834–1908) – историк, археолог, этнограф, профессор и декан историко-филологического факультета университета св. Владимира (Киев).

Апостолов Леонид Яковлевич (1865–1932) – географ, метеоролог, любитель древностей.

Аш Казимир Иванович (1766–1820) – российский государственный деятель.

Бабич Михаил Павлович (1844–1918) – генерал, военачальник, государственный деятель, меценат.

Бай де Жозеф Огюст (1853–1931) – французский археолог, в конце XIX в. совершил путешествие по Поволжью, Уралу и Западной Сибири. Автор книги «От Волги до Иртыша: археологическая-этнографическая экскурсия по Приуралью и Западной Сибири в 1896 г.»

Баженов Василий Иванович (1737/1738–1799) – выдающийся русский архитектор, работал в стиле классицизма, академик (с 1762 г.), профессор Римской академии, почетный член Флорентийской и Болонской академий. Автор неосуществленных грандиозных проектов перестройки Московского Кремля и дворцово-паркового ансамбля в Царицыно.

Бенкендорф Александр Христофорович (1768–1835) – российский государственный деятель, военачальник, генерал, шеф корпуса жандармов.

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – русский художник, историк искусства, художественный критик, инициатор издания ряда искусствоведческих журналов («Художественные сокровища России», «Старые годы»), один из основателей Музея старого Петербурга. С 1917 г. принимал активное участие в организации охраны памятников искусства и перестройке музейного дела в СССР.

Беляев Александр Дмитриевич (1849–1919) – богослов, профессор Московской духовной академии, историк, публицист.

Берс Александр Андреевич (1902–1937) – уральский историк, археолог, краевед, преподаватель. В 1933–1935 гг. возглавлял Уральский областной антирелигиозный музей в Свердловске.

Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) – историк, профессор Санкт-Петербургского университета, специалист в области исторического источниковедения.

Бобринский Алексей Александрович (1852–1927) – граф, известный русский археолог, председатель Императорской археологической комиссии (1886–1917), вице-президент Академии художеств, сенатор, обер-гофмейстер высочайшего двора.

Ваксель Лев (Леон) Савельевич (1776?–1816) – инженер-механик, естествоиспытатель, археолог, коллекционер древностей.

Вестмакотт Ричард (1775–1856) – английский скульптор-монументалист.

Вильнев де Евгений Францевич (1803–1879?) – археолог, хранитель Феодосийского музея древностей.

Виниус Андрей Андреевич (1641–1717) – голландец по происхождению, с 1664 г. на русской службе. В конце XVII в. стал одним из сподвижников Петра I, думный дьяк (1675). Возглавлял почтовое ведомство (1675), Сибирский приказ (1694).

Витзен Николаус (1641–1717) – голландский предприниматель, торговец, политический деятель, путешественник и картограф.

Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) – светлейший князь, генерал от инфантерии, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1823–1844), наместник на Кавказе и командующий Отдельным Кавказским корпусом (1844–1854), генерал-фельдмаршал (1856), меценат.

Врангель Николай Николаевич (1880–1915) – искусствовед, общественный деятель, публицист.

Габлиц Карл Иванович (1752–1821) – российский ученый, академик, государственный деятель, внес существенный вклад в развитие биологии, географии, этнографии.

Георги Иоган Готлиб (1729–1802) – российский этнограф, натуралист, академик Санкт-Петербургской академии наук. В 1768–1774 гг. посетил Юго-Восточную Россию, Алтай, Байкал, Забайкалье, Урал, Поволжье. Автор первого обобщающего труда о народах России «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, одежд, жилищ и прочих достопамятностей».

Георгиевский Василий Тимофеевич (1861–1923) – исследователь древнерусского искусства, архивист, музейный работник.

Гильденштедт Иоган Антонович (1745–1781) – российский врач, естествоиспытатель, путешественник, академик Санкт-Петербургской академии наук. В 1768–1774 г. совершил поездку по Кавказу и Украине. Основные труды: «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа», «Путешествие академика Гильденштедта по Слободско-Украинской губернии».

Гмелин Самуэль Георг Готлиб (1744–1774) – российский натуралист, путешественник, академик Санкт-Петербургской академии наук.

Голицын Александр Михайлович (1723–1807) – дипломат, государственный деятель, меценат и благотворитель. Собрал значительную коллекцию произведений западноевропейского изобразительного искусства.

Голицын Александр Николаевич (1773–1844) – друг великого князя Александра Павловича, после воцарения которого стал обер-прокурором Святейшего синода, увлекался религией и мистикой, руководил деятельностью Российского библейского общества, в 1816–1824 г. возглавлял Министерство народного просвещения.

Голицын Дмитрий Михайлович (1721–1793) – дипломат, меценат, благотворитель, коллекционер, библиофил. Имел большое собрание полотен старых мастеров.

Городцов Василий Алексеевич (1860–1945) – выдающийся русский археолог, преподаватель Археологического института, профессор Московского государственного университета (в советское время).

Демидов Акинфий Никитович (1678–1745) – уральский горнозаводчик, к концу жизни имел 25 чугуноплавильных, железоделательных и медных заводов на Урале, Алтае и в центре страны.

Демидов Никита Никитович (1728–1804) – российский промышленник из рода Демидовых, коллекционер.

Дерибас Иосиф (Осип) Михайлович (Хосе де Рибас, 1751–1800) – испанский дворянин по происхождению, адмирал, военный и государственный деятель, участник русско-турецких войн, основатель Одессы.

Долгоруков Василий Михайлович (1722–1782) – российский военачальник, генерал-аншеф, в период русско-турецкой войны 1768–1774 г. командующий 2-й армией (с 1770 г.), получил почетный титул «Крымский».

Думберг Карл Евгеньевич (1862–1931) – археолог, директор Керченского музея древностей (1891–1901), в 1896–1899 гг. провел масштабные раскопки Пантикапея.

Дюбрюкс Поль (Павел Алексеевич/Александрович?; 1770?–1835) – любитель древностей, археолог, изучал памятники Керченского полуострова, один из основателей Керченского музея древностей.

Ермолин Василий Дмитриевич (?–1481/1485) – русский архитектор и скульптор, богатый купец и подрядчик, возглавлял артель московских мастеров-строителей. Построил несколько церквей в Москве, Владимире, Юрьеве-Польском. По его заказу была составлена Ермолинская летопись, в которой вопросы архитектуры и строительства изложены, вероятно, самим заказчиком.

Зуев Василий Федорович (1754–1794) – русский естествоиспытатель и путешественник, академик Санкт-Петербургской академии наук. Принимал участие в академических экспедициях П. С. Палласа 1768–1774 гг. Совершил путешествие в район рек Буг и Днестр, по Крыму (1781–1782). Автор книги «Путешественные записки от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг.», первого русского учебника по естественной истории «Начертание естественной истории».

Ивановский Лев Константинович (1845–1892) – врач, археолог-любитель.

Иннокентий (Борисов Иван Алексеевич, 1800–1857) – известный русский богослов и церковный оратор, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, затем ректор Киевской духовной академии. С 1836 г. епископ; занимал кафедры в Вологде, Харькове. Ввел в употребление новые методы изложения богословия – исторический и историко-сравнительный. В конце жизни – архиепископ Херсонский и Таврический, инициатор возрождения древних православных монастырей и церквей в Крыму.

Иоанн II (ум. 1089) – митрополит Киевский (1077?–1089), вероятно, грек по происхождению, автор посланий к «папе Клименту» и «черноризцу Иакову».

Калачов Николай Васильевич (1819–1885) – историк права, выдающийся архивист, основатель Археологического института в Санкт-Петербурге и первых губернских ученых комиссий, управляющий Московским архивом Министерства юстиции, академик, сенатор.

Капнист Василий Васильевич (1758–1823) – поэт и драматург, автор стихотворной комедии «Ябеда».

Карамзин Николай Михайлович (1760–1826) – выдающийся русский историк, писатель, поэт, переводчик, публицист, автор «Истории государства Российского».

Каховский Василий Васильевич (1738–1794) – государственный деятель, правитель Таврической области (1786–1788).

Каховский Михаил Васильевич (1734–1800) – генерал-аншеф, российский военачальник, государственный деятель.

Келер Егор Егорович (1765–1838) – Генрих Карл Эрнст Келер – немецкий ученый на русской службе, член-корреспондент (с 1803 г.), академик (с 1817 г.) Императорской академии наук, антиковед, нумизмат, археолог.

Керим-Гирей (1717–1769) – крымский хан (1758–1764, 1768–1769) из династии Гиреев.

Кирьяков Михаил Михайлович (1810–1839) – агроном, любитель древностей, один из основателей Одесского общества истории и древностей.

Кларк Эдвард Даниэль (1769–1822) – профессор минералогии Кембриджского университета, путешественник, антиковед.

Клер Онисим Егорович (1845–1920) – уральский краевед, преподаватель. Инициатор создания в Екатеринбурге Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), музея и библиотеки при нем. Ученый секретарь, хранитель музея, президент УОЛЕ (1909–1920). Опубликовал около 60 работ краеведческой тематики.

Княжевич Дмитрий Максимович (1788–1844) – российский государственный деятель, журналист, филолог, историк.

Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943) – российский государственный деятель, министр финансов (1904–1905, 1906–1914), председатель Совета министров (1911–1914).

Комаров Александр Виссарионович (1830–1904) – генерал, участник Кавказской войны и Туркестанских походов, этнограф, археолог и орнитолог-любитель.

Корсаков Дмитрий Александрович (1843–1919) – историк, профессор Казанского университета.

Ла Мармора Алесандро (1799–1855) – итальянский военачальник, генерал-майор.

Лепер Роман Христианович (1865–1918) – археолог, филолог-классик, эпиграфист, ученый секретарь Русского археологического института в Кон-

тантинополе (1901–1908), заведующий раскопками Императорской археологической комиссии в Херсонесе (1908–1914).

Лепехин Иван Иванович (1740–1802) – русский географ, член Санкт-Петербургской академии наук, исследователь Урала и европейской части России. Его «Дневные записки путешествия...» обобщают результаты первого географического исследования Урала и содержат богатый материал по этнографии коренного уральского населения.

Лихачев Иван Федорович (1826–1907) – вице-адмирал, исследователь, коллекционер произведений искусства, археолог.

Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896) – князь, российский дипломат и историк, коллекционер, товарищ министра внутренних дел (1867–1878), министр иностранных дел (1895–1896).

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, один из основоположников физической химии, человек разносторонних интересов и способностей, поэт, заложивший основы современного русского языка, художник, историк, поборник отечественного просвещения и развития самостоятельной русской науки, академик. Основные труды по истории: «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года» и «Краткий Российский летописец с родословием»; выступал с критикой норманской теории.

Люценко Александр Ефимович (1807–1884) – археолог, директор Керченского музея древностей.

Макферсон Дункан (1812–1867) – английский военный врач, археолог.

Малахов Михаил Викторович (1856–1885) – археолог, член Уральского общества любителей естествознания и Русского географического общества (с 1879 г.). В 1874–1876 гг. и в 1878 проводил раскопки в окрестностях Екатеринбурга у д. Палкино. В 1880–1882 гг. по заданию РГО организовал экспедицию по Уралу, в ходе которой было обнаружено около 500 археологических памятников (Шигирский горфяник, писаницы на реках Вишера, Реж, Тагил).

Мамин-Сибиряк (Мамин) Дмитрий Наркисович (1852–1912) – русский писатель, известен благодаря циклу романов преимущественно из горно-заводской жизни: «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Дикое счастье», «Три конца», а также циклу очерков, рассказов и повестей: «Уральские рассказы», «Сибирские рассказы» и др.

Маркевич Алексей Иванович (1847–1903) – историк, археолог, профессор Новороссийского университета (Одесса), общественный деятель.

Маркевич Арсений Иванович (1855–1942) – историк, архивист, один из создателей и руководителей Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь).

Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – советский востоковед и лингвист, академик АН СССР, организатор науки. Занимался сравнительной грамматикой кавказских языков, автор «яфетической теории» происхождения и развития языков.

Мартиниан (М. С. Муратовский, 1820–1998) – епископ Русской православной церкви.

Маршал фон Биберштейн Федор Кондратьевич (1768–1826) – натуралист, ботаник, путешественник. Изучал флору Кавказа и Крыма, интересовался памятниками старины Северного Причерноморья.

Мельгунов Алексей Петрович (1722–1788) – генерал-поручик, тайный советник, государственный деятель, меценат.

Мессершмидт Даниил Готлиб (1685–1735) – российский исследователь Сибири, в 1716 г. был приглашен Петром I в Петербург, по его заданию путешествовал по Сибири, собрал значительные естественно-исторические и этнографические коллекции, картографические материалы. Основной труд: «Обозрение Сибири, или Три таблицы простых царств природы».

Миллер Герард Фридрих (1705–1783) – историк и археограф, член Санкт-Петербургской академии наук (адъюнк, профессор истории, конференц-секретарь), собрал обширные данные по археологии, этнографии и экономике Сибири. Наиболее значительный труд – «История Сибири» – доведен до 1660-х гг.

Миних Бурхард Кристоф (Христофор Антонович, 1683–1767) – российский военачальник немецкого происхождения, генерал-фельдмаршал.

Монро Уильям (1818–1880) – английский генерал, ботаник, антикварий.

Мортье Эдуар Адольф Казимир (1768–1835) – французский военный деятель, участник Наполеоновских войн, маршал, герцог Тревизо.

Мурзакевич Николай Никифорович (1806–1883) – историк, археолог, один из основателей Одесского общества истории и древностей, секретарь (1839–1874) и вице-президент ООИД (1875–1883), профессор Ришельевского лицея в Одессе.

Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1744–1817) – граф, русский государственный деятель, археограф и историк, коллекционер древностей. Член Петербургской академии наук (с 1789 г.). Обер-прокурор Святейше-

го синода (1791–1797), президент Академии художеств (1791–1799). Опубликовал ряд древнерусских памятников, в том числе «Слово о полку Игореве» (1800). Большая часть его собрания древних рукописей погибла при пожаре Москвы в 1812 г.

Нарушевич Адам Тадеуш Станислав (1733–1796) – епископ, историк и поэт, яркий представитель эпохи Просвещения в Польше. Автор «Истории польского народа» и исторического сочинения «Описание Тавриды».

Николай Михайлович (1859–1919) – великий князь, внук Николая I, известный историк, специалист по русской истории эпохи Александра I, масон, действительный и почетный член многих научных обществ, расстрелян большевиками в Петропавловской крепости.

Озерецковский Николай Яковлевич (1750–1827) – русский естествоиспытатель, путешественник и этнограф, член Санкт-Петербургской академии наук (с 1782 г.). В 1768–1773 гг. участвовал в академической экспедиции И. И. Лепехина по северу России. Важное значение для истории и этнографии имеют его исследования 1785–1817 гг., проведенные в районах Ладожского и Онежского озер, на Кольском полуострове и в Поволжье.

Орлов Григорий Григорьевич (1734–1783) – генерал-фельдцейхмейстер, государственный деятель, фаворит Екатерины II, меценат и коллекционер.

Остроухов Илья Семенович (1858–1929) – русский пейзажист-передвижник, художественный деятель. С 1903 г. фактически руководил Третьяковской галереей; собрал собственную ценную коллекцию русской иконописи и живописи новейшего времени.

Паллас Петр Симон (1741–1811) – естествоиспытатель, географ и путешественник, член Санкт-Петербургской академии наук. В 1768–1774 гг. возглавлял экспедиции в центральные области России, Нижнее Поволжье, район Прикаспия, на Средний и Южный Урал, в Южную Сибирь. В 1793–1794 гг. посетил Северный Кавказ, Поволжье, Крым. Основные труды: «Путешествие по разным провинциям Российского государства», «Флора России».

Панмюр Фокс Мол (1801–1874) – английский государственный и военный деятель, военный министр (1855–1858).

Паррот Иоганн Фридрих (Иван Егорович, 1791–1841) – натуралист, ботаник, медик. Совершил путешествие по Крыму и Кавказу.

Паскаль Эжен (Евгений Францевич, 1791–1861) – французский архитектор, работал в России – в Крыму, Москве, Санкт-Петербурге, академик архитектуры.

Петр (Могила Петр Симеонович) митрополит (1596–1647) – митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси Константинопольской православной церкви, происходил из знатного боярского рода, один из создателей Киево-Могилянской академии, просветитель, богослов.

Плюшкин Федор Михайлович (1837–1911) – российский предприниматель, купец, владелец одной из крупнейших в Российской империи частных коллекций произведений искусства и предметов старины, основатель частного музея (Псков).

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – правовед, государственный деятель, член Государственного совета (с 1872 г.), обер-прокурор Святейшего синода (1880–1905), считается главным идеологом контрреформ Александра III.

Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – известный русский историк, специалист в области древнерусской и славянской истории, профессор Московского университета (1826–1844), академик (с 1841 г.). Писатель, журналист и публицист. Издатель журнала «Московский вестник», принимал участие в издании журнала «Московитянин».

Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) – светлейший князь, выдающийся государственный деятель, полководец, фаворит Екатерины II.

Прозрителев Георгий Николаевич (1849–1933) – краевед (Ставропольский край), археолог-любитель, журналист, общественный деятель.

Редин Егор Кузьмич (1863–1908) – историк, археолог, профессор Харьковского университета, автор трудов по древнерусскому и византийскому искусству.

Ришелье де Эммануил Осипович (1766–1822) – Арман Эммануэль София-Септимани де Виньеро, дю Плесси, граф де Шинон, 5-й герцог де Ришелье – французский и российский государственный деятель, градоначальник Одессы (1803–1814), новороссийский генерал-губернатор (1805–1814), министр иностранных дел Франции (1815–1818), премьер-министр (1815–1818, 1820–1821), основатель лицея в Одессе.

Рогожин Владимир Николаевич (1859–1909) – библиограф, библиофил, коллекционер, археолог.

Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – русский историк античности и археолог. В 1918 г. эмигрировал из Советской России. Член многих академий и научных обществ, почетный доктор ряда университетов. Одна из основных работ посвящена истории и археологии Боспорского царства («Скифия и Боспор»).

Самоквасов Дмитрий Яковлевич (1843–1911) – известный русский археолог, историк права, архивист, возглавлял Московский архив Министерства юстиции, общественный деятель.

Свирилин Александр Иванович (1830–1906) – священник Русской православной церкви, педагог, историк.

Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович (1827–1914) – русский географ, статистик, почетный член Санкт-Петербургской академии наук, вице-председатель Русского географического общества, член Государственного совета, общественный деятель. В 1856–1857 гг. изучал Тянь-Шань. Участвовал в подготовке крестьянской реформы 1861 г., возглавлял Центральный статистический комитет (1864–1874), Статистический совет (1874–1897).

Сент-Арно де Арман Жак Леруа (1798–1854) – французский военный деятель, маршал, участник Крымской войны.

Сестрэнцевич-Богуш Станислав (1731–1826) – архиепископ, благотворитель, историк, автор нескольких исторических трудов, библиофил.

Сонцов Дмитрий Петрович (1803–1875) – нумизмат, коллекционер, один из основателей Московского археологического общества.

Спицын Александр Андреевич (1858–1931) – выдающийся русский археолог, член и товарищ председателя Императорской археологической комиссии, член-корреспондент АН СССР (с 1927 г.).

Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) – филолог-славист, этнограф, палеограф, академик, декан историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1855–1880).

Стивен Александр Христианович (1844–1910) – российский государственный и общественный деятель, любитель древностей, один из основателей музея Таврической ученой архивной комиссии и библиотеки «Таврика» (Симферополь).

Строганов Аника (Аникей) Федорович (1488–1569/1570) – крупнейший русский предприниматель своего времени, колонизатор Прикамских земель, государственный деятель, владелец крупного книжного собрания.

Строганов Никита Григорьевич (1560–1616) – купец, предприниматель, землевладелец, один из организаторов похода Ермака на Сибирское ханство, владелец крупной библиотеки.

Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882) – граф, председатель Императорской археологической комиссии.

Струков Дмитрий Михайлович (1827–1899) – архитектор, художник, реставратор, археолог.

Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854) – российский государственный деятель, дипломат, религиозно-политический публицист.

Султанов Николай Владимирович (1850–1908) – инженер, архитектор, реставратор, искусствовед, историк архитектуры, директор Института гражданских инженеров (1895–1903).

Татищев Василий Никитич (1686–1750) – историк, государственный деятель, положил начало развитию в России этнографии, исторической географии, источниковедения. Составитель первого русского энциклопедического словаря («Лексикон Российский»), автор первого научного труда по отечественной истории «История Российская с самых древнейших времен».

Тизенгаузен Владимир Густавович (1825–1902) – востоковед, историк, археолог, член-корреспондент Академии наук, товарищ председателя Императорской археологической комиссии (1894–1900).

Толмачев Владимир Яковлевич (1876–1943) – один из первых уральских археологов, создатель «Археологической карты Среднего Урала», член Уральского общества любителей естествознания. После эмиграции жил в Маньчжурии, занимал должность хранителя Русского музея в Харбине.

Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – граф, русский государственный деятель, член Государственного совета (1866), обер-прокурор Святейшего синода (1865–1880), с 1866 г. министр народного просвещения, провел гимназическую реформу 1871 г. В 1882–1889 гг. – министр внутренних дел и шеф жандармов, с 1882 г. – президент Санкт-Петербургской академии наук, автор трудов по русской истории XVIII в.

Турчаковский Климент Иванович (1847/1850–1897) – педагог, автор учебников по географии, любитель древностей.

Уваров Алексей Сергеевич (1825–1884) – граф, известный русский археолог, организатор науки, создатель и председатель Московского археологического общества. Организовал первые пять всероссийских археологических съездов. Действительный и почетный член многих научных обществ России и Европы, почетный доктор русской истории Санкт-Петербургского университета (с 1872 г.).

Уваров Сергей Семенович (1786–1855) – граф, русский государственный деятель, президент Академии наук (1818–1855). Автор работ по древнегреческой литературе и археологии. Министр народного просвещения (1833–1849), создатель охранительной «теории официальной народности».

Уварова Прасковья Сергеевна (1840–1924) – графиня (урожд. княжна Щербатова), председатель Московского археологического общества (в 1885–1917 гг.), организатор последних 10 всероссийских археологических съездов.

Успенский Федор Иванович (1845–1928) – византист, академик, директор Русского археологического института в Константинополе (1894–1914), редактор «Византийского временника» (1915–1928), председатель Палестинского общества (1921–1928).

Фабр Андрей Яковлевич (1789–1863) – российский государственный деятель, чиновник, историк, любитель древностей, благотворитель и меценат.

Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928) – археолог, специалист по античной археологии, археологии Северного Причерноморья и античному искусству. Производил раскопки в Ольвии, Киеве, Евпатории и др.

Фишер Иоганн Эбергард (1697–1771) – историк, академик, исследователь Сибири, один из первых исследователей памятников археологии этого региона.

Хрулев Степан Александрович (1807–1870) – российский военачальник, генерал, герой Крымской войны.

Черников-Анучин Александр Васильевич (ок. 1836–1899) – общественный деятель, археолог-любитель, краевед (Уфимская губерния).

Чернышев Захарий Григорьевич (1722–1784) – генерал-фельдмаршал, военачальник, государственный деятель.

Шагин-Гирей (1745–1787) – последний крымский хан (1777–1782, 1782–1783).

Шереметьев Николай Петрович (1751–1809) – граф, благотворитель и меценат. Имел обширную коллекцию произведений живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, значительное собрание фарфоровых изделий западноевропейского производства.

Шереметьев Петр Борисович (1715–1788) – граф, государственный деятель, благотворитель и меценат. Владелец крупной коллекции картин и произведений декоративно-прикладного искусства, библиофил.

Штерн Эрнст Романович фон (1859–1924) – известный историк, филолог, археолог. Профессор кафедры классической филологии Новороссийского университета в Одессе (с 1886 г.), действительный член совета Одес-

ского общества истории и древностей, член издательского комитета и хранитель музея общества.

Шувалов Иван Иванович (1727–1797) – государственный деятель, генерал-адъютант, обер-камергер, действительный тайный советник, фаворит Елизаветы Петровны. Основатель Московского университета и Академии художеств, благотворитель и меценат. Имел обширное собрание произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства, в том числе античного времени.

Энгельгардт Мориц Федорович (1779–1842) – профессор минералогии и геологии в Дерптском университете, путешественник, посетил Крым и Кавказ.

Юдин Геннадий Васильевич (1840–1912) – русский предприниматель, купец, библиофил, коллекционер, меценат.

Юсупов Николай Борисович (1750–1831) – государственный деятель, дипломат, действительный тайный советник, сенатор, меценат. Имел одну из крупнейших в России коллекций произведений западноевропейского искусства, собрал обширную библиотеку раритетных изданий.

Учебное издание

Шаманаев Андрей Васильевич
Зырянова Светлана Юрьевна

ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Учебное пособие

Заведующий редакцией *М. А. Овечкина*
Редактор *В. И. Попова*
Корректор *В. И. Попова*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головина*

Подписано в печать 19.02.18. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Цифровая печать.

Уч.-изд. л. 6,7. Усл. печ. л. 7,67. Тираж 50 экз. Заказ 36.

Издательство Уральского университета

Редакционно-издательский отдел ИПЦ УрФУ

620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 389-94-79, 350-43-28

E-mail: gio.marina.ovechkina@mail.ru

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ

620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13

Факс: +7 (343) 358-93-06

<http://print.urfu.ru>

